

- BOOK IN STYLE -

КЕЙДЖ

ХАРПЕР СЛОАН

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES & USA TODAY

Грег Кейдж — прирожденный защитник. На протяжении всей своей жизни он оберегал свою мать и сестру от враждебного мира... но однажды он потерпел неудачу. В последние десять лет в нем затаились чувство вины и жажда мщения... но они отпустили его. Сейчас, когда его лучший друг планирует свадьбу и больше не нуждается в его защите, он чувствует себя еще более потерянным, полностью брошенным на произвол судьбы и отчаянно жаждущим что-либо контролировать. Он привык оберегать: свою семью, друзей и свою страну. Сможет ли он оставить в прошлом все, что он когда-либо знал, и перестать пытаться все контролировать?

Мелисса Ларсон никогда и никому не позволит руководить своей жизнью. Она в течение многих лет являлась опорой для своей семьи и боролась за ее единство — это ее приоритет. Она всегда была отчаянно независимой и гордой. Последнее, что она когда-либо сделает, это попросит чьей-то помощи. Но, что если этот выбор больше от нее не зависит, принуждая ее полагаться на других людей, чтобы спасти себя и свою семью, собрать по кусочкам то, что она потеряла? Сможет ли она позволить кому-либо стать для нее опорой?

В тот момент, когда Грег встречается взглядом с Мелли, он понимает, что она та самая, кто ему так необходим. Кто-то, кого он страстно желает. Мелли же в момент встречи с Грегом понимает, что от него следует ждать только проблем и разбитого сердца. Ее жизнь делает резкий поворот, и злодейка-судьба снова вносит хаос в жизнь одного из членов семьи нашей службы безопасности.

Ситуация становится неуправляемой, не предоставляя Грегу никакого выбора, кроме надежды на благосклонность судьбы. Он снова связывается со своим старым другом Брексоном Брейкером из Брейкнек МС. Вместе они снова уверены, что ничто не угрожает тем, кого любит Грег.

Переводчики: *Таня Меньшакова (пролог — 1 глава),*

Юлия Цветкова (с 2 главы)

Редакторы: *Oli4ek (пролог — 1 глава),*

Амира Албакова (с 2 главы)

Вычитка: *Надежда Крылова*

Обложка: *Julia Ovsyannikova*

Оформитель: *Юлия Цветкова*

Переведено специально для группы:

vk.com/book_in_style

Пролог

— Грег Кейдж, — рывкаю я в телефонную трубку. Последние тридцать минут, я сижу около этого проклятого центра УЗИ. Конечно, настоящие родители опаздывают. Эти двое не могут оставить друг друга в покое.

Боже, я хочу этого.

— Алло?

— Да, Кейдж. Это Деррик. — Я начинаю нервничать. За последнюю пару лет у этого

мерзавца не происходит ничего, кроме головной боли.

— Новости? — Сегодня у меня нет времени на его чепуху.

— Эмм, да?

— Деррик, у меня сейчас нет на это терпения. Ты позвонил мне по какой-то причине, и, клянусь богом, лучше бы она была хорошей. Этот скользкий гад наконец прокололся?

Деррик — местный легавый, следит за бывшим мужем моей сестры последние пару лет, с тех пор как Саймон взял в жены очередную невинную женщину. Я знаю, здесь что-то не так, но я так и не смог найти хотя бы крупницы грязи на этого подонка. Грейс стало бы плохо, узнай она, насколько сильно во мне растет жажда мести.

— Что ж, да... Поэтому я и звоню, Кейдж. Я просто не знаю, как ты воспримешь эту новость.

Деррик возможно и является надежным парнем, но в такие моменты я просто хочу ударить его милую мордашку.

— Так. Что. За. Новость? — я вижу пикап Акселя, въезжающий на парковочное место, и понимаю, что должен договорить, пока меня не заметила Иззи. Я люблю ее, но когда она замечает мое волнение, она не успокоится, не докопавшись до его причины. Я бы не хотел омрачать сейчас ей настроение.

— Дело в его жене Софии. Что ж, видишь ли... прошлой ночью прошлой ночью произошел несчастный случай.

— Проклятье, — прошипел я. Так же, как и с Грейс. Так же, как и с моей прекрасной сестрой.

— Пожалуйста, блядь, скажи мне, что есть что-то, что связывает его задницу с этим — Должно быть. Совпадение просто охренительное.

— В этом-то все и дело. Несчастный случай. Я не был на вызове прошлой ночью, так что это все из вторых рук, пока я не попал в участок... дерьмо — Я знал, что-то не так, просто знал. — София держалась до прибытия медиков, они уже довезли ее до госпиталя, но не успели, — он глубоко вздохнул, прежде чем продолжить, за это время у меня все внутри окаменело. — Она умерла в больнице, Кейдж.

Я вижу широкую сияющую улыбку Иззи в окне машины, и на сердце становится легче.

— Мне пора. Держи меня в курсе. Не время от времени. Я хочу знать каждую гребаную деталь, понял меня?

— Да, Кейдж, я понял.

Услышав, что он отключился, я прячу телефон в карман и готовлюсь встречать Иззи. Она идет мне навстречу, ее маленький живот округлился, говоря о первых признаках плавно протекающей беременности. Я не могу ей не улыбнуться.

Волнение после звонка Деррика все еще поедает меня, но я отбрасываю его и обнимаю Иззи в знак приветствия.

— Как ты, малышка?

Она смотрит на меня с сияющей улыбкой, и я вновь понимаю, как же она для меня важна. Грейс бы полюбила ее.

Ее ослепительная улыбка, полная любви и счастья, помогает стереть последние кусочки ужаса, только что обрушившиеся на мою голову. Жизнь продолжается.

Сейчас мне просто нужно понять, как забыть этого ублюдка Саймона Вагнера.

Глава 1

Грег

Чуть больше года спустя

Тяжелый стук изголовья кровати о стену заглушает настойчивый звонок моего мобильного телефона.

— Черт, — Рычу я. Убрав руку с тонких запястий, которые я связал за спиной этой цыпочки, я тянусь и хватаю с прикроватной тумбочки телефон.

— Молчи, — я прикусил губу, ощущая, как крепко ее киска обхватывает мой член. Эта цыпочка любит, когда я командую.

— Кейдж, — отвечаю я, толкаясь бедрами и фиксируя положение. Мое дыхание прерывисто, что говорит о сильном напряжении, — Алло?

— Э-э, Джи? — Нежный голос Иззи звучит из трубки. Черт. Не так я должен отвечать ей по телефону. Она стала мне как сестра за последние четыре года.

— Да, дай мне секунду, малышка — я отключаю звук и вытаскиваю мой твердый член из тугой киски Мэнди, довольно сильно шлепнув ее по заднице.

— Иди приведи себя в порядок, время игр закончилось. — Если бы взглядом можно было убить, я бы уже лежал мертвым на собственном полу.

— Ты шутишь? — она повернулась ко мне и, раздражительно фыркнув, скрестила руки на своей огромной искусственной груди.

— Я не шучу Мэнди, и на твоё дерьмо у меня тоже нет времени. Ты знала, что здесь будет, и я не давал никаких тебе преждевременных обещаний

— Ты мог, хотя бы раз, действительно вести себя так, как будто хочешь, чтобы я была рядом? — говорит она с надутым видом.

Я окидываю ее взглядом и скатываюсь с кровати, снимая с члена презерватив и выбрасывая его в мусорное ведро, прежде чем выйти из спальни.

Как только я захожу в кабинет, я отключаю звук и делаю глубокий вдох, прежде чем заговорить

— Иззи, прости. Что случилось?

— Мне так жаль, Джи! Я не думала, что ты будешь... занят. — Я, возможно, поверил бы ей, если бы не ее тихий смех.

— Смешно. Ну так? Что за ранний звонок?

— Ладно, ладно. Больше не смеюсь. Окажи мне огромную услугу. У Нейта небольшая температура, и я не могу сходить с нему на прием к врачу. Мне нужно встретиться со свадебным организатором через час, а Акс в офисе. Я думаю, у него просто режутся зубы, но я буду чувствовать себя спокойнее из-за свадьбы и всех этих выходных, если все проконтролирую сама. В любом случае, я позвонила Ди, но она не может взять его, потому что у нее встреча сегодня утром, и я попробовала позвонить Мэддоксу, потому что Акс сказал, что он свободен, но он сказал "нет девочка" и бросил трубку.... Я думаю, у него есть друг, если ты понимаешь, о чем я.

Она так и не закончит болтовню, если ее не поторопить. Иззи в режиме «безумной невесты и озабоченной мамочки» — полнейший хаос.

— Из, выкладывай, если я могу помочь, я помогу.

— Хорошо. Ты сможешь отвезти Нейта к врачу через час?

— Да, малышка. Это было не так сложно, не так ли?

Она засмеялась перед тем, как продолжить, но я все еще слышу напряжение в ее голосе.

— Не трудно, Джи. Я чувствую, как схожу с ума.

— Просто держись. В конце выходных, ты поймешь, что оно того стоило.

— Я знаю, но я все равно чувствую, что в любой момент все может пойти кувырком.

— Перестань напрягаться. Ты правда думаешь, что Аксель позволит чему-то встать на пути к тому, чтобы сделать тебя своей женой? Не-а. Этого не случится. Он ради тебя горы свернет. Пора расслабиться.

— Хорошо, я постараюсь. Буду тебе должна.

— Нет. Ты же знаешь, что я люблю проводить время с малышом. Я заскочу за ним через полчаса. У меня есть кое-какие дела, о которых я должен позаботиться сначала здесь.

— О, да... Могу себе представить. — Ее смех — последнее, что я слышу, прежде чем она отключается.

Когда я поворачиваюсь, Мэнди стоит в дверном проеме, с голой задницей и хмурым взглядом.

— Что?

— Кто это, черт возьми, был? Ты ответил на звонок, когда твой член был во мне. Звонок от другой женщины?

Почему я терплю эту сучку? Ах да, точно, потому что, если бы я ждал еще хоть немного, мой член отсох бы.

— Аманда, — прорычал ее полное имя — слушай меня внимательно. Ты не должна сидеть здесь и поднимать это дерьмо. Моя сестра позвонила мне, и я ответил. Прими это, если ты еще когда-нибудь захочешь вернуться мою постель.

— Ты кончил? Твой член все еще твердый, — Кричит она на меня.

Мне не нужно смотреть вниз чтобы понять, что мой член умоляет закончить начатое. Я опускаю руку и ласкаю свои яйца, безуспешно пытаюсь облегчить боль, которая накатывает в моем паху. Черт... как же мне это нужно.

— Детка. У меня мало времени. Ты хочешь закончить? Отлично, но это будет жестко и быстро.

Ее язвительно искривленные губы и изогнутая бровь мигом взлетают вверх. Улыбка, которая появляется на ее лице, напоминает мне о том, почему я трачу свое время на Мэнди. Она чертовски красива, и, если бы я не был таким холодным ублюдком я мог бы захотеть чего-то большего, чем простого удовлетворения потребности.

Она подходит к моему столу и запрыгивает на край, раздвигая свои длинные, загорелые ноги и обнажает свою мокрую киску.

— Давай детка. Я вся истекаю, — она проводит по своим складочкам, несколько раз трет клитор, а затем вводит два пальца глубоко во внутрь. Очевидно, что, когда она их достанет они будут покрыты ее соками.

— Хочешь попробовать, малыш? — ее голос возвращает меня из тумана, вызванного похотью, и напоминает мне, зачем она здесь.

— Заткнись, — Я рычу, прежде чем просунуть руки под ее ноги и поднести ее киску к своим губам. Она хватается за мои волосы, вцепившись в них своими длинными пальцами, пока я стою с ней, прижатой к моему рту, и ем, как изголодавшийся мужчина.

— О... Грег, малыш! Я люблю твой рот, люблю, как ты пожираешь меня.

В ответ я лишь рычу, желая, чтобы она заткнулась.

Идя вслепую по коридору, я дважды пригибаюсь, чтобы она не ударилась головой о дверную раму, и бросаю ее обратно в смятый беспорядок моей кровати.

Она быстро переползает на самый край, и, прежде чем я успеваю ее остановить, мой член оказывается глубоко в ее горле. Я приостанавливаюсь на секунду, чтобы насладиться ее

порочным трахающим ртом, а затем мягко отталкиваю ее от себя.

— Нет времени, Мэнди. Нужно быстрее разобраться с этим дерьмом.

Потянувшись к приставному столику, я беру еще один презерватив и натягиваю его на свой напряженный член. Если я не окажусь внутри ее тела, то в любую секунду сорвусь.

— Перевернись — она снова хмурится, но поворачивается и поднимает задницу высоко в воздух. Легко шлепнув ее по бедру, я прохожусь кончиком члена по ее половым губам. Каждый раз, когда сталь моего пирсинга касается ее клитора, она нетерпеливо ерзает.

— Трахни меня! — кричит она, толкаясь бедрами.

— Лучше держись Мэнди. Я собираюсь жестко тебя трахнуть.

Я вхожу в ее киску одним быстрым, глубоким толчком. Она вскрикивает от удовольствия, раскачиваясь назад, чтобы встретить мои сильные удары. В этом нет ничего любовного; это удовлетворение потребностей мужчины и женщины.

Проходит всего несколько минут, прежде чем ее стенки плотно обхватывают мой член, высасывая из меня все до последней капли. Крепко шлепнув ее по попе, я выхожу и иду в ванную.

— Мне пора идти, Мэнди. Давай подброшу твою прекрасную задницу домой.

Я закрыл дверь как раз вовремя, чтобы избежать удара от предмета, который она в меня швырнула через комнату.

Сумасшедшая сука. Вот почему я так долго избегал отношений.

Глава 2

Грег

Паркуясь перед домом Аксея и Иззи, я быстро взбегаю по ступенькам и открываю дверь своим ключом.

— Из? — Кричу я и мой голос эхом разносится по всему дому.

— Я здесь, Грег. Готовлю тебе его сумку. — Предполагая, что ее голос доносится с кухни, я иду в том направлении.

Поворачивая за угол на кухню, я чуть не сбиваю Иззи с ног в ее суматохи.

— Малышка, ты должна успокоиться. Как ты думаешь, что именно должно произойти, а?

— О, Грег... Я не знаю. Просто чувствую, что что-то пойдет не так. Теперь, когда Нейт болен, и свадьба в эти выходные, я просто не могу перестать волноваться.

— Тебе нужно остыть. Обещаю, что ничего не случится. — Я заключаю ее в объятия, ожидая, пока ее неистовое дыхание немного успокоится. — Где мой маленький приятель?

— Там, у черного входа. Прямо сейчас он одержим тем, чтобы смотреть в окно. — Я ухожу, позволяя ей продолжать метаться по кухне.

А, вот и он. День, когда родился Натаниэль Грегори Рид, был одним из лучших дней в моей жизни. Не потому, что он не мой ребенок, нет. Потому что девочка, которая выросла и стала мне сестрой, не только родила его, но и победила своих демонов, чтобы сделать это. Плюс, помогает то, что симпатичный малыш назван в честь его любимого дяди.

— Нейт! Как сегодня поживает этот красивый малыш? — Он отворачивается от окна, смотрит на меня и одаривает широкой, пускающей слюни улыбкой. Подхватив его на руки, я прижимаю его к своему телу, просто наслаждаясь ощущением его маленького тела рядом с моим.

— Вот его сумка. Закуски, бутылочка и его соска. Подгузники, салфетки и все остальное, что может понадобиться. У него назначена встреча с доктором Шенноном. Ты

ведь знаешь, как добраться до кабинета педиатра, верно?

— Да, Иззи. Знаю. Мне нужно идти, иначе мы пропустим эту встречу. Хочешь поменяться машинами, чтобы тебе не пришлось переставлять кресло?

— Было бы прекрасно, и Грег... спасибо. — Она наклоняется и целует меня в щеку, прежде чем окружить Нейта своей любовью. Возможно, я даже видел, как бедный ребенок умолял меня глазами вытащить его отсюда. Дядя Грег спешит на помощь.

Мы добираемся до кабинета врача с запасом в несколько минут. Вытащить Нейта из машины и доставить в кабинет — самая простая часть; попытка вытащить мои жетоны у него изо рта — совершенно другая проблема. Я знаю, что Иззи ненавидит, когда он так поступает с Акселем, но, черт возьми, бедный ребенок несчастен. За две секунды он превращается из чертовски счастливого в кричащего. Я ненавижу видеть, как малышу больно, поэтому я знаю, что это должно убить Иззи и Аксея.

Подходя к стойке регистрации, я улыбаюсь хорошенькой маленькой блондинке.

— Здравствуйте, Нейт Рид к доктору Шеннон. — Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами, и, клянусь, у нее текут слюнки. Я ненавижу подобные реакции. Да, я крупный мужчина, но, черт возьми. — Мисс? Нейт. На прием.

— О, да. Простите. — Она делает несколько заметок, пару раз поднимает на меня глаза, прежде чем покраснеть и почти просовывает голову через монитор. — У Вас есть страховка Вашего сына? Мы только что обновили новую систему, поэтому нам нужно убедиться, что они совпадают.

Острая боль, которая всегда пронзает мой организм при одной мысли о том, что у меня будет собственный ребенок, кажется, никогда не притупляется. Однажды.

— Нейт — мой племянник. Его мать, Иззи, не дала ее, но я могу заверить Вас, что с их страховкой ничего не изменилось. — Поскольку эта маленькая цыпочка все еще пускает слюни, я предполагаю, что можно с уверенностью сказать, что она ни черта не слышала из того, что я только что сказал. Глядя на ее бейдж с именем, я готовлюсь помочь ей сосредоточиться, прежде чем обратиться к ней:

— Лорен, дорогая?

Она несколько раз моргает, а затем, наконец, обращается к программе. Она регистрирует Нейта и велит мне присесть и подождать, пока кто-нибудь нас позовет. Отлично.

* * *

Следуя ее инструкциям, я беру Нейта и плюхаюсь на один из жестких стульев в комнате ожидания. Господи, да они, наверное, сделаны для женщин или очень маленьких мужчин. Приспособив Нейта, чтобы убедиться, что я могу хотя бы на время сделать его счастливым и молчаливым, я достаю свой телефон, чтобы отправить быстрое сообщение Иззи, чтобы она знала, что мы здесь. Нейт в очередной раз решает, что мои жетоны отлично подходят для режущихся зубов. Иззи может надрать мне задницу, но я ни за что на свете не отниму это у него теперь, когда он счастлив. Черт возьми, нет.

Через тридцать минут, когда рубашка, жетоны и Нейт промокли насквозь, кто-то окликнул его по имени.

— Нейт Рид? — Я слышу голос откуда-то сбоку. Поднимаю глаза, теперь моя очередь проглотить язык. Черт возьми. Прошло много времени с тех пор, как один взгляд на женщину сбивал меня с ног. Это необычная женщина. Нет, эта женщина кричала о сексе.

Ее ярко-розовая одежда облегает ее тело, как будто сшита специально для нее. Может быть, на добрых шесть дюймов ниже моих шести футов трех дюймов, с такими привлекательными ногами, что даже ее ужасная униформа не может этого скрыть, и сиськами... Трахните меня, эти сиськи, огромные. Мне приходится заставить свой язык не высовываться, чтобы облизать губы.

Как только я наконец могу оторвать свои вытаращенные глаза от ее груди, я поднимаю взгляд и встречаю высокую дугу одной темной брови и насмешливые голубые глаза. Черт.

— Мистер Рид? — Черт, даже ее голос чертовски сексуален. Низкий, хриплый, и даже мой член обращает на это внимание.

Я прочищаю горло, прежде чем решаюсь заговорить.

— Кейдж.

— Что?

А? Черт... Что я только что сказал? Кейдж. Дыши, просто дыши.

— Я не мистер Рид. Я дядя, Грег Кейдж. — Я чувствую себя подростком, у которого только что случился первый стояк из-за мамы его лучшего друга. Может ли это стать еще более неловким?

— Хорошо, дядя Грег Кейдж, и как сегодня поживает этот малыш?

Я собираюсь ответить ей, но прежде, чем я успеваю произнести слова, Нейт издает странный звук глубоко в горле. Я слышу вздох медсестры из «Сладких грез» и отступаю назад прямо перед тем, как Нейт покрывает все мое тело своей блевотиной. Отличный способ помочь мужчине, Нейт.

* * *

После смехотворно долгого и очень неудобного визита к врачу Нейт наконец готов уйти. Иззи сейчас взбесится. Ушная инфекция на оба уха. Доктор объяснил, что именно по этой причине Нейт с такой любовью решил накрыть меня своей детской блевотиной. И, что еще хуже, мне пришлось помогать удерживать малыша, пока медсестра колола в его маленькое пухлое бедро укол антибиотика.

Я не видел сексуальную как грех медсестру с тех пор, как доктор вручил мне рецепты Нейта и ушел. Я даже не осознаю, что не знаю ее имени, пока не провожу Нейта и его блевотину обратно к машине. Что ж, Нейт больше не рвет этим вонючим дерьмом.

Решив, что лучше не сообщать Иззи о том, как болен Нейт, я еду в офис, чтобы передать малыша его отцу, а сам отправляюсь домой принимать душ. По крайней мере, в этом случае, если Свей нападет на меня, я смогу защитить себя щитом из детской рвоты.

— Оххххх! — Я слышу визг, как чертова свинья, еще до того, как успеваю вылезти из машины Иззи. Смешно, что я думаю, что смогу избежать Свэя. Я клянусь, что этот человек никогда не работает, просто сидит у окна и ждет, когда кто-нибудь из Корпуса пройдет мимо или подъедет.

— Грегори, тащи свою прекрасную задницу сюда, с малышом! — И вот уже Свэй во всей своей красе бежит к машине. Как такой круглый человек, как он, может бегать на четырехдюймовых каблуках и не повредить себе задницу — ума не приложу.

— Нет, Свей. Успокой свою задницу прямо сейчас.

— Грегори, почему ты весь мокрый? — Он тяжело дышит, останавливаясь так близко, как только может, не врезаясь в мое тело. Я делаю шаг назад и перекладываю Нейта на руки. Подальше от сумасшедшего человека.

— Не мог бы ты, пожалуйста, перестать называть меня Грегори? Ты говоришь, как моя

чертова мать. — Свэй снова протягивает руку, чтобы забрать у меня Нейта. — Нет, Свэй. Не сегодня.

— Но, Грегори! — Он задыхается и прижимает свою мясистую руку к груди. Боже.

— Надо бежать, Свей. Если хочешь навестить ребенка, тогда иди нападай на Акса. — Я слышу, как Свэй щелкает позади меня на парковке. Этот мужчина-женщина, что бы там ни было, черт возьми... Я, может, и не люблю его, но он просто уморительный. — Увидимся, Дилберт!

Входя в офис, я всегда испытываю огромное чувство гордости. Гордость за себя и за моих ребят. До объединения усилий с Акселем и ребятами я и сам неплохо справлялся, но чем больше у меня появлялось клиентов, тем больше я работал. К тому же Иззи в то время пережила столько дерьма... Я просто не мог позволить себе отсутствовать так долго. Она нуждалась во мне, и я никогда больше не подведу любимую женщину.

Мы с Иззи самые лучшие друзья. Многие считают это безумием, что я так близок с девчонкой, но Иззи для меня не просто кто-то. Она — моя кровь... даже когда это не так. Она занимает такую же большую часть моего сердца, как когда-то Грейс.

Черт, я скучаю по Грейси.

— Привет, Грег. — Я слышу тихий голос из-за стойки администратора.

— Эмми. Как тут у тебя дела, детка?

— Все в порядке, Грег. Хотя Аксель бегает как сумасшедший. Я думаю, он переживает из-за этих выходных.

— Держу пари, — смеюсь я, перекладывая Нейта по удобнее, — мне нужно отвезти малыша. Не останусь, но увидимся в эти выходные.

— Хорошо, Грег. — Если бы я не видел, как она отдубасила одного из мальчишек из-за какой-то ерунды, я бы поклялся, что этот робкий мышонок просто слабачка.

Качая головой, я продолжаю идти по коридору к кабинету Аксея. Я слышу, как он громко отдает приказы через закрытую дверь. Черт, должно быть, кто-то серьезно разозлил его этим утром.

— На твоём месте я бы этого не делал. — Оборачиваясь, я замечаю серьезное лицо Бека. Никогда не бывает хорошо, когда этот спокойный парень начинает вести себя как маленькая сучка.

— Проблема?

— Да. Примерно шесть с половиной футов разозленного тела. Что, черт возьми, с ним происходит? — Он поднимает руку и потирает шею — еще один верный признак того, что Бек переживает из-за какого-то дерьма.

— Я думаю, то же самое, что гложет Иззи. Со всем тем, дерьмом, через которое они прошли, они оба боятся моргнуть, пока свадьба не закончится. — И мне чертовски жаль. У Аксея и Иззи нет сказочного начала, которого заслуживают большинство таких совершенных пар, как они. Возможно, им потребовалось некоторое время, чтобы восстановить связь, но они беспокоятся без всякой причины. Никто из нас не допустил бы, чтобы что-то случилось, чтобы отложить это событие. — Это все, что сегодня мучает твою задницу, Бек?

— Просто еще больше дерьма с Ди. Я не знаю, зачем я так стараюсь, честно говоря, не знаю. — Присмотревшись повнимательнее, я замечаю напряжение, охватившее все его тело. Он вибрирует от разочарования, и это не очень хорошо для него.

— Что за дела на этой неделе? — спрашиваю я, чертовски хорошо зная, что она не

давала ему покоя большую часть последних двух лет. Я не думаю, что кто-то действительно знает, что произошло, но они начали очень стремительно, а потом Ди очень быстро нажала на тормоза.

— Черт его знает. Похоже, она принесет на свадьбу какой-нибудь инструмент из своего офиса. Я не знаю, в чем, черт возьми, ее проблема с тем, чтобы просто признать, что у нас что-то было. Но вот что я тебе скажу: мне надоело ждать, когда она вытащит большой палец из своей задницы.

— Правильно. Не лезь в это дерьмо. Может, ты и мой брат, но эта цыпочка всегда будет тебя превосходить. — Я поворачиваюсь и стучу в дверь Акселя, не дожидаясь его ответа, прежде чем протиснуться внутрь. Драма между Бекон и Ди — это не то, во что я хочу ввязываться. Черт возьми, нет.

— Что за... — рывкает Аксель, прежде чем осознает, кто находится в его кабинете.

— Милый придурок. Твой сын решил сегодня украсить меня своей блевотиной, так что теперь твоя очередь. Люблю этого мальчика, но мне не нравится пахнуть молоком из груди твоей женщины.

— Почему у тебя мой мальчик? Где Из? С ней все в порядке? — Он встает, как будто собирается выбежать из офиса, чтобы проведать свою женщину. Черт, он превращается в гребаную киску.

— Успокойся. Господи Иисусе. Что между вами двумя? Ты ведешь себя как маленькая сучка, у которой только что начались месячные, и она на взводе, просто ожидая, когда упадет другая туфля. Ничего не случится, ты меня понял?

Он вздыхает и тяжело опускается на стул.

— Да. Мне все время кажется, что в любую секунду она снова исчезнет, и ничто не помогает мне выбросить эту мысль из головы. Ни черта. — Он качает головой, собираясь с мыслями и снова смотрит на меня. Решимость пылает в его глазах. — Отдай мне моего мальчика и не ругайся рядом с ним, придурок.

— Ты идиот, Аксель. Иззи готовится к свадьбе. У Нейта поднялась температура, мы только от доктора. Она не хотела тебя беспокоить, но все чертовски серьезно, прямо сейчас я ни за что не отвезу его домой и не объясню ей все это, когда она уже сходит с ума от своего дерьма.

— Да, она сказала что-то о том, что он плохо себя чувствовал вчера вечером, но он был счастлив, когда я уходил на работу сегодня утром. Он в порядке? Черт возьми, почему она не позвонила мне? Ты не должен был забирать моего мальчика. — Он притягивает Нейта к себе и прижимается к нему. От этого зрелища боль в моем сердце становится еще сильнее.

— Я не знаю, может быть, потому что ты вел себя так же плохо, как и она последние две недели. В любом случае с ним все в порядке. Ушная инфекция на оба уха. Но я объяснил доктору вкратце про эти выходные, так что он сделал ему укол антибиотика, чтобы ускорить процесс.

Я бросаю рецепты Нейта на стол, целую маленького человечка в голову и хлопаю Акса по спине.

— Наберись сил и успокойся, мать твою. Ничего не случится. Но если ты скажешь мне имя медсестры Греха, я дам тебе сто баксов. Черт, чувак.

Смех Акселя разнесся по комнате, заставив Нейта улыбнуться отцу своей зубастой ухмылкой.

— Я прекрасно знаю, о ком ты говоришь, и если ты скажешь Иззи, что я это сказал, я

отрежу тебе яйца, но, черт возьми... эта женщина. Ты видишь, какого размера у нее сиськи?

— Черт возьми, как я мог их пропустить?

Мы еще некоторое время обмениваемся мнениями, пока запах самого себя не заставляет меня захотеть добавить к этому беспорядку. Аксель снова чуть не лишается чувств, когда я рассказываю ему, чему помешал утренний звонок Иззи. Аксель никогда не был поклонником Мэнди. Он считает ее «шлюхой — золото искательницей», и на данный момент я не могу сказать, что сильно с ним не согласен. Выйдя из офиса и заставив Эмми убедиться, что путь от двери до моего грузовика свободен, я уезжаю в надежде привести себя в порядок и расслабиться на несколько часов, прежде чем мне подкинут что-нибудь еще.

Глава 3

Мелисса

Еще один длинный день, который, как мне кажется, никогда не закончится. Снова набегают пациенты, а доктор Шеннон отказывается закрывать двери почти до 20:30. Я ненавижу нарушать планы Коэна, но теперь он ни за что не сможет пойти со мной на ужин. Я борюсь с желанием пробить дыру в стене и продолжаю свой путь в ванную, по пути снимая с себя дневную одежду.

Я думаю о мужчине, который пришел сегодня с маленьким сыном Иззи. Он казался таким естественным с Нейтом, что было очевидно, что он уже имел дело с детьми, но Иззи никогда не упоминала о нем. За последние десять месяцев мне посчастливилось завязать дружбу с Иззи Вест. Когда я впервые встретила ее, я была по другую сторону двери доктора Шеннона и приходила с Коэном вместо того, чтобы работать. У нас завязалась дружба, и в тот момент это было то, что мне было нужно.

Я напоминаю себе не думать о событиях, которые привели к тому, почему я подружилась с Иззи. Моя сестра надрала бы мне задницу, если бы я пролила по ней хоть одну слезинку. Ни за что. Я ношу трусики большой девочки уже больше года, и, черт возьми, я ни за что не позволю воспоминаниям утянуть меня вниз.

Маскировать свою боль, которая возникает, когда я смотрю на лицо Коэна или думаю о сестре, — вот единственная реальность, которую я сейчас знаю. Но я чертовски хороша в этом. Я справилась с потерей сестры, но от этого боль не исчезает.

После душа и вечерних процедур я устраиваюсь на своем потертом диване и беру трубку телефона. Пришло время связаться с мамой и смириться с тем, что я пропущу еще одно свидание с Коэном.

— Мели-Кейт! Ты попала в беду, любовь моя. Мне пришлось снова объяснять Коэну, что мы не можем использовать кухонный стол как стартовую площадку для его нападения на воображаемых ниндзя в доме! Ты знаешь, сколько времени уходит на то, чтобы успокоить его, когда воображаемые ниндзя нападают на дом его бабушки?

Я не могу сдерживать неконтролируемый смех, который поднимается при мысли о Коэне в режиме атаки. Я знаю, что это повлечет за собой лекцию от моей матери, но, черт возьми, она сама на это напрашивается.

— Серьезно, мам! Ты говоришь о нем так, словно он настоящий ужас! Он не так уж плох! — я смеюсь над ней. На самом деле, он действительно настолько плох. Мы заботимся о Коэне с тех пор, как моя сестра скончалась почти два года назад. Я скучаю по ней, но присутствие его в нашей жизни немного снимает боль. Он так сильно держит нас в напряжении, что у нас нет времени сильно скучать по ней.

— Мели, — вздыхает она. — Пожалуйста, скажи мне, что есть причина, по которой ты

снова пропустила ужин с ним? Ты же знаешь, как сильно он ждет эти дни. — Она звучит такой разбитой, и я ненавижу, что не могу больше быть рядом с ними.

— Знаю. Поверь, я знаю. Доктор Шеннон сделал это снова. Они просто продолжали приходить, и я ни черта не могла с этим поделаться.

— Завтра. У тебя ведь выходной, да? Приезжай и забери его завтра.

Она смогла бы изобразить легкую дрожь в своем голосе, если бы в конце не дрогнул голос, заставив мое сердце разбиться. Я знаю, что с Коэном не все так просто, но сейчас, когда только у меня есть работа, это единственный способ наладить отношения. Может быть, когда-нибудь я получу полную опеку над ним, но сейчас, когда свекровь моей сестры поднимает шум из-за него и борется с волей моей сестры, это был единственный выход.

— Я могу прийти рано утром. Но я не смогу забрать его надолго; завтра вечером у меня девичник для одной из моих подружек. Помнишь? Я говорила, что не смогу оставить его на эти выходные?

— О, это верно, дорогая. Все в порядке, правда. Джейни, живущая дальше по улице, всегда может прийти и отвести его в парк, и, может, выпустит немного энергии этого маленького мальчика прямо из его задницы. — Она хихикает, как всегда, когда «грязное слово» покидает ее рот. Моя мать — прекрасный пример женщины-баптистки с Юга. Когда я росла, все мои друзья говорили, что мне чертовски повезло, что у меня есть Паула Дин (*прим. переводчика — американский шеф-повар, автор поваренных книг и телеведущая*) в роли моей мамы. Это действительно странно, как сильно она выглядит и звучит, как та женщина.

— Я позвоню тебе утром, хорошо? Просто на случай, если передумаешь. Люблю тебя, мама.

— Я тоже люблю тебя, милое дитя.

Я вешаю трубку, и единственное, о чем я могу думать, это о том, как прекрасно будет чувствовать себя моя двуспальная кровать, когда я рухну в нее.

* * *

На следующее утро первое, что я делаю, это звоню маме, чтобы узнать, не нужно ли ей, чтобы я забрала Коэна на несколько часов. Однако, когда я звоню, отвечает Джейни и говорит, что они заняты строительством крепостей в гостиной и войной за попкорн. Похоже, это идеальный день для моего отсутствия.

Поскольку я не встречаюсь с Иззи и ее друзьями до обеда, я провожу остаток дня, убирая свою маленькую однокомнатную квартиру. К счастью для меня, моя квартира такая маленькая, что мне требуется всего несколько часов, чтобы она была идеально чистой. А теперь пришло время позвонить Иззи.

— Алло? — Глубокий голос, отвечающий на ее телефон, на секунду ошеломляет меня. Я отодвигаю телефон от уха, чтобы убедиться, что набрала правильный номер.

— Эм, Иззи свободна?

— Она думает, что да, но, черт возьми, она ни за что не сможет сейчас ответить.

Я слышу протест Иззи, прежде чем она выхватывает телефон из рук мужчины и, задыхаясь, говорит:

— Алло?

— Боже мой, Иззи! Пожалуйста, скажи, что я только что не прервала вас!

— Похоже, сейчас как раз такая неделя, — хихикает она.

— Господи! Я так извиняюсь! Просто хотела узнать, во сколько мы встречаемся с тобой

сегодня вечером? — Черт возьми, как вовремя Мелисса! Хоть кому-то достается в эти дни! Мне, наверное, придется достать пылесос, чтобы вычистить паутину, ведь я так давно не раздвигала ноги.

— Все в порядке. Аксель просто ведет себя как большой ребенок, этот ненасытный мужчина. Почему бы тебе не приехать ко мне домой и не прокатиться со мной, Ди и Эмми?

— Звучит идеально. Тогда увидимся! — Я вешаю трубку и быстро начинаю готовиться к вечеру. Я изо всех сил стараюсь не замечать возбуждения, которое тянется по моей коже. Счастливая маленькая сучка, черт возьми, мне нужно перепихнуться.

Мои мысли сразу же возвращаются к «дяде Грегу». Я знаю, что он, скорее всего появится в какой-то момент сегодня вечером. Он не был бы у доктора на месте Иззи, если бы не был так близок к ним. Итак, вопрос в том, хочу ли я что-нибудь сделать с влечением, которое кипит на слабом огне всего за несколько секунд в одной комнате с ним? Нет. Ну, если быть до конца честной, то хочу, но я достаточно умна, чтобы не связываться с кем-то таким мужественным.

После того как я увидела, чем это обернулось для моей сестры, я ни за что не стану связываться с мистером "Секс на ножках". Мне нужно найти невысокого, худого, лысеющего мужчину. Кого-то безопасного.

Я могу быть разной, но я также достаточно умна, чтобы извлечь уроки из прошлого. Достаточно умна, чтобы понять, что ни один мужчина, от которого так и веет альфа-самцом, не будет счастлив с женщиной, которая не является слабой. Или он не успокоится, пока не сделает меня слабой, а я никогда не стану такой сукой.

Как ни крути, я все равно не могу игнорировать то, что одна только мысль о его дьявольски сексуальной внешности и этих глазах, черт возьми, этих глазах, заводит меня, как выключатель.

Выходя из душа и продолжая собираться, я все еще размышляю о том, что хочу сделать со всем этим сдерживаемым влечением. Я стою посреди своего «шкафа», который на самом деле является, углом моей спальни, забитым моей одеждой, и размышляю между повседневным или сексуальным.

Эй, может я и решила держаться подальше, но никогда не знаешь, что может случиться. Лучше быть готовой ко всему.

В конце концов я остановилась на одном из своих новых платьев. Не самое сексуальное из всех, что у меня есть, но оно демонстрирует достаточно кожи, чтобы быть идеальным. Темно-зеленое платье на бретельках плотно облегает мою грудь, а V-образный вырез достаточно глубокий, чтобы мои девочки были на виду. Давайте посмотрим правде в глаза: я знаю, что они — одна из моих лучших черт, так почему бы не показать их? Платье свободно свисает, с одним из тех обалденных подолов, которые заканчиваются опасно высоко спереди и сзади, но задираются немного ниже по бокам. Моя мама всегда любит говорить, что подол выглядит как чертова кефаль. Вечеринка впереди, а бизнес сзади, или, в данном случае, по бокам.

Чтобы завершить образ, я беру несколько своих массивных золотых браслетов и пару золотых туфель на каблуках с ремешками. Мои волосы свисают свободно и беспорядочными волнами, придавая стиль «Мне все равно, я чертовски потрясающая». Я решаю сохранить свой макияж естественным и подчеркнуть свои голубые глаза золотистой подводкой.

Должна признать, что выгляжу сексуально. Если бы я была парнем, была бы в восторге. Улыбаясь про себя, я хватаю один из своих небольших клатчей и направляюсь к Иззи,

все еще думая о том, что произойдет, если Грег Кейдж снова появится на моем пути.

* * *

Мы уходим от Иззи поздно, потому что все девочки слишком заняты проявлением любви к Нейту. Может быть, у меня и нет желания стать матерью, но даже я могу признать, насколько идеальной кажется маленькая семья Иззи.

Аксель нанял лимузин, чтобы отвезти нас сегодня вечером, и я благодарна, что мне не придется сегодня ехать на своей старой "Хонде" 96-го года. Это действительно всего лишь вопрос нескольких дней, когда эта чертова машина взорвется.

Я уже несколько раз встречала Ди и Эмми, я не знаю Эмми так хорошо, как знаю Ди и Иззи, но когда эта девушка напивается алкоголем, она просто уморительна. В итоге мы быстро ужинаем, а затем отправляемся в клуб Carnal, где проведем большую часть вечера.

* * *

— Что бы ты ни делала, не заставляй ее начинать с убойных напитков. — Ди предупреждает меня в миллионный раз. Иззи еще раз закатывает глаза, прежде чем подать знак бармену на еще одну порцию.

— Что будете, дамы? — говорит он, подмигивая. Он смотрит на камень Иззи, а затем переводит взгляд на остальных. Похоже, кто-то вышел на охоту, что идеально подходит для этой похотливой маленькой сучки.

Оттолкнув Ди с дороги, я перегибаюсь через стойку бара, приближая губы прямо к его уху.

— Как насчет того, чтобы устроить мне королевский трах? — Отстранившись, я наблюдаю, как его глаза вспыхивают от вожделения. В нем нет ничего особенного, но, по крайней мере, он стоит выше, чем я на каблуках. Не многие мужчины такие. Его лицо... приятное. Я не испытываю такого сильного возбуждения, как от Грега, но некоторые мурашки лучше, чем ничего. Его глаза, даже в тусклом свете клуба, показывают горячее желание.

— «Королевский трах», хмм? Может, подождешь несколько часов, и я устрою тебе старый добрый южный трах. — Его глаза опускаются к моему декольте, и он облизывает губы. Типичный мужчина.

— Просто дай мне что-нибудь хорошее. Мне легко угодить. — Я провожу языком по губе, еще раз подмигиваю ему и поворачиваюсь, чтобы поговорить с Ди с отвисшей челюстью.

— Что? — спрашиваю я.

— Ни хрена себе, кажется, даже меня это завело. — Она хихикает и смотрит вниз на мою грудь. — Так ты скоро покажешь соски.

Я смотрю вниз, чтобы убедиться, что девочки хорошо себя ведут, и, конечно же, одна из этих подлых маленьких сучек собирается присоединиться к вечеринке. Убрав грудь, я поворачиваюсь и улыбаюсь Иззи, которая снова смотрит на свой телефон.

— Почему бы тебе просто не сказать ему, чтобы он пришел сюда? С таким же успехом, раз уж ты не можешь оторвать руки от телефона. — Я одариваю ее теплой улыбкой.

Ревность — это что-то новое для меня. Я никогда не думала, что буду завидовать кому-то в отношениях. Мелисса Ларсон не заводит отношений. Но, видя, как влюблена моя подруга, и наблюдая, как эта любовь возвращается к ней... Что ж, на этот раз у меня есть некоторые сомнения по поводу одиночества.

— Он сказал, что может зайти позже, но мальчики не позволят ему уйти, не получив

хотя бы один танец на коленях. — Она смеется, явно находя это забавным.

— Окей, так почему бы тебе сейчас не убрать этот чертов телефон и не пойти потанцевать со мной?

— Да! Давай, сучка, давай танцевать! — Ди хватается ее за руку, кивает головой в сторону Эмми, прежде чем потащить Иззи на переполненный танцпол.

— Давай, Эмми, пойдём воплотим в жизнь несколько влажных снов сегодня вечером. Она пытается вырваться, но я хватаю ее и присоединяюсь к девушкам на танцполе.

Я всегда любила танцевать, просто позволяя музыке увлечь меня. Проходит совсем немного времени, и пот покрывает мою кожу, а в голове наступает блаженство.

Глава 4

Мелисса

В клубе звучит песня Will.I.Am и Бриттани Спирс "Scream & Shout", я улыбаюсь незнакомцу, стоящему передо мной, покачиваю бедрами и провожу руками по бокам своего тела. Боже, как приятно отпустить себя и наслаждаться моментом. Снова встретившись с незнакомцем взглядом, я на мгновение растерялась, увидев вспышку разочарования, прежде чем он отвернулся и пошел прочь.

— Ах, вот мы и встретились снова. — Несмотря на то, что музыка проникает в мое тело, поглощая мою душу, его голос звучит как чистый гребаный шелк у моего уха. Его тяжелые руки хватают меня за бедра, слегка сжимая, когда он глубже впивает их. Прежде чем я успеваю среагировать, его тело прижимается к моей спине, его жар заставляет мою и без того лихорадочную кожу гореть. Я не маленькая женщина, но этот мужчина заставляет меня чувствовать себя таковой. Мягкая ткань его брюк трется о мои обнаженные ноги, когда мы двигаемся вместе под музыку. Как уместно, что песня только что сменилась на пульсирующие ритмы "Turn Me On" Дэвида Гетты и Ники Минаж. Я понятия не имею, кто этот мужчина, но я сразу же чувствую притяжение, тягу повернуться и прыгнуть на него. Я никогда не испытывала такого сильного влечения. По крайней мере, не испытывала до вчерашнего дня на работе.

И это последняя мысль, которая приходит мне в голову, прежде чем сильные руки разворачивают меня, и я оказываюсь лицом к лицу с Кейджем. Дядя Грег Кейдж. Ну, это, конечно, не семейные чувства, которые сейчас текут по моим венам. Я подношу руки к его сильным бицепсам и крепко за них держусь. Одно из его мощных бедер надавливает на мои ноги, и в этот момент я чувствую себя как сучка в течке.

— Как тебя зовут, красавица? — он шепчет мне на ухо. Его руки перемещаются с моих бедер ниже, касаясь пальцами выпуклости задницы. Я чувствую, как ветерок касается моей обнаженной кожи, и, если он задерет мое платье еще выше, в клубе будет адское шоу. Может быть, это безумие или просто свидетельство того, как сильно я нуждаюсь в действии, но несмотря на то, что я познакомилась с этим мужчиной только вчера, я чувствую, что это правильно. Несмотря на то, что мы находимся в общественном месте, мое тело хочет этого, а разум подхватывает. Кончики его пальцев ласкают мою кожу, совершая медленные, целенаправленные движения. Мое тело плотно прижимается к нему, и от жара его груди горят мои возбужденные соски.

— Ммм, черт... Ощущения как в гребаном раю. — Его голубые глаза впиваются в мои собственные, умоляя разрешения утащить меня отсюда.

Я оглядываюсь в поисках девчонок и, пройдя несколько кругов по клубу, нахожу их у бара, открыто глазеющих на зрелище, которое мы, должно быть, разыгрываем. Ди смеется

так сильно, что кажется, будто она вот-вот упадет со стула. Темноволосый мужчина позади нее слишком занят, стреляя кинжалами ей в спину, чтобы обращать на нас внимание. Светловолосый Бог рядом с ним смеется так же сильно, как Ди.

Что, черт возьми, здесь такого смешного? Эмми, как обычно, сидит молча, но ее внимание не приковано ко мне и Грегу. Нет, ее внимание приковано к высокому, задумчивому мужчине рядом с ней. Мои глаза встречаются с глазами Иззи, и я могу сказать, что она сдерживается, но хочет смеяться так же сильно, как и все остальные. И с крепкими руками, обнимающими ее за плечи, крепко прижимающими ее к своему телу, это, как вы уже догадались, смеющийся Аксель.

Все эти люди сошли с ума, черт возьми.

Грег возвращает меня к себе, когда я чувствую, как его пальцы приближаются к моему центру. Моему центру, который, я уверена, делает все возможное, чтобы оставить мокрое пятно на его ноге. Я могу играть в хорошую игру, но этот мужчина заставляет мою сопротивляемость рушиться. Глупо думать, что я могу игнорировать эту химию.

Поднеся руки к его груди, я слегка оттолкнулась. Мое тело игнорирует просьбу разума прекратить контакт с этим чертовски красивым мужчиной.

— Кейдж, дядя Грег, так ведь? — вытаскивая наружу каждую крупичку своего внутреннего ехидства.

Его смех грохочет и вибрирует на кончиках моих пальцев, заставляя меня отдернуть руки назад. Он использует эту возможность, чтобы прижать мое тело к своему. У меня нет выбора, кроме как обхватить его руками за шею, когда он наклоняется и снова приближает губы к моему уху. Он все еще двигает своими бедрами вместе с моими в такт музыке, и когда его эрекция плотно прижимается к моему животу, я не могу сдержать наполовину вздох, наполовину стон, который поднимается к моему горлу. Он отвечает своим собственным рычанием и сжимает мою задницу между своими большими руками.

— Твое тело хочет этого так же сильно, как и твой разум. Я чувствую, какая ты мокрая. Красавица, давай выбираться отсюда. — Его губы медленно ползут вниз по моей шее, и я чувствую, как его зубы слегка сжимаются, прежде чем он слегка посасывает.

Этот ублюдок сосет мою кожу?

Я собираюсь дать ему одну адскую пощечину, когда чувствую, как его рука скользит по передней части моего тела, обратно под платье, и кончики его пальцев касаются моей кричащей сердцевины. Удары проносятся от моего клитора до пальцев ног, рук и головы, заставляя меня чувствовать, что я могу упасть на пол.

— Ты так же хороша на вкус, как и на ощупь? Теплая и сочная? Как спелый персик, который я могу сорвать? — Он шепчет мне в ухо, водя большим пальцем по моему набухшему бутону. Так же громко, как мой разум кричит, чтобы оттолкнуть его, мое тело кричит еще громче, чтобы держаться, черт возьми, и позволить ему взять меня прямо здесь, посреди клуба.

Он поднимает руку, и прежде, чем я успеваю моргнуть, его большой палец оказывается между губами, высасывая мое возбуждение со своего пальца.

Твою мать.

Он приближает свое лицо к моему, пока его губы не оказываются на расстоянии одного вдоха.

— Достаточно спелый, чтобы, блядь, сожрать. — А затем он прижимается своими губами к моим. Мой вздох работает в его пользу, и его язык проникает внутрь, лаская и

перекатываясь с моим.

Минуты. Секунды. Часы. Понятия не имею, сколько прошло. Этот человек замкнул каждую клеточку моего мозга. Отключил все. Я работаю на полном автопилоте, но наслаждаюсь каждой гребаной секундой этого. Пока не слышу пронзительный голос, кричащий мне в ухо.

— Кто, блядь, эта сука? — Э-э-э, что? Моему разуму требуется секунда, чтобы осознать, что, черт возьми, эта сука только что кричала. Высвобождая руки из растрепанных каштановых локонов Грега, я поворачиваюсь на шатающихся ногах и встречаюсь взглядом с той, кто издавал этот раздражающий вопль.

— Как, черт возьми, ты только что назвала меня? — Кипение — хорошее слово, чтобы описать то, что я чувствую в этот самый момент. Грег действительно крепко меня измотал, а потом забыл опубликовать пресс-релиз. Повезло или нет, зависит от того, на какой стороне медали вы находитесь. Эта сука будет идеальным человеком, чтобы помочь с этим.

— Она принадлежит тебе? — Я спрашиваю Грега. Он выглядит взбешенным, но не пристыженным. Интересно. — Прости, Грег. Это дерьмо твое? — снова спрашиваю я, указывая пальцем на недоедающую девку передо мной.

— Нет, — наконец говорит он, пытаясь притянуть меня обратно к себе за бедра, — она определенно не принадлежит мне.

Я поворачиваю голову и встречаюсь с ним взглядом достаточно долго, чтобы дать анорексичной Барби преимущество. Я чувствую, как ее когти вцепляются мне в волосы и тянут, вырывая меня из объятий Грега.

— Убери свою шлюшью задницу от моего мужчины, — кричит она, дергая меня назад. Я чувствую, как пальцы Грега больно впиваются в меня, прежде чем он ослабляет хватку. О, но не из-за этого маленького дерьма. Нет, он теряет хватку, потому что я вырываюсь из его объятий и поворачиваюсь к ней. Я, вероятно, потеряю несколько сотен волос в процессе, но это того стоит, чтобы увидеть ее лицо.

— Не трогай меня своими мерзкими маленькими ручонками. Когда-либо. Я заставлю тебя пожалеть, что ты вообще вторглась в мое гребаное личное пространство! Ты слышишь меня, сучка? — Я приближаюсь к ее лицу и с удовольствием смотрю в ее потрясенные карие глаза. Единственное, что мне нравится в том, что я такая высокая, — никто никогда не будет смотреть на меня свысока. — Ты же не хочешь меня разозлить. Ты думаешь, он твой? Во что бы то ни стало возьми его, но что-то мне подсказывает, что ты ему не нужна.

— Ах ты маленькая сучка! — Она кричит и тянется, чтобы дать мне пощечину. Эта девчонка, должно быть, жаждет смерти. Дождавшись последней секунды, я поднимаюсь, хватаю ее тонкое запястье и сжимаю, оказывая достаточное давление, чтобы у нее остались следы. Я мило улыбаюсь и подмигиваю ей, прежде чем поддеть ее ногой и выбить из-под нее ноги, наблюдая, как она падает руками и ногами прямо на грязный пол.

Я присаживаюсь на корточки и оказываюсь нос к носу с ее лицом.

— Ты не смотришь на меня. Ты не разговариваешь со мной. Ты определенно не прикасаешься ко мне. А теперь оторви свою задницу от пола. Ты выглядишь нелепо.

Она не торопится подниматься на ноги, и все это время ее глаза не отрываются от моих. От этой сучки одни неприятности, больше неприятностей, чем я хотела бы иметь, и что-то подсказывает мне, что между этими двумя есть связь. Мне насрать, насколько горячим может быть секс; я не хочу иметь ничего общего с этим осложнением.

— А теперь беги. — Я отталкиваю ее руками, прежде чем повернуться и встретиться

взглядом с потрясенным лицом Грега Кейджа. На этот раз у меня есть дополнительное преимущество — я знаю, что все его друзья все видели. Черт. Я знаю, что лучше не выходить из себя.

— Святое дерьмо... Это было так чертовски горячо, красотка! — Он снова тянется, чтобы притянуть меня к себе, но я отхожу за пределы его досягаемости.

Оставайся сильной, Мели. Не позволяй ему втянуть тебя.

— Нет. Возможно, однажды я позволила тебе заморочить мне голову, к своему стыду... но это больше не повторится, большой мальчик. У тебя есть проблемы с твоей маленькой сучкой, и это проблемы, с которыми я не хочу иметь ничего общего. — Я один раз похлопываю его по щеке, прежде чем подойти к Иззи, которая больше не может сдерживать смех.

— О Боже! Мели, это было самое смешное дерьмо, которое я когда-либо видела в своей жизни! Ты как какой-то тайный маленький дьявол под всей этой сексуальностью, не так ли?

— Очень смешно! Послушай, я собираюсь убираться отсюда. Позвонить тебе утром?

— Конечно, детка! Увидимся в субботу утром!

Я быстро прощаюсь со всеми, прежде чем выйти на теплый летний воздух. Я быстро ловлю такси и везу свою задницу домой.

Домой, где я больше не смогу попадать в неприятности на ночь.

Глава 5

Грег

Что это за хрень? Когда Аксель устраивает посреди стриптиз-клуба такой скандал, которым мог бы гордиться даже ребенок, мы понимаем, что вечеринка окончена. В ту секунду, когда стриптизерша проходит перед ним, он чуть не опрокидывает стол, чтобы убежать. Чертова киска. Погрузившись в несколько такси, мы отправляемся в Carnal, чтобы встретиться с девушками. Моя челюсть падает на пол, а член взлетает до потолка, когда я вижу, как медсестра двигается на танцполе. Черт возьми, как она двигается...

Как самонаводящееся устройство, мой член следует за ее движениями, и не успеваю я опомниться, как я иду прямо к ней. Ее кожа сияет под светом ламп; ее бедра умоляют меня взять ее и взять жестко. Она понятия не имеет, что я стою прямо за ней, но придурок перед ней, черт возьми, точно знает это. Все, что требуется, — один жесткий взгляд и покачивание головой, и он бежит, как маленькая сучка.

Одно воспоминание о том, как ее тело прижималось к моему, заставляет меня взорваться. Ее вкус все еще ощущается у меня на языке, и давления в моих яйцах достаточно, чтобы довести меня до отчаяния.

Закрыв глаза и сделав несколько глубоких вдохов, я поворачиваюсь и готовлюсь вернуться в бар. Черт возьми, я, должно быть, выгляжу как идиот, стоящий неподвижно в море вращающихся тел с заметной эрекцией. С таким же успехом я мог бы прикрепить к своему телу табличку с надписью, что я грязный гребаный извращенец. Я оборачиваюсь и чуть не сбиваю кого-то с ног от нетерпения и разочарования.

Мэнди.

Конечно, это чертова Мэнди. Я начинаю задаваться вопросом, не преследует ли меня эта сука, постоянно появляясь рядом.

— Что это было? — Я насмехаюсь над ней.

Она даже не пытается скрыть ревность, и от нее исходят раздраженные флюиды.

— Я должна была спросить тебя о том же самом! Кто, черт, была эта сука?

А я-то думал, что выгляжу глупо, стоя посреди клуба с яростным натиском. Нет, теперь я должен выглядеть еще большим идиотом, когда Мэнди снова вытворяет свое дерьмо

— Сколько раз я должен тебе объяснять, Мэнди? Ты не имеешь права решать, с кем или с чем я провожу свое время. Ты и я? Нет. Просто нет. — Я могу сказать, что это неправильно говорить, когда ее лицо искажается и становится ярко-красным. — Господи Боже. Не здесь. — бормочу я.

Уходя, чертовски хорошо зная, что она последует за мной, я прохожу мимо своих друзей-идиотов, изо всех сил подражающих гиенам и направляюсь к Джереми.

Вскоре после открытия несколько лет назад у Джереми возникли проблемы не с теми людьми. В долгах по самые яйца и начиная быстро тонуть, он, не колеблясь, обратился за помощью. Я знал Джереми уже тридцать лет с тех пор, как мы были двумя маленькими сопливыми засранцами, мучающими других детей в нашей группе в детском саду. Ему нужна была помощь, поэтому я вмешался. Очень немногие люди знают, что я являюсь теневым владельцем клуба «Carnal». Черт возьми, даже спустя столько времени Иззи и Ди находятся в неведении. Я делаю то, что нужно, чтобы мои друзья были в безопасности, и все.

Я ловлю тяжелый взгляд Акселя и качаю головой, давая ему понять, что все хорошо. Идя по темному коридору в задней части, я слышу, как быстро щелкают «Трахни меня» туфли Мэнди позади.

Я даже не даю ей секунды, чтобы догнать меня, прежде чем поднимаюсь по задней лестнице в офис, перепрыгивая через две ступени за раз.

— Грег, — хнычет она, — я не успеваю!

— Мне, блядь, все равно. — И мне все равно. Я бы предпочел выгнать эту богиню за парадную дверь, чем иметь дело с еще большим количеством ревнивого дерьма Мэнди. Снова и снова я объяснял ей, что мы никогда не будем чем-то большим, чем просто способом утолить зуд.

Я несколько раз сильно стучу в дверь кабинета и отступаю, чтобы подождать, пока Джер откроет. Мэнди наконец поднимается по лестнице и несколько раз фыркает, скрещивая руки на груди и бросая на меня один раздраженный взгляд. Мне может не нравиться цыпочка за пределами моей спальни, но я был бы слеп, если бы не заметил, как ее сиськи вот-вот выскочат из платья.

Блядь. Мой член снова пульсирует в штанах, напоминая мне, как я близок к тому, чтобы кончить. Протягивая руку, чтобы постучать снова, я чуть не врезаю кулаком в лицо Джереми.

— Что? — Спрашивает он. Одна вещь о Джереми — он из тех парней, которые «плывут по течению», но он ненавидит, когда его втягивают в драму.

— Мне нужен офис. — Один взгляд в мои глаза должен рассказать всю историю. Я кажусь пойманным в ловушку между яростью и похотью. Трудно сказать, кто победит.

— Да, да... приберись, когда закончишь. — Он несколько раз бросает взгляд на Мэнди, прежде чем отступить в коридор и спуститься по лестнице. Блядь.

— Тащи свою задницу туда, Мэнди. — Широко распахнув дверь, я следую за ней в кабинет и запираю за собой дверь. Почему я всегда оказываюсь в этом чертовом офисе?

— Ну? Не хочешь рассказать мне, что за хрень там была внизу? — Подойдя к столу, я прислоняю задницу к дереву и скрещиваю руки на груди.

— Да ладно, Грег! Как ты можешь ожидать, что я буду сидеть и смотреть, как ты трахаешь эту сучку? Совсем недавно ты трахал именно меня!

— Проклятая женщина, ты когда-нибудь не визжишь?

— Ты мой, Грег Кейдж, и мне не нравится видеть, как ты прикасаешься к другой женщине. — Она жалуется, пытаясь прогнать слезы сквозь ботокс на лице.

Песня "Сумасшедшая сука", кажется, постоянно звучит в эти дни, когда Мэнди рядом.

— Я точно не сумасшедший. Ты знала и всегда знала, что между нами секс, Мэнди. Я хочу, чтобы мой член был в киске, а потом, может быть, я позвоню. Мне не нужно, чтобы ты разбрасывала свое дерьмо вокруг моих ног. Если я захочу, чтобы мой член был в другой киске, и это, блядь, тоже не тебе решать.

Ее глаза вспыхивают, и она на секунду забывает о своей "печали". Достаточно надолго, чтобы я разглядел фальшивую сучку за всем этим нарисованным сексом.

— Черт возьми! — Я рычу и отталкиваюсь от стола, входя прямо в ее пространство, — Ты не можешь входить в мою жизнь и вести себя так, как будто я твоя собственность. Клянусь Богом, я отпущу твою задницу быстрее, чем ты успеешь сказать, трахни меня сильнее!

— Но Грег... — Я даже не даю ей секунды, чтобы заговорить, прежде чем беру ее за плечи и притягиваю ее тело ближе к своему. Она ни за что не повернет это дерьмо вспять.

— Ты достаточно сильно хочешь мой член? Ты хочешь мой член, зная, что я не буду думать о тебе, когда возьму тебя? — спрашиваю я, притягивая ее еще ближе. — Это то, чего ты хочешь, Мэнди? Потому что я точно могу дать тебе то, что ты хочешь, но не сомневайся, что когда я опустошу свои яйца в твое тело, ты не будешь той, кого я хотел бы взять.

Она хнычет несколько раз, но я могу сказать, что она приняла решение. Эта сука не хочет меня; она хочет того, что я могу сделать с ее телом.

Она, не теряя времени, опускается на колени и расстегивает молнию на моих штанах. Я стону, когда чувствую, как ее теплая рука скользит по моему члену. Закрыв глаза, я представляю сверкающие голубые глаза моей неизвестной красавицы.

Мэнди стягивает с меня штаны, и мой член поет "аллилуйя небесам", высвобождаясь и чуть не выколов ей глаз в своем нетерпении. Черт возьми, когда в последний раз мне было так тяжело? Я открываю глаза и смотрю на нее сверху вниз. Ее светлые волосы совсем не те, ее глаза не голубые, и ее тело не кричит "трахни меня". Однако мой член не знает разницы; он чувствует жар ее губ за несколько секунд до того, как ее язык высовывается и долго облизывает от корня до кончика. Она не торопится, облизывая и слизывает каплю спермы, которая вот-вот упадет на пол. Когда она обхватывает меня губами и глубоко сосет, я знаю, что это долго не продлится.

Толкая бедра в ее рот и слушая, как она давится моей длиной, я возвращаюсь на землю. Ее рука обхватывает мою толщину так сильно, как только может, и, даже стараясь изо всех сил, она, вероятно, проникает всего на несколько сантиметров в рот. Какая пустая трата времени.

— Вставай, — приказываю я. Она быстро поднимается с пола. Ее щеки покраснелись, а платье упало, обнажив одну грудь.

Я подвожу ее к дивану и почти бросаю на него. Она смотрит на меня снизу-вверх, позволяя своим ногам раздвинуться и обнажить свою киску моим глазам. Она может быть занозой в моей заднице, но черт возьми, если эта киска не будет умолять меня взять ее. Я вижу, как ее влага вытекает на диван.

— Тебя заводит, когда ты швыряешься своим дерьмом вокруг меня? Пытаешься отметить то, что тебе, блядь, не принадлежит? — спрашиваю я, медленно расстегивая

рубашку. — Тебя возбуждает мысль о моем члене внутри чужого тела? Хммм? — Сбросив рубашку и подойдя, чтобы встать перед ней, я позволил ей осмотреть каждый дюйм моего тела. — Ты помнишь это, — подчеркиваю я, хватая свой член в руки и делая несколько медленных и размеренных движений кулаком. — Это никогда не будет твоим. — Я наклоняюсь и достаю презерватив из бумажника, встаю во весь рост и медленно надеваю его, ни разу не прерывая зрительного контакта с ней.

Наклонившись, я подтягиваю ее бедра к краю. Она издает потрясенный писк, который быстро превращается в стон, когда я толкаюсь в нее одним быстрым толчком. Я погружаюсь так глубоко, что чувствую себя на дне.

— Черт возьми, — Я шиплю.

— О, Грег, детка! Я люблю твой член! — Она кричит, протягивая руку и хватая себя за сиськи. Даже я не могу игнорировать, насколько это чертовски сексуально. — Сильнее, детка. Трахни меня сильнее!

— Заткнись! — Я тяжело дышу. Мои бедра двигаются так быстро, что я слышу, как ножки дивана передвигаются по полу.

Закрыв глаза, я заменяю светлые волосы и карие глаза; под моей кожей я почти чувствую ее. Если я буду держать глаза закрытыми, то почти смогу притвориться, что это в нее я врезаюсь.

— Красота, — шепчу я.

Я делаю еще несколько толчков и знаю, что мне нужно поторопиться с этим. Я вытаскиваю и переворачиваю ее. Ее ворчание и стоны звучат скорее по-звериному, чем эротично. Когда я хватаю ее за бедра и снова врезаюсь в нее, она издает пронзительный крик, за который получает сильный шлепок по заднице.

— Заткнись к черту, Мэнди; ты, блядь, не пробуешься в порно.

Она поворачивает голову и пытается выстрелить в меня тяжелым взглядом, но, когда я снова врезаюсь в нее, ее глаза закатываются, она откидывает голову назад и кричит о своем освобождении. Стенки ее киски сильно сжимаются... или, по крайней мере, пытаются; это помогло бы, если бы я не привык к ней.

Шлепки по коже, стоны, хрюканье, и в течение нескольких минут я хватаю ее за бедра и сильно вгоняю в себя. Когда мой кончил в презерватив, единственное, о чем я могу думать, это о том, как сильно я жалею, что снова взял Мэнди.

Даже безымянная, моя медсестра погубила меня.

Я выхожу, снимаю презерватив и иду в отдельную ванную, чтобы привести себя в порядок. Внезапно единственное, о чем я думаю, — это смыть ее дерьмо с моего тела.

— Грег, малыш? — Я слышу ее голос, доносящийся из другой комнаты.

— Не твой малыш, Мэнди.

— Ты же не можешь всерьез утверждать, что ничего не почувствовал? Я знаю, что ты это почувствовал; ты не можешь скрыть свою реакцию на мое тело!

Она серьезно?

— Ты хочешь знать, что я почувствовал? Я действительно не знаю, как быть более честным с тобой. Ты знаешь, что между нами никогда больше ничего не будет, так что сдавайся к чертовой матери. То, что я чувствовал, было серьезным случаем образования синих шаров, если я не позабочусь о ситуации, в которой оказалась другая женщина. Не ты, Мэнди. У тебя лишь последствия того, что другая женщина ушла до того, как я смог закончить.

— Ты гребаный мудака!

— Да, но опять же, ты тоже это знала.

Мы заканчиваем одеваться в тишине, и прямо перед тем, как я поворачиваюсь, чтобы уйти, я притягиваю ее к себе, убеждаясь, что здесь нет места для недопонимания.

— Не переходи мне дорогу снова. Если я захочу, может быть, я позвоню, но, черт возьми, не переходи мне дорогу. — Я открываю дверь и машу ей рукой, чтобы она следовала за мной. Запирая дверь и бегом спускаясь по лестнице, я оставляю Мэнди на произвол судьбы. Она получила то, что хотела; я получил то, что мне было нужно. Конец истории.

Кажется, все справились без меня, и к тому времени, как я возвращаюсь на свое место в баре, девушки начали очередной раунд чертовски нелепого заказа напитков. Мэддокс и Бек, похоже, единственные такие же кислые ублюдки, как я.

— ГРЕГ! — кричит Иззи. Она несколько раз хихикает и чуть не падает на пол, прежде чем Аксель хватает ее. — Грегори Кейдж! Почему ты прогнал мою подругу? А? Она наконец-то хорошо проводила время. — Она надувает губы и несколько секунд ведет какой-то безмолвный разговор сама с собой, а затем, прежде чем я успеваю открыть рот, она снова переключает свое внимание на Эмми.

— Просто не обращай на нее внимания, она вся извелась с тех пор, как Ди начала пить эти гребаные коктейли. — Я смотрю на Бека, недоумевая, какого хрена он опять терпит это дерьмо от Ди.

— В прошлый раз я предупредил их, что, когда начнут появляться напитки для киски, я уйду. Ты сам по себе, ублюдок. — Я смеюсь и быстро прощаюсь. Никто не знает, как долго они будут торчать здесь сегодня вечером, и после всего моего дерьма я не в настроении оставаться.

Я ловлю Мэнди, стоящую в углу и стреляющую в меня кинжалами, когда выхожу. Возможно, пришло время избавиться от этой проблемы, прежде чем она станет еще большей проблемой.

Глава 6

Грег

Ди не перестает заваливать мой телефон сообщениями о всякой херне — от цветов до презервативов для Акселя. Насколько я знаю, он взрослый мужик и может сам позаботиться об этом дерьме. Последний звонок о том, что нужно прихватить трусики Иззи, прежде чем покинуть их дом, был встречен сбросом звонка. Я могу любить ее как сестру, но ни за что на свете не стану копать в ее нижнем белье.

Мне удалось потушить все мелкие пожары, прежде чем я наконец вернулся в их дом. Эмми лихорадочно обустроивала задний двор для приема, который последует за свадьбой. После вчерашнего дня, проведенного за установкой палаток и столов, осталось сделать совсем немного, кроме стульев и прочей ерунды. Вдвоем нам удастся все закончить и вернуться в церковь, чтобы успеть подготовиться.

Не успел я поставить машину на стоянку, как она вылезла и побежала. Не просто бежит, а несется в бешеном темпе, как будто кто-то только что выкрикнул торт в лагере для толстяков.

— Эмми! — кричу я через всю стоянку. — Детка, куда ты спешишь?

— Не надо мне хамить, Грег Кейдж! Ты знаешь, что мы должны были быть здесь еще час назад.

Я сказал, что это чушь. Эмми может быть разной, но она прекрасно умеет скрывать то,

что ее тяготит.

— Попробуй вернуться на десять минут назад, детка. Что на самом деле тебя напрягает? Ты была тихой на этой неделе. Она приподнимает бровь в ответ на мое тихое замечание. Правда в том, что она всегда спокойна и всегда оценивает ситуацию. Аксель убежден, что она обладает какой-то магической силой. Иззи думает, что она пытается стать невидимой. Я думаю, что она просто сильно влюблена не в того чувака.

Я знаю, что гложет ее сегодня. Мэддокс приведет девушку. Мы ее не знаем, но на днях он сказал Иззи, чтобы она ждала их. Я думаю, что его точными словами были:

— Девочка, мне нужно встречаться.

К счастью, Из говорит на языке Мэддокса Локка, потому что даже сейчас, спустя почти пятнадцать лет, я все еще не понимаю этого ублюдка. В этом не было бы ничего особенного, но он подождал, пока Из поболтает с Эмми у входа в офис, чтобы сделать свое грандиозное объявление. Тонко.

— Эм... — говорю я, — не трать впустую свое время. Не трать свое время. Как бы мне ни было неприятно это говорить, но Лок никогда не станет тем человеком, которым ты хотела бы его видеть — Она крепко зажмуривает глаза, кивает головой и поворачивается на каблуках. Прежде чем я успеваю вздохнуть, она исчезает.

Я делаю мысленную пометку отвести его в сторону и еще раз напомнить, что ему нужно все прояснить. Мне надоело смотреть, как она хандрит и ждет чего-то, чего никогда не случится.

Захватив из машины смокинг, я отправляюсь в церковь на поиски своей девушки. С самого первого дня знакомства с Иззи, даже несмотря на неудачные обстоятельства, я знаю, что она всегда будет занимать часть моего сердца, часть, которую я считал навсегда потерянной после смерти Грейси. Любить ее несложно. Нелегко наблюдать за тем, как она пытается пережить то, через что провел ее бывший муж. Последний год, плюс-минус, был настоящей борьбой. В каком-то смысле я испытываю огромное облегчение оттого, что тот, кого я считаю кровным, не в опасности; не будет в опасности. Но обратной стороной этого является осознание того, что я ей больше не нужен. Конечно, она всегда будет нуждаться во мне, но не так, как раньше. Ей не нужно, чтобы я был уверен, что ее демоны будут держаться подальше. Я не думаю, что когда-нибудь привыкну к тому факту, что моя девочка больше не нуждается в моей защите.

Я даже могу признаться себе, что мне трудно доверять ее даже Акселю. Это просто слишком близко к боли.

Грейс.

В Иззи нет ничего такого, что не напоминало бы мне Грейси. Разница лишь в том, что Грейси... Грейси не победила. Она не победила, и меня не было рядом, чтобы убедиться в этом. Идти сегодня с Иззи к алтарю будет горько-сладко. Более чем горько. Моя девочка нашла свою вторую половинку, наконец-то, и они заслужили это. Но, даже зная это, я не могу побороть сокрушительную волну чистой агонии, которая проносится по моему телу.

Моя Грейси никогда не узнает этого счастья. Моей Грейси нет здесь, потому что я не смог уберечь ее.

Никогда больше, клянусь. Я никогда не позволю никому и ничему встать между теми, кого я люблю, и их счастьем.

* * *

— Эта церковь чертовски большая, — ругаюсь я, идя по лабиринту коридоров. Смотрю

на часы, но это ни на секунду не помогает моей панике.

— Йоу! Мужик, Джи. Если ты будешь продолжать бормотать про себя, вместо того чтобы подготовить свою уродливую морду, свадьбы не будет. — Куп. Черт. Если кто-то и сможет задержать меня еще дольше, так это этот ублюдок.

— Ну, тогда помоги мне, придурок. Куда я могу пойти, чтобы подготовиться?

— Эй, ты думаешь, сегодня вечером здесь будут одинокие дамы? — спрашивает он, полностью игнорируя меня. Я чувствую, как пот покалывает мою кожу. У меня отвисает челюсть, а в голове стучит, пока он продолжает и продолжает рассказывать о своей миссии. Идиот.

Шлепок по его сексуально возбужденной голове наконец заставляет его заткнуться о том, что свадьбы — идеальное место для поиска новой киски.

— Не говори «киска» в церкви, ублюдок.

— Да? А чем «ублюдок» лучше?

— Зик Купер... Помоги мне, блядь, и скажи, куда мне пойти, чтобы надеть костюм.

Он открывает рот, чтобы ответить, но его прерывает сладкий голос Иззи, зовущий по коридору:

— Джи! Иди сюда! — Должно быть, она стояла там достаточно долго, чтобы послушать односторонний разговор Купа о том, что киска на свадьбах — лучшая, потому что все они отчаянно нуждаются в хорошем члене.

— Не испортить этот день, пытаясь намочить свой член. — Я слышу его смех позади себя, когда бегу трусцой на голос Иззи.

Я слышу женскую болтовню еще до того, как подхожу к двери. Как, черт возьми, я пропустил эту комнату во время своих тридцатиминутных поисков? Когда я открываю дверь, то, что я вижу, почти ставит меня на колени. Если я когда-либо сомневался в связи между мной и Иззи, то сейчас у меня нет сомнений. Гордость. Непреодолимая гордость, которая овладевает мной, так сильна. Я не чувствовал себя так с тех пор, как Грейси позвонила мне и сказала, что получила свою первую работу учителя. Она была так взволнована, начав работать в местной частной школе, так хотела начать свою жизнь.

Я избавляюсь от боли и подхожу к Иззи, заключая ее в объятия, которые, должно быть, были немного крепкими.

— Слезь с нее, ты, обезьяна-переросток! — Она хихикает в мою рубашку от презрения Ди. — Ты испортишь ее макияж, и я надеру тебе задницу.

— Заткнись, Ди. — Я отстраняюсь и улыбаюсь Из. — Ты прекрасно выглядишь, малышка.

Ее глаза сразу же начинают наполняться слезами, и я оглядываюсь вокруг, пытаюсь придумать способ исправить то, что, черт возьми, только что сделал. Когда мои глаза останавливаются на единственном человеке, которого я не ожидал увидеть, мое тело мгновенно наполняется жаром. Черт! Я отступаю от Иззи, чтобы она не почувствовала, что эта красавица сделала с моим телом одним взглядом.

Я кашляю несколько раз и возвращаю свое внимание к моей малышке.

— Ты готова?

— Да! — Она почти кричит мне в лицо.

— Торопись, тупица. — Ди ворчит рядом со мной.

— Что, черт возьми, с тобой не так?

— Ничего.

— Да, ничего, задница. Дай угадаю, вы с Бексом снова играете в прятки? В один прекрасный день вы двое поймете, что гораздо веселее играть в прятки и трахаться.

— Ты такой... такой... Господи, это звучит так, как сказал бы Куп.

Я смеюсь, потому что на самом деле это то, что могло бы слететь с его уст.

— Может и так, но, черт возьми... Когда, вы двое разберетесь со своим дерьмом?

Она бросает на меня холодный взгляд, а затем поворачивается к Иззи и делает все, что делают эти чертовы девчонки, чтобы сделать что-то и без того совершенное совершенством.

— Иди собирайся. — Она откусила кусочек.

Я оборачиваюсь в поисках ванной и встречаюсь взглядом с сексуальной медсестрой.

Черт возьми, она прекрасна. Чистая похоть, не похожая ни на что, что я когда-либо чувствовал, охватывает меня. Я знаю, что между нами существует сильная связь, но это даже не просто так. Ее глаза оценивают мой внешний вид: выцветшие джинсы и старая черная футболка. Ее глаза ненадолго встречаются с моими, а затем медленно опускаются вниз по моему телу. Когда взгляд поднимается обратно, она останавливается на моем члене. Она никак не может не заметить, как я возбужден. Она облизывает губы, прежде чем встретиться с моими глазами, и, скривив губы, подмигивая смеется, поворачивается на каблуках и идет обратно к Иззи и Ди.

Повернувшись спиной к женщинам, обсуждающим то одно, то другое, я быстро кладу руку на свой твердый член и сжимаю его, мысленно напоминая себе, что сегодня нужно вести себя хорошо. Речь идет об Иззи и Акселе, а не о моих гормонах.

Медленно повернувшись и убедившись, что мой член под контролем, я подхожу к своей сумке и еще раз смотрю на красавицу. Облегающая красная ткань на ее теле, ее сиськи прикрыты, но ничто не скрывает их совершенства. Как раз в тот момент, когда я собираюсь повернуться, я замечаю обувь. Чертовски высокие каблуки с леопардовым принтом. Ее загорелые ноги кажутся длиной в милю, и сразу же в моем сознании возникают видения того, как они плотно обхватывают мои напряженные бедра, а эти каблуки впиваются в мою задницу. Вот тебе и контроль над своим поведением. Слегка застонав, я хватаю свою сумку и топаю к раздевалке в углу.

Это будет долгий, мать его, день.

Глава 7

Мелисса

Что ж, это было интересно. Смеясь про себя, я перевожу взгляд с двери, которая только что захлопнулась, обратно на девушек, которые смотрят на меня оценивающим взглядом.

— Что? — невинно спрашиваю я. Возможно, эти девушки знали меня недолго, но другой женщине не нужно много времени, чтобы распознать чувство зашкаливающего сексуального желания.

— Не носи чушь, Мели! Вы двое практически занимались сексом посреди комнаты. Я вижу, когда трахаются глазами. — Иззи начинает смеяться над вспышкой Ди. Я не могу сказать, злится она или просто ведет себя как стерва. — Эм... между вами двумя что-то происходит? Я не имела в виду...

— Черт возьми, нет!

— Океей. Тогда в чем проблема? — Я встречаюсь взглядом с Иззи, и она, кажется, находит в этом большой юмор. Что ж, по крайней мере, она немного успокоилась. Можно подумать, она ожидала, что мир вокруг нее развалится на части, если она не выйдет замуж как можно скорее.

— Нет проблем. — Ди что-то бормочет и выходит за дверь.

— Не беспокойся о ней, ей просто нужно остыть. Какая-то драма между ней и Беком, поверь, ты к этому привыкнешь.

Эмми возвращается через несколько минут с сияющей улыбкой и вручает Иззи синюю коробку.

— Что это? — спрашивает она.

— А ты как думаешь? — Эмми отвечает с улыбкой.

— Он получил свое?

— О, да. Я оставила его в кучке идиотов-переростков, высмеивающих его за то, что он поперхнулся из-за каких-то запонок. — Я встречаюсь со смеющимися глазами Эмми и издаю несколько собственных смешков. Хихикаю.

Серьезно, Мелисса?

Чем больше я общаюсь с девушками, тем больше начинаю чувствовать себя ходячим рекламным щитом для подбадривания.

Я могу понять парней, которые думают, что это смешно, но, когда Иззи объясняет значение запонок с крыльями ангела, которые она нашла для своего будущего мужа, даже я немного смущаюсь.

Мы наблюдаем, как она открывает крышку и достает единственную цепочку. Она тихо ахает и опускается на стул позади нее, просто потирая большим пальцем то, что весит на цепочке.

— Что, черт возьми, произошло за те две минуты, что я был в ванной? — Глубокий грохот раздается прямо позади меня, заставляя меня слегка подпрыгнуть.

— Ничего, Джи. Черт, успокой свою задницу. — Я еще не слышал, чтобы Эмми говорила таким авторитетным тоном. Черт, если бы мне нравились девчонки, это было бы очень сексуально.

— В чем дело, малышка? — спрашивает он, опускаясь перед ней на колени. Это первый раз, когда я вижу его в свадебном наряде. Святое дерьмо, он умеет хорошо приодеться. Его свадебная рубашка, похоже, создана для его тела и только для него, туго натянутая на его мускулистое тело. То, как он наклоняется, дает мне прекрасный вид на его упругую задницу. Его каштановые волосы покрыты гелем и уложены, чтобы успокоить непослушные пряди.

Он выглядит настоящим мужчиной и чистым сексом.

И я думала, что противостоять этому мужчине будет легко.

Я бросаю на него еще несколько голодных взглядов, прежде чем переключить свое внимание обратно на то, что Аксель отправил Иззи.

— Разве это не прекрасно? — Она шепчет Грегу.

— Да, — шепчет он в ответ. Они говорят еще несколько слов, тихо и ясно, предназначенных только для их ушей, прежде чем она обнимает его за шею и крепко прижимает к себе. На цепочке в ее руке свисает медальон в форме крыла. Должно быть, она открыла его, чтобы показать Грегу, что внутри, потому что с одной стороны на меня смотрит надпись, а с другой — фотография их обожаемого сына. Что бы там ни говорилось, для них явно имеет какое-то важное значение.

— Что там написано? — Тихо спрашиваю Эмми.

Она несколько раз шмыгает носом, прежде чем ответить:

— Это по-латыни означает «Любовь побеждает все».

* * *

После этого требуется несколько минут, чтобы успокоить Иззи и поправить ее макияж. Грег явно недоволен тем, что она снова расстроена. Их связь настолько сильна, что мы почти можем ее почувствовать. Ревность, которую я испытываю по отношению к этому, — не то, к чему я привыкла или что мне нравится.

В пять часов мы снова поднимаемся на верхний этаж церкви, и я крепко обнимаю Иззи, прежде чем мы с Эмми спускаемся на свои места. Я бросаю взгляд на Акселя, стоящего впереди с широкой улыбкой на лице, а затем сажусь рядом с остальными ребятами из его охранного бизнеса.

Аксель и Иззи решили сделать свадебную вечеринку небольшой, и под «небольшой» я подразумеваю по одной подруге на каждого. Иззи позвала Ди, и после того, как Грег подведет ее к алтарю, он займет свое место рядом с Акселем.

Так вот, если их свадебная компания небольшая, то список гостей — нет. Иззи объяснила мне, что с тех пор, как его компания переехала из Калифорнии и объединилась с Грегом, их охранно-сыскной бизнес стал самым популярным в Атланте. Они пригласили, кажется, все население Атланты.

Когда зазвучала музыка и Ди пошла к алтарю, это напомнило мне о последней свадьбе, на которой я присутствовала. Последнюю свадьбу, на которой я была подружкой невесты. Но, глядя на этих двоих, я понимаю, что этот брак просуществует гораздо дольше.

Когда все смотрят на невесту, я смотрю на ее партнера по проходу. Я начинаю сомневаться в том, что старалась держаться от него подальше. Когда его глаза встречаются с моими через переполненное святилище, я понимаю, что наше столкновение было лишь вопросом времени.

* * *

Церемония была прекрасной. Даже с моим измученным сердцем я могу признать это. У меня нет никаких сомнений в том, что Иззи повезло, и она нашла одного из лучших. Я мало что знаю о ее прошлом с бывшим мужем, но то, что я знаю, делает меня счастливой за ее нового мужа. И из-за этого даже я вытирала слезы к тому времени, когда они сказали: «Да».

Церемония была короткой и милой, они попросили всех присоединиться к ним на последующем приеме. Когда они дошли до конца прохода, Аксель притянул ее к себе и прижался к ее губам. Когда его кулак взмывает в воздух как символ победы, и он отстраняется, чтобы посмотреть в глаза своей жене, Эмми наклоняется и хватается за руку. Она вся в смятении, плачет и трясется от избытка гормонов. Я не хочу иметь с этим ничего общего, но комок в горле веселится, называя меня лгуньей. Невозможно смотреть на такую любовь и не чувствовать ее.

Я сижу с Эмми и говорю о предстоящем приеме по крайней мере десять минут или около того. Мы ждем, пока не рассосется пробка на парковке, прежде чем отправиться на прием. В то же время я стараюсь не замечать презрительного взгляда, исходящего из угла вестибюля церкви. Я буквально чувствую на себе их взгляды в эту самую секунду. Это не может не настораживать.

Когда на меня падает тень, я готова резко развернуться, но, когда я поднимаю взгляд и встречаюсь с голубыми глазами Грега, я быстро закрываю рот. На его и без того красивом лице появляется выражение чистого покоя и счастья. Я уже чувствую покалывание возбуждения, скручивающееся в моем животе.

— Красавица, тебя подвезти? — спрашивает он меня, прерывая мою внутреннюю шпюху. Его глаза слегка темнеют, и за этими словами безошибочно угадывается настоящий

вопрос.

— Зависит от того, о какой поездке мы говорим, жеребец.

Он смеется, и даже это звучит как секс.

— Если бы я думал, что ты серьезно, я бы сказал тебе, чтобы ты запрыгивала, детка.

— Вам двоим действительно стоит просто запереться в исповедальне и покончить с этим. — Эмми перебивает нас.

Я смотрю на нее, умоляя заткнуться, прежде чем ответить на вопрос Грега:

— Ну, детка... не знаю, какую поездку ты предлагаешь, но, похоже, эта вакансия уже занята.

— Что? — Я должна отдать ему должное. Этот человек может играть в эту игру. Он искренне выглядит смущенным, явно застигнутый врасплох моим ответом.

— Твоя маленькая подруга с той ночи? — говорю я, указывая через его плечо на маленькую забегаловку в углу. Выражение шока на его лице почти комично. Он действительно не знал, что она там стоит.

— Зараза, — ворчит он себе под нос. — Мы не вместе. Давай, красавица, побежали со мной.

Я смотрю ему в глаза несколько секунд. Пытаюсь решить, действительно ли это была реплика или нет, прежде чем наклониться и расхохотаться так сильно, что все люди, оставшиеся в вестибюле, смотрят на меня так, как будто я сошла с ума.

— Это было ужасно. Если ты хочешь получить что-то подобное, тебе придется постараться, а не придумывать какие-то пошлые реплики.

Я забираю свой клатч и встаю. В который раз я убеждаюсь в том, насколько силен и велик этот человек. На каблуках мой рост приближается к шести футам, но он все равно смотрит на меня сверху вниз.

— Давай, красавица. Просто прокатимся.

— Может быть, позже, жеребец.

— Ты сокрушаешь меня, — драматично говорит он, прижимая руку к сердцу.

— Этот прием действует на девушек? — спрашиваю я, и на моем лице появляется улыбка. Прошло много времени с тех пор, как я обнаружила, что наслаждаюсь мужской компанией.

— Понятия не имею. Никогда не пытался. Я соглашусь потанцевать позже, но только если ты скажешь мне свое имя.

До этого момента я не осознавала, что была совершенно незнакома с этим человеком.

— Я не знаю... — Я опустила глаза и посмотрела на Эмми, а она смотрела в сторону вестибюля, где стояли еще трое сотрудников службы безопасности.

— Может быть, позже, — бросаю я, прежде чем схватить ее за руку и потащить через вестибюль.

Прямо перед тем, как мы завернем за угол, который приведет нас к моей машине, я оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с Грегом. Он не выглядит разочарованным. Нет, он выглядит так, как будто я только что бросила ему чертовски трудный вызов. Тот, в котором он планирует стать победителем.

Глава 8

Грег

Почему мы снова вступили с ней в перепалку? Я боролся с желанием перекинуть ее через плечо и убежать с тех пор, как увидел ее в примерке Иззи. Все время, пока я стоял там

рядом с Акселем, мои глаза постоянно находили ее в толпе. Это было несложно, красное платье было как развевающийся флаг, а я — бешеный бык. Теперь у меня не было никаких сомнений — я хотел ее и не остановлюсь, пока не заполучу.

— Ты ведь понимаешь, что твоя маленькая игрушка превращается в сталкера DEFCON 1 (прим. шкала готовности вооружённых сил Соединённых Штатов Америки), верно? — Бек прислонилась к стене рядом с тем местом, где я стоял, наблюдая, как Эмми и моя загадочная женщина идут к автомобилю старой модели. Она поворачивается и бросает на меня еще один злобный, полный обещаний взгляд, прежде чем опуститься на водительское сиденье.

— Это серьезное дерьмо, с которым тебе нужно разобраться, но, если эти сиськи выглядят так же хорошо вживую, как и с другого конца комнаты, я был бы рад тебе помочь. Знаешь, ради команды.

— Заткнись, Куп.

— Проблема? — спрашивает Лок, подходя ближе. Его спутница на вечер, привлекательная рыжеволосая девушка, стоит в стороне с явно скучающим видом.

— Ничего такого, с чем я не мог бы справиться.

— Конечно, можешь, поэтому большая сиськастая Барби и ходит за тобой по пятам, как маленький больной щенок.

— Больше похоже на сумасшедшую сучку, — бормочу я. — У меня все под контролем. Кто-нибудь из вас поедет со мной к Акселю?

— Только я и Куп.

Я смотрю на Лока и ловлю его легкий кивок, подтверждающий слова Бека.

— Понял. Пойду вынесу мусор, а потом буду готов ехать.

Мне приходится несколько раз напоминать себе, что нужно держать себя в руках. Контролировать. Я должен полностью блокировать каждое свое желание вцепиться ей в лицо и свалить к чертовой матери. Я не люблю навязчивых женщин. Черт, я уже несколько лет не встречался с одной и той же женщиной. Когда я встретил ее, она была средством достижения цели, способом удержать мой член от падения. Я с самого начала сказал ей, что между нами никогда не будет ничего большего, чем проводить время вдвоем в обнаженном виде. Никаких свиданий, никаких встреч с друзьями и никакого, блядь, отношения ко мне как к собственности.

Не может быть, чтобы Мэнди была в здравом уме и стояла там, готовая принять меня. Ни за что, блядь. У нее хватает наглости заявиться сюда, на свадьбу моей семьи, без приглашения, и разбрасывать свое дерьмо. Дерьмо, которое она не имеет права бросать. Пришло время выпустить ее на свободу.

— Аманда.

Она слегка напрягается от жесткого тона, которым я произношу ее имя. Буквально, я выплевываю ее имя, и в моем тоне не слышно ничего, кроме отвращения. Я беру ее за локоть и веду в боковой коридор, подальше от посторонних ушей

— Не хочешь ли ты сказать мне, какого черта ты здесь делаешь?

— Потому что, детка, я знала, что ты захочешь, чтобы я разделила с тобой этот день. — Надо отдать должное этой сучке: она искренне верит в эту чушь. Если бы я не знал лучше, я бы подумал, что она действительно хочет быть здесь. Но я знаю лучше, и я знаю, что под этой фальшью нет ничего, кроме расчетливой безумной интриги.

Что. За. Дерьмо.

— Ты что, дура? Пожалуйста, скажи мне, что ты просто тупая и пропустила гребаную

памятку под названием «просто секс»? — Она слегка вздрагивает, но недостаточно. Очевидно, это займет гораздо больше времени, чем обычное прощание. Это ни к чему не приведет, черт возьми.

— Не говори глупостей, Грег. — Она слегка смеется и протягивает руку, чтобы положить ее на мою, но я отступаю назад и наблюдаю, как ее рука неуклюже падает обратно.

— Послушай меня, и послушай очень хорошо, Аманда. Я больше не буду повторять это дерьмо. Ты и я, между нами все кончено. Полностью и никогда, блядь, больше не повторится. В последний раз ты получила мой член прошлой ночью. Что бы, черт возьми, ты ни думала, здесь происходит, это не так. Я не буду твоим мужчиной, и я чертовски уверен, что никогда не заберусь обратно в твоё тело. Услышь меня... Все. Кончено.

Я даже не даю ей шанса ответить. Развернувшись, я присоединяюсь к своим парням, прежде чем выйти из церкви и отправиться на прием.

* * *

Три часа спустя мое настроение ничуть не улучшилось. Мы занимались традиционной ерундой, которая всегда сопутствует свадьбам: больше фотографий, чем я хотел бы когда-нибудь снова увидеть, танцы, разрезание торта и ужин. Теперь вечеринка идет вовсю, и алкоголь льется рекой.

Мои глаза не отрывались от объекта моего желания с момента прибытия. Она тоже не разочаровывает. Похоже, она устраивает шоу только для меня; единственная гребаная проблема в том, что она использует для этого всех здешних одиноких мужчин. Ее фаворитом, похоже, является единственный и неповторимый мужчина-шлюха, Зик Купер.

Понятия не имею, под что, черт возьми, они сейчас танцуют; я просто знаю, что он чертовски близко к ней. Когда я смотрю, как его рука скользит вокруг ее талии и притягивает ближе, я чуть не разбиваю свой стакан. Когда она откидывает голову назад и смеется, все ее лицо озаряется светом, я перебираю все известные мне способы убить человека. Когда его ладонь перемещается к ее заднице и сжимает, я вижу красное. Все мое тело напряжено, и желание, смешанное с яростью, — это трудная комбинация, которую трудно отфильтровать.

Этот вид желания, поглощающее тело, для меня в новинку. Конечно, за мои тридцать пять лет было много женщин, но ни одна из них не вызвала у меня таких чувств. И, черт возьми, точно не было ни одной, кто смог бы уйти от меня. Куп может раздражать меня до чертиков в хороший день, но я никогда раньше не рассматривал способы убить своего друга.

— У тебя все плохо.

— Ты понятия не имеешь. — Я смотрю на Лока, замечая, что его глаза не смотрят на Купа и его партнера, а смотрят через комнату на стол, за которым сидит Эмми, укачивая спящего Нейта.

— Собираешься что-нибудь с этим делать? — наконец спрашивает он после нескольких минут молчания.

— Да. А ты? — Явно не ожидая моего вопроса в ответ, он медленно поворачивает голову и смотрит на меня. Его темные глаза ничего не выдают.

— Нет. — И с этими словами он уходит, присоединяясь к своей спутнице. По крайней мере, я не единственный жалкий ублюдок в этой комнате.

После еще нескольких песен Куп убирает свои руки, от ее тела. Она оглядывает зал, а затем идет к бару — бару, который я не покидал почти час. Ее глаза не отрываются от моих.

Ее бедра соблазнительно двигаются под музыку, заставляя мой рот наполняться слюной, а брюки натягиваться.

Я заполучу ее.

Она подходит к бару и что-то заказывает. Я не могу сказать, что, потому что, когда она наклоняется через край, ее идеальная задница предстает перед моим голодным взглядом. Мой рот наполняется слюной, а кончики пальцев покалывает. Просто представляя, как мои пальцы сильно впиваются в нее и грубо притягивают ее к моему напряженному члену, мое и без того напряженное тело начинает плакать. Должно быть, я издал стон, потому что она вскидывает голову и оглядывает меня.

— Видишь что-то, что нравится? — Ее вопрос заставил меня медленно, ох как медленно, поднять глаза на нее. Она не выглядит рассерженной, что уже плюс. Похоже, она наслаждается этой медленной пыткой.

— Потанцуй со мной. — Я смотрю на нее, просто принимая ее и ожидая ее ответа, немного шокированный тем, что просьба вообще слетела с моих губ. Я ненавижу танцевать, но, если это приблизит мое тело к ее, я сделаю все, что угодно.

— Просто потанцевать?

— На данный момент. — Взяв ее за руку и оставив наши напитки на стойке, я веду ее на середину комнаты, притягивая ближе и прижимая ее тело к своему.

Держа ее в своих объятиях, я чувствую себя так, словно возвращаюсь домой. Я не из тех, кто верит во всю эту чушь о любви с первого взгляда, но даже такой циничный человек, как я, я могу распознать нечто большее, чем похоть. Мое тело хочет ее; это не секрет, но уровень желания граничит с жаждой. Она нужна мне. Нуждаться в ком-то — не то, к чему я привык. Нет, я привык быть нужным... Чего эта женщина явно не хочет.

— Как тебя зовут, красавица? — Я спрашиваю ее снова. Использую ритм песни, чтобы мягко покачивать нашими бедрами. Ее руки свисают с моих плеч, и, если я слегка наклонюсь, наши губы окажутся на одном уровне. Мои кончики пальцев едва пробегают по выпуклости ее задницы. Мой член умоляет меня притянуть ее к себе, почувствовать ее тело рядом с моим.

Она игнорирует меня и застенчиво улыбается. Она могла бы выдать это отчужденное поведение за безразличие к нашей связи, но ее глаза не могут сдержаться. Ее глаза говорят мне все, что нужно. Возможно, она еще не решила, чего хочет, но я могу сказать, что в глубине души она хочет найти темную комнату.

— Ну же, красавица, скажи мне, — умоляю я. Я еще не отошел от дел, и, черт возьми, если она хочет, чтобы я называл ее Тимми и лаял, как собака, я так и сделаю.

Она не отвечает, но ее руки проникают в мои волосы и крепко сжимают их, натягивая пряди. Она приподнимается на носочки и приближает свой рот к моему уху

— Какое это имеет значение?

Обычно я ненавижу игры, но с ней это похоже на прелюдию.

— Детка, мне нужно знать, как тебя называть, когда я вставлю свой член в твое тело. — Ее вздох у меня над ухом заставляет мой и без того болезненно твердый член пульсировать. Она отстраняется и смотрит на меня; ее большие голубые глаза сверкают любопытством.

— Ты сказал, просто танец. — Как будто мне нужно напоминать.

— Я не говорил, что мы будем танцевать в одежде. — Мы встречаемся взглядами еще на несколько секунд, прежде чем я слышу, как меняется песня, и проникновенные звуки Сэма Гроу «Lay You Down» наполняют мои уши. Если это не знак, то я не знаю, что это такое. Я

притягиваю ее ближе к своему телу, ее сиськи прижимаются к моей груди, а мой член толкается в ее живот. Моя нога протискивается между ее ног, и я начинаю медленный, наполненный сексом ритм наших бедер. Наклоняясь так, чтобы мои губы были на расстоянии дыхания от ее уха, я тихо пою слова, убеждаясь, что каждая унция обещания, которым я обладаю, присутствовала в тексте.

Обхватив одной рукой ее тонкую талию, я медленно провожу другой по позвоночнику, а затем слегка прижимаю ее голову к себе и поворачиваю ее так, чтобы обеспечить себе лучший доступ.

Я чувствую ее учащенное дыхание на своей щеке, а там, где мой большой палец упирается в ее шею, пульс бьется в бешеном ритме.

Она хочет этого.

Мы продолжаем медленно двигаться под слова песен, которые словно созданы для нашего танца. У меня нет сомнений, что, если бы не было одежды, я был бы глубоко в ее теле.

Глава 9

Мелисса

Я могла бы держать себя в руках и держаться подальше от этого человека, пока он не заключил меня в свои объятия и не взорвал мой мозг одним лишь танцем. В этот момент я готова отдать ему свою душу. Я чувствую, как он прижимается к моему животу... каждый твердый дюйм. Каждый раз, когда он вращает бедрами в такт песне, из моего тела вытекает еще немного влаги. Я готова к действию, и все благодаря этому мужчине.

Когда песня заканчивается, он снова отстраняется и смотрит мне в глаза

— Скажи мне.

— Мелисса, — пишу я. Да, пишу. Игры закончились это слишком грубо.

— Хорошо, Мелисса, — промурлыкал он; мое имя, вьющееся вокруг его языка, посылает мурашки по каждому сантиметру кожи. — Давай начнем сначала, а?

Я смотрю на этого великолепного мужчину и киваю головой, как идиотка.

— Меня зовут Грег Кейдж. Большинство моих друзей зовут меня Грегом, некоторые Кейдж, но ты можешь называть меня как хочешь.

Серьезно? Он сейчас серьезно?

— Эта фраза когда-нибудь срабатывает? И почему я должна называть тебя Кейджем? Звучит как то, во что ты запиливаешь бешеное животное. — Его глаза слегка расширяются, прежде чем его звонкий смех разлетается вокруг меня. Я уверена, что выгляжу как сумасшедшая с улыбкой, которая появляется на моем лице. Даже я могу сказать, что это слишком радостно. Боже правый, он действительно хорош собой.

— Черт возьми, детка, ты либо лесбиянка, либо тебе просто нравится изводить мои яйца. — Он качает головой, все еще издавая несколько мягких мужественных смешков. — Красавица, ты можешь называть меня как угодно, лишь бы ты это кричала.

Прежде чем я успеваю осознать его действия, он наклоняется и дарит мне быстрый, но глубокий поцелуй. Когда он отстраняется и прижимается своим лбом к моему, я знаю, что с таким же успехом могла бы просто поставить подпись на пунктирной линии. Взгляд, который он бросает на меня, полон такого обещания, что, если бы на мне было нижнее белье, оно бы взорвалось, полностью взорвалось, прямо с моей кожи.

— Пойдем со мной домой, — выпаливаю я.

Кажется, он обдумывает это в течение минуты, прежде чем дикая улыбка украшает его

губы. Он знает, что выиграл этот раунд. Возможно, я поддаюсь искрам, летающим вокруг нас, но это просто секс. Ничего больше.

— Давай так, я закончу здесь кое-какие дела, а потом мы сможем поехать ко мне.

— Я не поеду с тобой. Я хочу поехать на своей машине, на всякий случай, — бормочу я в конце, но он не пропускает это мимо ушей. Его глаза вспыхивают, а улыбка слегка сползает.

Что ж, Мелисса, с таким же успехом ты могла бы разместить объявление, в котором перечислены все проблемы, которые у тебя есть.

— Ладно, но могу заверить тебя, что ты не захочешь уезжать еще долгое время.

— Просто секс? — Спрашиваю я. Сейчас нет причин ходить вокруг да около.

— Пока. — Он берет меня за руку и уводит с танцпола обратно в бар, где мы оставили наши напитки. — За жизнь, — говорит он и поднимает свое пиво, чтобы чокнуться с моим бокалом.

Кажется, странным поднимать тост, когда ты только что согласилась пойти с совершенно незнакомым человеком поиграть. Однако, чем больше я думаю об этом, тем больше в этом, честно говоря, смысла. Я дала обещание своей сестре, что никогда не перестану жить. Конечно, она не знала об этом обещании, но в тот день, когда я дала ей его прошептав слова холодной земле, я почувствовала, как с моих плеч свалился груз.

Что ж, дорогая сестра, если это не жизнь, тогда не знаю, что это.

— За жизнь, — эхом отзываюсь я с улыбкой, прежде чем сделать глоток.

* * *

Прошел час с тех пор, как я, по сути, согласилась на ночь неограниченных возможностей. Я вижу, как Грег кружит по комнате, останавливаясь, чтобы провести время с невестой, а также с остальными мужчинами из их ближайшей группы. Кажется, он замечает каждое мое движение. Я двигаюсь, чтобы поговорить с другим человеком, и его глаза всегда прожигают мою кожу. Когда мои глаза встречаются с его, это чистый огонь. Я чувствовала, как его взгляд ласкает каждый дюйм моей кожи, и это медленно, мучительно сводило меня с ума.

Я хочу его.

— Я знаю этот взгляд, — говорит Ди, останавливаясь у стола, за которым мы с Эмми сидели последние несколько минут.

— Не понимаю, о чем ты.

— Да, конечно, — смеется она. — Этот взгляд, который ты продолжаешь посылать Кейджу, достаточно горячий, чтобы заставить меня начать задыхаться.

— О, правда? Ты случайно ничего не знаешь о жарких взглядах через всю комнату, не так ли? — Вмешивается Эмми. Ее тон на самом деле шокирует меня. За все время, что я была рядом с ней, она была только милой и тихой.

— Какого черта, Эм? — Действительно, какого черта.

— Послушай, Ди, ты знаешь, что я люблю тебя, но, пожалуйста, послушай моего совета: Бек хочет тебя, а ты продолжаешь играть в игры. Что ты будешь делать, когда однажды передумаешь и захочешь того, что он предлагал почти два года, а он больше не предложит?

— Это не так просто, Эм. — Ди кладет голову мне на плечо и прерывисто выдыхает, — Это не так просто.

Я поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с Эмми через стол, отмечая, что ее обычно милое и спокойное выражение лица жесткое и холодное.

— Это просто. Ты хочешь его, он хочет тебя, но ты слишком занята, пытаешься оттолкнуть его, чтобы дать ему шанс, которого он заслуживает. Я бы хотела быть на вашем месте. Чтобы мужчина, которого я хочу, захотел меня вернуть. — Она со стуком ставит свой бокал на стол, при этом дребезжат все приборы. Отодвинув свой стул, она встает из-за стола так быстро, что я даже не уверена, в каком направлении она убежала.

— Не хочешь рассказать, что здесь только что произошло? — спрашиваю я Ди со слегка маниакальным смехом.

— Это, моя дорогая Мелисса, меня поставили на место. — Она делает большой глоток вина, откидываясь на спинку стула и просто вглядываясь в толпу.

— Ты хочешь поговорить об этом? — Иззи кое-что рассказала мне, но недостаточно, чтобы притвориться, что я знаю, что происходит у нее в голове.

— Ты когда-нибудь уставала надевать маску изо дня в день? Мне так надоело надевать ее. — Ее слова немного невняты, но думаю, что понимаю, что она имеет в виду. Боже, я ненавижу пьяных людей.

— Не скрывай, кто ты есть, Ди. Я поняла одну вещь: никогда не надо скрывать, кто ты есть. Если ты чего-то хочешь, ты борешься за это. Когда тебе кажется, что ты уже достаточно боролась, борись еще немного. Не позволяй никому и никогда не позволяй ситуации сделать тебя такой, какая ты есть.

Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Что бы я ни сказала, должно быть, попало в цель, но я, честно говоря, понятия не имею, чего она хочет. Я не была рядом с ними достаточно долго, чтобы рассказать все подробности, но знаю, что между ней и Бекком происходит что-то серьезное.

— Да, — говорит она, слегка покачиваясь. — Я просто не знаю... — говорит она, когда мы слышим шум на противоположной стороне участка, где мы сидим.

На краю участка мы видим, как Аксель уносит свою невесту в темноту. Видна только его спина и смеющийся Иззи через плечо, бегущий вокруг дома. Я смотрю на Ди, и вся грусть уходит из ее глаз. Несколько минут мы смотрим друг на друга, пытаюсь понять, не видели ли мы только что жениха, похищающего собственную жену, а затем разражаемся хохотом.

Мы сидим и смеемся уже несколько минут, когда я чувствую его. Мою спину покалывает, а кожа нагревается. Не глядя, я знаю, что Грег Кейдж стоит позади меня. Я чувствую, как один палец слегка скользит вниз по моей шее, прежде чем его губы касаются раковины моего уха:

— Ты готова?

Я сплываю, на секунду задумываясь, куда, черт возьми, делись мои силы оставаться сильной рядом с этим мужчиной. Я должна держать свои стены вокруг такого опасного человека, как он.

— Сэр! Да, сэр. — Шучу я, подмигивая Ди, прежде чем повернуться на своем месте. Когда мои глаза встречаются с его, я вижу, что моя шутка, возможно, не удалась. Его лицо суровое. Его голубые глаза кажутся почти фиолетовыми, а руки крепко сжимаются в кулаки. Какого черта?

Я встаю, не желая оказаться в невыгодном положении... ну, скорее в невыгодном. По крайней мере, с моей обувью мы почти равны. Его дыхание учащается, ноздри раздуваются. Я подхожу так близко, как только могу, на цыпочках, моя грудь слегка касается его груди, и бросаю на него свой пристальный взгляд.

— В чем проблема? — шепчу я. Я чувствую жар от его губ так близко к моим.

Он все еще внимательно смотрит на меня, но, похоже, молча решает, как лучше поступить.

— Попрощайся с Ди.

— Прощай, Ди, — бросаю я через плечо. Ее хихиканье достигает моих ушей, заставляя меня выпустить несколько своих, прежде чем я снова посмотрела на него. — Твоя очередь, — шепчу я.

— Пока, Ди. Не садись за руль, черт возьми. — И с этими словами он хватается за мою руку и тащит через толпу, шатер, двор и вокруг дома. Мы останавливаемся перед подъездной дорожкой и стоим там несколько секунд. Он отпускает мою руку и делает несколько шагов передо мной, прежде чем обернуться и посмотреть на меня. Его дыхание не сильно улучшилось, и небольшая часть меня задается вопросом, может ли у него быть астма или что-то в этом роде.

— Тебе нужен ингалятор? — спрашиваю я.

— Какого хрена? — Он что-то бормочет.

— Ты говоришь так, как будто у тебя вот-вот начнется приступ астмы или что-то в этом роде. Поэтому я повторяю: нужен ингалятор?

Он приподнимает одну густую бровь и издает грубый смешок.

— Мне нужен гребаный ингалятор? Нет, не нужен. Что мне нужно, так это чтобы ты пожалуйста, вела себя прилично на публике. Ты не можешь говорить такие вещи, чтобы мне не захотелось сорвать твоё сексуальное платье с твоего тела. В следующий раз, когда ты назовешь меня сэром, лучше это будет, когда ты будешь умолять меня позволить тебе кончить. — Он протягивает руку и притягивает мое тело вперед, прижимаясь своими губами к моим.

Боже. А я-то думала, что он и раньше воспламенял мое тело. Жесткий, влажный, полный плотского жара, его язык борется с моим за господство. Его руки сжимают мои волосы, поворачивают мою голову, и его тело обхватывает мое.

На секунду у меня мелькнула мысль, что, возможно, я просто переборщила с этим мужчиной.

Глава 10

Мелисса

Я ехала следом за его грузовиком через весь город и въехала в хороший жилой район. Далековато от моей крошечной квартирki. Он сворачивает на подъездную дорожку, и я на секунду замираю, прежде чем заехать на своем куске хлама за ним.

Ну... это неловко. Я никогда не позволяла чужому богатству запугать себя, но это немного трудно переварить. Дом у него большой, и видно, что он стоит больше, чем я, наверное, смогу заработать за всю жизнь. Если для того, чтобы попасть в свой дом, нужно проехать через охраняемые ворота, значит, это не гетто. Теперь я живу в гетто.

Когда я останавливаюсь рядом с его грузовиком, я слышу, как моя машина лязгает и шипит. Он прислонился к водительской двери и вертит в пальцах ключи. Кому-то он может показаться наглым, но для меня он выглядит чертовски обаятельным.

Он стянул галстук и расстегнул несколько первых пуговиц. Пиджака уже нет, и он закатал рукава, обнажив сильные руки. При каждом движении запястья, заставляющем ключи вращаться, можно увидеть, как напрягается каждый мускул его предплечья. И даже не стоит говорить о его длинных, проворных пальцах. Мне приходится сжимать бедра, глядя,

как они играют с ключами.

Мы стоим и смотрим друг на друга, и только моя машина стоит между нами. Я все еще пытаюсь понять, как, черт возьми, я перешла от обещания себе, что не буду связываться с этим мужчиной, к тому, чтобы запрыгнуть на него и кричать "Йи-хау"

— Иди сюда, Мелисса.

— Нет, — отвечаю я. Почему я подумала, что это была блестящая идея — ткнуть медведя, выше моего понимания, но есть что-то захватывающее в том, чтобы наблюдать, как он теряет контроль.

Его ключи перестают вращаться через секунду.

— Детка, иди сюда.

— Заставь меня.

Оглядываясь назад, я, возможно, понимаю, что это была не самая мудрая идея — попытаться заставить его сорваться, но у меня такое чувство, что такому человеку, как Грег Кейдж, время от времени нужен небольшой вызов.

— Мелисса.

— Грег.

Он движется так стремительно, что в темноте остается лишь белая вспышка. Не успеваю я опомниться, как его плечо сталкивается с моим животом, и меня заносит в дом. Его рука, прижатая к моей заднице, посылает толчки желания по моему позвоночнику. Я чувствую, как моя киска сжимается от осознания, как будто даже эта сучка знает, как близко он к ней..

Я отталкиваюсь от его талии, пытаюсь осмотреть дом, пока он поднимается по лестнице. Даже с его быстрыми и торопливыми движениями, он осторожен, старается не ударить меня в плечом. Решив по непонятной причине, что было бы забавно еще раз проверить его контроль, я убираю руки с его ремня, беру каждую из его упругих ягодиц и сжимаю. Черт возьми, его задница твердая как камень. Его рык заполняет тишину, в которой до этого было только тяжелое дыхание этого безумного человека.

— Осторожнее, Мелисса, ты играешь с огнем.

— Всегда любила погорячее, — простонала я, поднимая одну из своих рук и шлепая его по заднице. Сильно. Ладонь покалывает, и острая колющая боль пронзает запястье.

Черт! Кажется, его задница только что сломала мне руку!

Он замирает на полушаге от того, что, как я могу предположить, является его комнатой. Мне кажется, он даже не дышит. Статуя неподвижна и вибрирует от разряженного напряжения.

О-о-о.

Медленно, ох как медленно, он начинает опускать мои ноги на пол. Его лица не разобрать, но он не может скрыть жар в своих глазах. Жжение. Каждый сантиметр моей кожи, по которому пробегает его взгляд, словно подвергся физическому воздействию.

Я поднимаю руки и начинаю расстегивать пуговицы на его рубашке. Он просто стоит и позволяет мне. Проходит секунда, но примерно на второй пуговице я понимаю, что его молчание — не что иное, как попытка вернуть контроль, который ускользает. Ни за что, ни за что. Хватаясь за обе стороны его полурасстегнутой рубашки, я резко дергаю, отчего пуговицы разлетаются вокруг меня. Он издает низкий хрип, и его руки сжимаются.

Пробегая руками от его твердых, как камень, грудных мышц вниз к прессу, я получаю еще одно гортанное рычание. Когда я провожу рукой по его члену через штаны, его глаз дергается, и он слегка покачивается. Наклоняясь вперед, я провожу языком вокруг его соска

и крепко сжимаю его щедрую выпуклость. Когда я слегка прикусываю сосок, его стон превращается в яростный рев, я поспешно отступаю назад, чуть не падая задницей на пол, когда спотыкаюсь о ковер.

Его руки взлетают и хватают меня за бедра, чтобы помочь устоять на ногах.

— Раздевайся. Сейчас же, — наконец произносит он, убедившись, что я твердо стою на ногах.

Он делает шаг назад и опускается на стул, который я даже не заметила. Оглядывая комнату, я вдыхаю мужское тепло. Вся мебель из темного дерева, стены кремового цвета. Очень натурально. Мое красное платье выделяется на фоне всех этих приглушенных тонов. Я оглядываюсь на него и вижу его высокомерно поднятую бровь. Он не думает, что я это сделаю. Глупый человек.

Повернувшись на каблуках и представив ему свою спину, тянусь вверх и медленно расстегиваю молнию по всей длине спины. К счастью, она расположена не так высоко, чтобы мне не пришлось просить его о помощи. Я не тороплюсь, чувствуя, как зубчики расстегиваются один за другим при плавном скольжении молнии. Когда молния расстегивается, я снова оглядываюсь через плечо и наблюдаю, как он подносит руку к поясу.

Ну, это чертовски сексуально.

Я медленно снимаю бретели с каждого плеча, а затем позволяю платью соскользнуть и упасть к моим ногам. Я не могу сдерживать улыбку, услышав резкий вдох, доносящийся из-за моей спины. Я уверена, что он не ожидал увидеть меня полностью обнаженной под платьем.

Я поднимаю ногу, но перед тем, как снять туфлю, слышу его напряженный голос:

— Оставь. — Я опускаю ногу и медленно поворачиваюсь к нему лицом. Я достаточно комфортно чувствую себя обнаженной, чтобы понять, что выгляжу чертовски хорошо. Когда я завершаю свой поворот и встречаюсь с ним взглядом, вижу, что он согласен. Глядя вниз на его тело, я замечаю, что он полностью снял рубашку, а его брюки расстегнуты. Одна рука сжимает подлокотник кресла с такой силой, что кажется, будто он может оторвать его прямо сейчас, но его другая рука? Его другая рука медленно поглаживает один из адский штанг для моего оргазма.

Одного его тела достаточно, чтобы убедить меня продать свою левую грудь, просто чтобы прикоснуться к нему, но при виде того, как он упакован, моя киска начинает плакать от влаги. Огромный, толстый и украшенный. Он теревит пальцами обруч, отчего его член подпрыгивает, а изо рта вырывается шипение. Как будто это недостаточно шокирует, вторая гантель, проходящая через его выпуклую уздечку, заставляет мою челюсть отвиснуть. Моей первой мыслью было: «Черт, должно быть, было больно», но вслед за этим мое тело кричит: «Черт возьми, да, это будет похоже на чистое блаженство»!

— Нравится то, что ты видишь, красавица? — Он продолжает свои медленные поглаживания. Я вижу каплю спермы, которая начинает падать сверху, и мой рот мгновенно наполняется слюной. — Скажи, как сильно ты хочешь мой член.

Встряхнув головой, чтобы прогнать туман похоти, я напоминаю себе о начатой игре. Не знаю, когда это стало важным, но я хочу взять верх. Я сладко улыбаюсь.

— Я так не думаю, большой мальчик. — Я поднимаю руки и начинаю поглаживать свою грудь, обводя соски, а затем обхватываю их и прижимаю друг к другу. Трение заставляет вырваться тихий стон. Я намеренно провожу одной рукой вниз по своему телу, позволяя своим пальцам несколько раз очертить клитор и проводя теплой влагой по моей нежной коже. Когда я раздвигаю складки и провожу пальцем по своей киске, его рука

перестает поглаживать, и его глаза вспыхивают.

— Мелисса, — предупреждает он.

— Грег, — стону я, водя пальцем по своему клитору. — Скажи, насколько сильно ты хочешь мою киску? — С его ответным рычанием я ввожу два пальца глубоко, закрываю глаза и тихо стону. Прошло уже много времени с тех пор, как у меня был мужчина, который доставлял удовольствие моему телу, достаточно много времени, чтобы я точно знала, что нужно моему телу. Когда стало очевидно, что ни один мужчина не в состоянии сделать это за меня, я научилась самостоятельно.

Мои движения бедрами и стоны удовольствия должны стать тем спусковым крючком, который заставит его сорваться. Не успеваю я открыть глаза, как оказываюсь на спине, а его рот приникает к моей киске. Он глубоко просовывает язык и, взяв меня за бедра, грубо притягивает к себе. После нескольких ударов в мой сочащийся центр, он медленно облизывает свой путь к моему клитору. Я вижу, как приподнимается уголок его рта, а в глазах появляются морщинки, прежде чем я чувствую острое жало его зубов, когда он прикусывает мой набухший бутон. Мои руки вцепляются в простыни, голова откидывается назад, и с громким криком я кончаю на его язык.

— О Боже! — Я понятия не имею, что кричу прямо сейчас. Насколько я знаю, я говорю на другом языке. То, что он делает с моим телом, должно быть незаконным. Никогда в жизни я не испытывала такого переполняющего меня удовольствия. Он продолжает свои медленные облизывания и покусывания, пока мое тело не опускается вниз, затем он неторопливо прокладывает дорожку поцелуев вверх по моему животу. Он ненадолго останавливается, чтобы облизать мой пупок на животе, прежде чем продолжить свой путь к моим сиськам.

— Обожаю. Твои сиськи... Чтоб меня, детка, но я мог бы часами заниматься только ими. — Он облизывает и кружит языком вокруг моих сосков. Он следит за тем, чтобы уделить достаточно внимания каждому из них, прежде чем завладеть моим ртом своим.

Его поцелуй требовательный и полон контроля. Его руки крепко держат мою голову между ладонями, и мне не остается ничего другого, как попытаться вернуть себе преимущество. Черт, сейчас я уже и не помню, зачем мне это было нужно. То, что он делает с моим телом... Мое сердце колотится так, будто ему осталось несколько секунд до взрыва, и каждый сантиметр моей кожи ощущается слишком туго. Я нуждаюсь в нем.

— Пожалуйста... п-пожалуйста, Грег! — Я кричу, вырывая свой рот из его неистового внимания. Мое тело так сильно сотрясается от нарастающего желания, что я чувствую, как стучат мои зубы. — Черт возьми! Ты нужен мне внутри! Трахни меня!

Если он и слышит меня, то явно игнорирует мои мольбы. Его губы касаются кожи вокруг моей ключицы, успокаивая языком каждый укус.

К черту все это. Мне нужен его член в моем теле. Подняв ноги на кровать, я надавливаю на него со всей силой, какая только осталась в моем теле. Очевидно, я застаю его врасплох, и мне легко удается откинуть его большое тело от себя. Используя его шок в своих интересах, я набрасываюсь на него. Прежде чем он успевает пошевелиться, я подпрыгиваю и сажусь ему на грудь, зажав его руки под ногами. Моя скользкая киска встречается с горячей кожей его груди.

— Нет. — В его глазах вспыхивает предупреждение, которое я намерена проигнорировать. — Я же сказала, что хочу твой член. Я не заикалась. Мои слова, Грег, были ясны. Презерватив?

Его язык высовывается и облизывает мой палец, но даже при этом игривом действии его глаза светятся изнутри. У меня такое чувство, что он просто позволяет мне взять на себя инициативу.

— Ящик, — говорит он, кивая в сторону приставного столика. К счастью, когда я перевернула его, мы приземлились на расстоянии вытянутой руки. Я наклоняюсь вперед, позволяя своей груди тяжело опуститься на его лицо. Он не теряет времени даром, прежде чем атаковать. Его язык и зубы покрывают каждый дюйм, до которого он может дотянуться без помощи рук.

Схватив презерватив, я присаживаюсь обратно, прежде чем он успеет что-нибудь попробовать, — это сложнее, чем я думаю. Он издает самый грубый, дикий звук, когда его губы теряют хватку на моем соске.

Я ухмыляюсь ему, прежде чем намеренно медленно спускаюсь вниз по его телу. Когда мои глаза оказываются на одном уровне с членом, мне хочется плакать от радости. Это будет восхитительно. Разорвав презерватив с намерением поскорее натянуть его на внушительную длину, я быстро понимаю, что не имею ни малейшего представления о том, как это будет работать. Я не знаю, что, черт возьми, мне делать с кольцом и штангой. Он рычит, выхватывая презерватив у меня из пальцев и наматывая его на себя. Перед тем как он убирает руки, я успеваю заметить еще одну вспышку металла возле его яиц.

— Ты, блядь, издеваешься надо мной? — Я шепчу: — У тебя что, фетиш на членовредительство? — Прямо там, где заканчивается его ствол, сквозь кожу проступает длинная штанга. Блядь, мне становится все лучше и лучше.

— Ты не будешь жаловаться на него, когда он будет бить по твоему клитору, обещаю тебе это.

— О Боже.

Поднимаясь обратно по его телу, я клянусь, что умерла и попала в рай. Я облизываю каждый сантиметр его кожи, до которого могу дотянуться, прежде чем оседлать его бедра и завладеть его ртом. Пока наши языки кружатся вместе, а дыхание сбивается, мои бедра заняты трением о его. Мои ноги раздвигаются настолько широко, насколько я могу, заставляя мою киску раскрыться, как цветок, и крепко обнять его член.

Оттолкнувшись от его груди, я приподнимаюсь, хватаю его член и вхожу в себя. Я почти не слышу его резкого дыхания за своим криком. Я чувствую, как кольца ударяют в то место глубоко внутри меня, которое заставит меня умолять в мгновение ока. От плотного прижатия к моему клитору у меня помутилось в глазах.

— Придется... двигаться, — предупреждает он, и я снова оказываюсь перевернутой на спину. Он даже не останавливается, когда переворачивается и врезается в меня. Его бедра ударяются о мои, его яйца издают громкий, влажный звук, когда ударяются о мою кожу, а в его глазах вспыхивает что-то, о чем я молю Бога, чтобы я поняла.

— С-с-сильнее!

Он глубоко входит в меня и опирается на колени, в результате чего его член почти полностью выскальзывает из меня. Его большие руки хватают меня за бедра и наполовину отрывают мое тело от кровати. Моя голова по-прежнему лежит на кровати, а все остальное тело находится под его контролем, когда он отстраняется и исполняет мое желание. Мои ноги налились свинцом, руки крепко вцепились в простыни, а глаза впились в него. Взгляд его глаз в сочетании с жесткими ударами его пирсинга и благоговейными толчками — этого достаточно, чтобы я закричала. Кричать, умолять и просить. Я потеряла контроль над своим

телом. Оно зажато и разрывается на части.

Его бедра набирают скорость, но затем слегка замедляются к концу моей разрядки. Он опускает мое тело обратно на матрас и покачивает бедрами, вызывая еще несколько толчков, прокатившихся по моему телу.

— Тебе нравится мой член? Тебе нравится чувствовать меня так глубоко в своем теле, что завтра ты не сможешь ходить? То, как твоя киска сжимает мой член, а твоя влага покрывает мои яйца, я бы сказал, что тебе это чертовски нравится.

Я хнычу, и он улыбается. Это не та привлекательная улыбка, которой он одаривает публику, нет... эта улыбка — чистое чертовски сексуальное зло.

— Собираюсь трахнуть тебя жестче, — предупреждает он, прежде чем подтвердить свои слова. Когда он, наконец, хватается за бедра и сводит наши бедра вместе, я кончаю дважды и теряю представление о реальности.

* * *

Проходит около часа, прежде чем нам удастся распутать наши конечности. Когда его тело ложится на мое, он слегка перекачивается, чтобы мне не было трудно дышать. Его вес идеально прилегает к моему телу, и я не могу заставить себя насторожиться от того, насколько идеальным кажется это совпадение. Может быть, пришло время открыться кому-то?

Нет, даже при идеальном сексе я достаточно узнала от своей сестры, чтобы понять, что неразумно позволять мужчине завладеть твоим сердцем. Когда это случается, потерять себя — лишь вопрос времени.

— О чем думаешь? — Говорит он мне в шею.

Если бы он только знал.

— Просто интересно, когда ты снова будешь готов.

— Чертово животное, — смеется он.

Глава 11

Мелисса

— Что означает твоя татуировка? — Мы только что закончили еще один бурный раунд лучшего секса, который у меня когда-либо был. Новое правило: любой мужчина, с которым я сплю, должен уметь доводить до тройного вагинального блаженства. Когда сталь его пирсинга касается моего клитора, я вижу ангелов, поющих на небесах.

Он расслабленно лежит на спине, закинув руку за голову, и татуировка, которую я раньше не замечала, видна во всей красе. Я уже несколько минут нежно провожу пальцами по чернилам, наблюдая, как с каждым движением его кожа вздрагивает. Я никогда не видела, чтобы что-то настолько простое было таким трогательным, захватывающим дух. Здесь, должно быть, не менее двадцати маленьких черных птичек, которые начинаются у его бедра и перелетают на спину, где, как я предполагаю, заканчиваются у плеча. Среди птиц переплетаются слова: «Освободись, грациозно». Это не может быть совпадением, что единственная часть, написанная изящным почерком, — слово «Грейс».

Он поднимает другую руку и рассеянно проводит пальцами по последнему слову на ребрах.

— Это в честь моей сестры, Грейс.

Он больше ничего не говорит, но продолжает водить пальцами по ее имени.

— Как давно это было? — Мне не нужно больше ничего говорить; он знает, что я имею в виду.

— Почти десять лет. — Он перекачивается на бок и подпирает голову рукой. — Я был за границей, когда мне позвонили.

— Господи... Прости, Грег. Я знаю, что это ничего не значит, но поверь, когда я говорю, что знаю, что ты чувствуешь. — Я не говорю о своей сестре. Даже моей матери, которая точно знает, что я чувствую. Я просто не была готова. Даже сейчас, почти два года спустя, мне все еще больно осознавать, что ее больше никогда не будет рядом.

— Красотка, — говорит он, проводя пальцем по моему лицу. — Я так долго чувствовал боль от ее потери, и ни разу не встретил человека, который мог бы это почувствовать. Хочешь дать мне больше, чем это?

— Не совсем... но да, — я спешу закрыться, когда вижу, что он начинает отступать. Не физически. Нет, физически он очень здоров, но его глаза теряют свет. — Моя сестра. Я потеряла ее два года назад.

Я переворачиваюсь на живот и убираю волосы с лица. В центре моих лопаток находится единственное перо с птицей, вылетающей из трещины на кончике. Под пером мелким шрифтом выведены слова: «Возьми это сломанное крыло и научись летать».

— Немного странно, насколько близки наши татуировки, — говорю я, пытаюсь разрядить обстановку, но на самом деле, к этому нельзя отнестись легкомысленно.

— Грейс бы тебя полюбила. Не многие люди давали мне отпор. — Его губы скользят по моим чернилам, и я чувствую, как он отстраняется. — Ей было всего двадцать пять, когда она умерла. Я не получал звонка почти неделю, неделю, когда ее не было, и я понятия не имел, что моя вторая половина... — Он замолкает и заметно успокаивается. — Я почувствовал это. Люди всегда скептически относятся к связи близнецов, но я почувствовал. Это было почти так же, как если бы нить, которая связывала нас, оборвалась. В то время я этого не знал, поскольку находился в центре поля боя, но, оглядываясь назад, я это почувствовал.

— Как она умерла?

— Ее убили. — Я ахаю, звук эхом разносится по комнате, но он даже не смотрит на меня. Он явно потерялся в памяти. — Ублюдок, за которым она была замужем, испортил ее машину. Единственное, что меня успокаивает, это то, что она в итоге не пострадала. Они были женаты почти пять лет, и я ни хрена не знал, что он ее бьет, пока не стало слишком поздно.

— Что? — Шепчу я, потрясенная звуком собственного голоса. Я быстро сажусь и просто смотрю на него: — Что ты только что сказал?

— Черт, я не хотел углубляться, детка. Правда. Прошло так много времени с тех пор, как я говорил о ней, что я просто потерял себя на секунду.

— Он причинил ей боль? — Он глубоко вздыхает.

— Да, красавица... Он причинил ей боль.

— Фиа, моя сестра, ее муж... ее муж тоже ее бил. Разница лишь в том, что я знала; я знала и ни черта не сделала, потому что она мне не позволила! — Его руки обхватывают меня и притягивают ближе к своему телу. Я знаю, что плохо справилась со смертью Софии. Смахнуть это под ковер и идти дальше, кажется, работает, и кто я такая, чтобы вмешиваться в то, что работает. Внешне я была сильной, тем, кто я есть, но глубоко внутри я просто хочу выпустить все это наружу. Кричать, вопить и сходить с ума от того, что я никогда больше ее не увижу.

Я годами пыталась заставить ее уйти от этого ублюдка. Каждый раз она просто

отмахивалась. И у нее был Коэн, и ничто не могло заставить ее уйти. Я умоляла, о, как я умоляла.

— Она продолжала говорить, что с ней все в порядке! Когда твой муж бьет тебя о-бля-все-окей?

— Ты никогда не имела дела с этим дерьмом. — Не вопрос. Я превращаюсь из удовлетворенной в взбешенную в мгновение ока. Хэй! Ребенок с плаката «Ебанутый на всю голову» прямо здесь!

— Знаешь, что самое хреновое? Я умоляла ее, умоляла ее, и в конце концов она, блядь, застрелила этого ублюдка. Она выстрелила в него, но не раньше, чем он добрался до нее первым. — На несколько секунд он становится твердым подо мной, но я слишком глубоко погружена в свои воспоминания, чтобы даже понять, что заставляет его напрячься. — Коэн спал наверху.

— Коэн? — Его голос звучит отрывисто, почти напряженно.

— Мой племянник. Самый крутой парень в мире.

— Племянник? — Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, когда его тон, наконец, улавливается.

— Да, Коэн. Что означает этот взгляд? — Он выглядит так, словно проглотил что-то кислое. Я знаю, что он любит детей, так что не должно быть проблемой, что у меня есть племянник... Боже. Возможно ли, что я недооценила этого человека?

Некоторое время он молчит, просто глядя мне в глаза. Я могу сказать, что он хочет что-то сказать; эмоции в его глазах — это то, чего я раньше не видела, как будто он обеспокоен, но в то же время зол.

— Что с тобой? — Я, наконец, нарушаю молчание.

Он качает головой и приближает свой рот к моему.

— Ничего. — Он оставляет несколько легких поцелуев на моих губах, прежде чем отстраниться и посмотреть мне в глаза. — Ничего, просто размышляю. Я не знаю, почему наши пути пересеклись, но не могу игнорировать ощущение, что это было неспроста.

— Ты не такой, как я ожидала, — говорю я ему.

— Как и ты, детка.

Когда его рот снова прижимается к моему, я притягиваю его ближе и погружаюсь в него с головой. Раньше все сводилось к игре. Наслаждаться им, пока могу, и держаться подальше от любых привязанностей. Но теперь я чувствую, что уйти было бы невозможно. Он знает, этот человек знает, каково это — потерять того, кого любишь. За то короткое время, что мы знаем друг друга, могу сказать, что он не будет похож на мужа Фиа. Нет, только не Грег. Он олицетворяет «белого рыцаря».

Когда он прижимается своими бедрами к моим и погружается глубоко, последняя связанная мысль, которая просачивается в мой разум — я хочу, чтобы он был моим белым рыцарем. Я хочу, чтобы он спас меня от меня самой.

* * *

Мы наконец засыпаем на восходе солнца. Наши тела покрыты потом, а ноги переплетены. Мое тело восхитительно болит и все еще жаждет большего из того, что он может мне дать. После нашего разговора он дважды брал меня. Дважды, и секс становится все лучше и лучше. Этот человек, о, этот человек знает, что делает.

Я лежу в его объятиях и наслаждаюсь ощущением его твердого тела рядом со своим, одновременно пытаюсь понять, что пробудило меня от глубокого сна. Мой разум все еще в

тумане после вчерашней ночи, и от усталости трудно избавиться.

— Что, черт возьми, это за шум? — Он бормочет мне в шею, сжимая меня крепче.

— Может твой телефон? — Спрашиваю я и покачиваю задницей против его твердеющей эрекции.

Когда шум, наконец, прекращается, он переворачивает меня и накрывает мое тело своим.

— Доброе утро, — говорит он с улыбкой.

— Доброе утро. — Он двигается, чтобы поцеловать меня, но я отворачиваю голову и прикрываю рот рукой. — Ни за что! Утреннее дыхание! — Я смеюсь в ладонь.

— Мне все равно. — Он проводит губами по моей обнаженной шее и прокладывает себе путь к груди. Как я могу спорить с человеком, который так решительно настроен? И если быть честной с самой собой, я этого не хочу. Мое тело требовало его с тех пор, как он в последний раз вышел.

— Проведи день здесь. Я знаю, что ты вся такая «мисс Независимость» и прочее дерьмо, но останься, пожалуйста. — Глядя в его голубые глаза и широкую улыбку, я знаю, что ему невозможно отказать. Все мои прежние опасения улетучились, и единственное, что осталось — желание увидеть, что именно произойдет между нами.

— Да, я останусь... если ты сделаешь так, чтобы это того стоило.

Если возможно, его улыбка становится еще шире. Он откидывает голову назад и смеется.

— Я думаю, мы можем это устроить. — Он протягивает руку, хватая другой презерватив с края кровати, подтягивается к коленям и подмигивает мне, прежде чем несколько раз погладить свой член. Его глаза не отрываются от моих, когда он медленно раскатывает презерватив по всей длине.

— Скажи мне, как сильно ты хочешь мой член. — командует он.

Его глаза горят так ярко, и зловещее обещание, которое я вижу в них, заставляет меня без колебаний ответить:

— Я хочу твой член. Я очень хочу твой член, красавчик.

В мгновение ока он накрывает мое тело и растягивает меня медленным проникновением. Наши рты сливаются воедино; его язык танцует с моим. Каждый раз, когда мы вместе, это тяжело и быстро, но это что-то другое. Я чувствовала его, каждый сантиметр его тела. Такое ощущение, что мы не только физически, но и мысленно клеймим друг друга. Вплоть до наших душ.

Мощно.

Возможно, я не готова полностью признать это, но эта связь — не то, что мы сможем игнорировать.

Когда он погружается глубоко и двигает бедрами, думаю, что сейчас потеряю сознание. Кольца на его члене усиливают удовольствие, а тот, что обнимает мой набухший клитор, посылает волны удовольствия, пульсирующие из моего центра волнами.

Он замедляет свою атаку на мой рот и несколькими легкими поцелуями отстраняется и смотрит мне в глаза.

— Никогда. Не чувствовал. Так. Хорошо, — шепчет он мне в губы, его медленные толчки доводят каждое слово до конца. С еще одним поцелуем он отрывает свое тело от моего и наклоняет голову, чтобы посмотреть вниз, туда, где мы соединяемся. Я слежу за его взглядом и наблюдаю, как он медленно глубоко толкается, вытаскивает, а затем повторяет.

Есть что-то такое эротичное в том, чтобы смотреть, как он берет меня.

Когда его глаза снова поднимаются и встречаются с моими, одна сторона его рта приподнимается, и его красивые черты расслабляются от удовольствия, когда мое тело сжимается вокруг него. Он издает сдавленный стон, слегка прикрывая глаза.

— Мне нравится смотреть, как ты берешь мой член. Промокла насквозь, детка. — Он вырывается, сохраняя свой мучительный темп, и ненадолго останавливается, прежде чем глубоко врезаться. — Черт, это так приятно.

Я снова смутно слышу звук, который разбудил нас на заднем плане, но, когда его бедра вращаются, и вихри экстаза начинают овладевать моим телом, мой разум больше ничего не заботит. Мои бедра приподнимаются с кровати навстречу ему, его руки обвиваются вокруг моих плеч и используют его хватку, чтобы увеличить скорость; удовольствие почти невыносимо. Я слегка обхватываю ногами его спину и вдавливаю пятки в его задницу, молча умоляя его взять меня еще сильнее.

К тому времени, как мы оба забираемся высоко и собираемся оттолкнуться, оба покрыты потом и дышим так, словно пробежали марафон. Мои пальцы впиваются в его спину, а его зубы впиваются в мое плечо. Это грубо, жестко и так чертовски хорошо, что я хочу, чтобы это никогда не заканчивалось.

— Черт, — шипит он.

— Боже, ДА! — Я кричу, и с еще несколькими движениями его бедер мы оба находим свое освобождение. В глазах у меня на несколько секунд темнеет, и эти чертовы ангелы на небесах снова поют.

Он перекачивается на спину, увлекая меня за собой. Его дыхание только замедляется, когда телефон рядом с его головой начинает звонить.

— Ты, должно быть, издеваешься надо мной, — рычит он мне в ухо.

Протянув руку, он срывает телефон с подставки и злобно рывкает:

— Что?

Некоторое время он молчит, издавая несколько грубых мужественных хрюканий, а затем отключается.

— Нужно быстро разобраться с этим дерьмом, детка, — мягко говорит он, и в его тоне остается лишь небольшая нотка злобы. По-видимому, его гнев на звонившего немного утих. По крайней мере, он не направляет его на меня. — Иди прими ванну, я сейчас вернусь, ладно? Нужно спуститься к воротам и помочь разобраться в ситуации.

Мое тело все еще наслаждается блаженным состоянием, в которое он только что ввел меня, поэтому мне требуется секунда, чтобы понять, что он уходит. Но он сказал, что вернется, и на данный момент этого достаточно.

Я перекачиваюсь на бок и смотрю, как он торопливо натягивает спортивные штаны и выцветшую футболку.

— Скоро вернусь, красавица. — С легкой улыбкой и поцелуем он вылетает за дверь. Я потягиваюсь и смотрю в потолок.

Кажется, странным, что нам так комфортно друг с другом после того, как мы знакомы всего несколько дней, но между нами есть связь, которую трудно игнорировать. Тем не менее, небольшая часть меня беспокоится, что он может что-то скрывать. Я провела больше лет, чем могу вспомнить, вовремя и после смерти Фиа, чувствуя, что все люди — зло. Но моя интуиция подсказывает мне, что нужно выстоять... довериться этому человеку. Пока что я планирую просто наслаждаться жизнью и жить изо дня в день так, как могу.

Поклявшись дать этому парню шанс, я выпрыгиваю из кровати и отправляюсь в обещанную ванну.

Глава 12

Грег

Последнее, с чем мне хотелось бы иметь дело после, возможно, самого лучшего секса в моей жизни, — это сумасшедшая Мэнди. Легко игнорировать телефон, когда влажная, упругая киска Мелиссы сжимает мой член. Нет ни одной чертовой вещи в мире, которая могла бы оторвать меня из нее. Ощущение ее тела. Я никогда не испытывал ничего подобного, и это то, от чего я не готов отказаться в ближайшее время.

Когда я впервые увидел ее, я понял, что она стоит того, чтобы приложить усилия, и она это оправдывает. Блядь. У меня в штанах становится тесно от одной мысли о том, что она так дерзко себя ведет. Последнее, что мне нужно, когда я имею дело с Мэнди и ее сумасшествием, — это чертовски крепкий стояк. Она воспримет это дерьмо как поощрение.

Выходить из дома и знать, что Мелисса сейчас лежит в моей постели обнаженная и весьма удовлетворённая, очень тяжело. Я должен был бы беспокоиться о том, что между нами такая сильная связь, но это то, что я искал, то, чего я хочу.

Единственная проблема — потенциальный «только секс», который она озвучила прошлой ночью. Когда она рассказала мне о своей сестре, мое сердце остановилось. Прямо там, в груди, просто резко остановилось. Могу ли я быть уверен? Нет. Я чертовски уверен, что ее сестрой была София Вагнер? Да. При первой же возможности я обрушу на Деррика огненный шторм. Сын? Он ни разу не упомянул, что у нее был ребенок, который пережил это дерьмо. Черт возьми, он вообще не говорил мне, что у него есть ребенок! Конечно, я мог бы винить себя за то, что не проверил это, но это то, за что я плачу Деррику. Саймон узнал бы в течение секунды, если бы я снова наблюдал за ним. Скользкий ублюдок.

Я был настолько поглощен поиском мести за Грейс, что позволил ей ослепить меня. Аксель с самого первого дня говорил мне, чтобы я позволил одному из других парней взять на себя ответственность и быть моими глазами, но для меня это слишком важно. И в итоге мне нечего показать. Грейс умерла, сестра Мелиссы умерла, и этот ублюдок легко отделался.

Теперь я должен понять, смогу ли я сказать Мелиссе, что человек, забравший ее сестру, мать ее племянника, — это тот, кого я пытался остановить, но безуспешно.

Я ударяю кулаком по рулю и завожу машину. Не прошло и нескольких минут, как я подъехал к воротам и увидел встревоженного Стэна.

— Эй, чувак, где она?

— О, привет, мистер Кейдж. — Он расхаживает взад-вперед по своему маленькому офису, явно потрясенный сумасшедшей сучкой, которая стала моей тенью. Дайте девушке хороший член, и она вдруг подумает, что у вас есть ответы на вопросы о мире во всем мире. — Она — она там, мистер Кейдж. Простите, что я звонил так много раз, но она не уходила, и когда она начала пытаться перелезть через ворота, я не знал, что делать.

— Ты поступил правильно, Стэн. Не волнуйся за нее. Я сейчас же все улажу, хорошо? — Бедный старик, думающий, что у него есть легкая работа, чтобы занять себя между играми в гольф.

Подойдя к воротам, я вижу, что она стоит у своей машины, скрестив руки на груди с высоко поднятым подбородком. Что. Это. Блядь?

— Аманда. — Она даже не вздрагивает от моего язвительного тона. Ни брови, ни изгиб губ, ничего. Ни единой реакции на то, что я не хочу ее видеть здесь. — Что ты здесь

делаешь?

Она направляется ко мне, отталкиваясь от своего безупречного BMW, который, я уверен, купил ей папаша, и вышагивает, как опытная шлюха, которой она и является.

— Грег, малыш... Я знала, что ты будешь рад меня видеть! Я хотела сделать тебе сюрприз и принести завтрак в постель, но этот человек не впустил меня. Я сказала ему, что ты не будешь возражать, детка.

Я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь найти скрытые камеры, которые должны быть где-то здесь. Не может быть, чтобы эта сучка была в себе.

— О чем, черт возьми, ты говоришь, Мэнди? Никогда. Я бы никогда не дал тебе доступ в мой дом. Ты знаешь, где, черт возьми, меня найти только потому, что я был достаточно глуп, что привел тебя сюда; это была моя ошибка. Иди домой, Мэнди. Иди и забудь, что ты меня знаешь. — Развернуться и уйти от ворот должно было быть легко, но, когда я слышу крик банши, я не мог не обернуться.

Сказать, что я был потрясен, увидев, как она пытается взобраться на ворота — ничего не сказать. Но вот она — длинные ноги, кроткая юбка и светлые волосы, пытается перелезть через гребаные ворота. Сумеречная зона, это единственное объяснение, которое я могу назвать.

Покачивая головой над абсурдом, который представляет собой Аманда Уайт, я поворачиваюсь и пытаюсь вернуться к Стэну, но не успеваю я сделать и шага, как она начинает кричать. Не обычные крики сумасшедшей девчонки, а такое дерьмо, как будто оно прямо из фильма "Экзорцист". Я проверяю Стэна, а затем отхожу назад, чтобы разобраться с этой чокнутой, изображающей обезьяну на наркотиках. Бедняга выглядит напуганным.

— Мистер Кейдж? Вам... мне позвонить кому-нибудь? — Он возвращается в безопасность своего маленького кабинета, но держит телефон за дверью. — Просто дайте знать, мистер Кейдж. — И с этими словами он закрывает дверь.

Гребаная дура. Все, чего я хочу, это вернуться к Мелиссе, но это дерьмо должно прекратиться.

Когда она видит, что я начинаю возвращаться, она тут же затихает и начинает спускаться обратно. Ее рубашка наполовину расстегнута, на ней нет туфель и, я почти уверен, что здравомыслие отсутствует.

— Во что, черт возьми, по-твоему, ты сейчас играешь, Мэнди? — Я рычу. Мой голос звучит примерно так же смертоносно, как я слышал его раньше, и это первый раз, когда я обращаюсь таким тоном к женщине. — Между нами ничего нет, и ты это знаешь.

— Но... малыш, — хнычет она, — я видела тебя прошлой ночью. Во время церемонии ты продолжал смотреть прямо на меня. Как будто ты не мог дождаться, когда это будем мы. Я знаю, что сейчас ты просто играешь в недотрогу. Все в порядке, детка. Я знаю, чего ты хочешь на самом деле.

Как, черт возьми, я мог так сильно ошибиться в человеке. По шкале от одного до десяти, эта сучка — пятьдесят, и это еще очень щедро, она не в себе, ей нужен белый халат и ежедневные таблетки, мать ее.

— Открывай, Стэн, — кричу я через плечо. Когда ворота открываются настолько, что я могу проскочить, я приближаюсь к ней. Мое лицо ни хрена не располагает к контакту, но это ее не останавливает, нет, черт возьми, не останавливает. Видимо, то, что я переступил через эти ворота, стало моей первой ошибкой. Думать, что у нее осталось хоть немного рассудка, — вторая. Она визжит, как чертов тюлень, и бросается на меня.

— О, детка! Я так и знала! — Я чувствую, как ее нелепо длинные ногти впиваются в мою шею, когда она обрушивает свой рот на мое лицо. Я изо всех сил пытаюсь побороть желание оттолкнуть ее и терплю неудачу, что только разжигает мою ярость.

— Слезь с меня, сейчас же. — Она обхватывает ногами мои бедра и даже не ослабляет хватку на моей шее.

— Почему, детка? Разве ты не хочешь отвести меня к себе прямо сейчас? Мы можем отпраздновать!

— Отвали. От меня. Сейчас же.

— Ладно, глупыш! Я понимаю; ты не хочешь, чтобы кто-нибудь смотрел. Я знаю, как ты, должно быть, хочешь мое тело только для своих глаз.

Какого хрена!

— Женщина, ты, блядь, сошла с ума. Давай я тебе быстро объясню, потому что прямо сейчас у меня есть дела поважнее. Я буду настолько ясен, насколько это, блядь, возможно, чтобы в твоей голове не было места для того, чтобы превратить это дерьмо во что-то, чем оно не является. То, чего, черт возьми, никогда не будет. Во-первых, я точно не смотрел на тебя вчера. На кого я смотрел — не твое собачье дело, но уверяю тебя, она знает, что мой взгляд не мог оторваться именно от нее. Во-вторых, это не трудно получить. Это я пытаюсь сейчас убраться подальше. И последнее, я не хочу, чтобы ты приближалась к моей постели. Я не хочу, чтобы ты была у меня дома и согревала простыни, пока я не вернусь. То, чего я хочу, очень далеко от всего этого дерьма. Послушай, Мэнди, ты была удобна. Мне нужно было то, что ты предлагала, и я никогда не давал тебе обещаний. Не. Блядь. Давал.

Мудрый человек предвидел бы удар когтями в лицо, но я слишком занят мыслями о том, как заставить ее уйти и вернуться в свой дом, что ее пощечина — последнее, что я вижу. Ее фальшивая игра срывается, и я клянусь, что дьявол смотрит на меня. Я поднимаю руку и вытираю кровь, которая, как я чувствую, стекает по моей щеке. Будет забавно объяснить это Мелиссе.

— То, что у нас было, было реальным, и ты это чувствовал! Я никому не позволю встать на пути к тому, чего я хочу. Как насчет того, чтобы ты это услышал, Грег!

— Мы вообще сейчас на одной гребаной планете? Ты мне на хрен не нужна, Мэнди! Никогда не обещал большего, и ты, блядь, это знаешь. — Она даже не вздрагивает, когда я вхожу в ее личное пространство. У нее нет страха, или, может быть, у нее есть желание умереть. — Если ты даже подумаешь о том, чтобы приблизиться к моей девушке, я превращу твою жизнь в ад. — И с этими словами я поворачиваюсь и иду обратно через ворота. Хотя мне следовало прикрывать спину, потому что получить каблуком между лопаток — это вам не пикник.

— Ты еще пожалеешь об этом, Грег!

Я жду, пока закроются ворота, прежде чем подойти к Стэну.

— Извини за это. Позвони, если увидишь ее снова, хорошо?

— Да, о... да, мистер Кейдж. — Он так быстро кивает своей старой обветренной головой, что я слегка опасаюсь, как бы он не поранился.

— Хорошего дня, Стэн. Извини за это небольшое недоразумение.

Я проделываю долгий обратный путь, выбирая несколько дополнительных дорог, в попытке успокоиться. Я действительно надеялся насладиться днем с Мелиссой, узнать ее получше, без этих концертов. К сожалению, мне придется вернуться и объяснить, почему у меня на лице следы от когтей, и я воняю, как дешевая шлюха.

Охуенно.

Мелисса

Я слышу, как хлопнула входная дверь, но не шевелю ни единым мускулом после теплой ванны. Прошло много лет с тех пор, как я наслаждалась такой роскошью. Я так привыкла к своей ржавой, заляпанной душевой кабинке, что, возможно, никогда не выйду из этой комнаты.

— Красотка?

— Здесь! — Я отвечаю с легкой улыбкой на губах. Кто бы мог подумать, что это прозвище приживется ко мне.

— Черт возьми... — бормочет он за моим плечом. Я нацепляю самую оболъстительную улыбку, какая только есть в моем арсенале, и поворачиваю голову. Улыбка и приглашение присоединиться замирают на моих губах.

— Что, черт возьми, с тобой случилось? — Он не только выглядит так, как будто только что дрался с медведем и проиграл, но и беззаботное настроение, с которым мы оба проснулись, давно прошло. — Ты в порядке?

— Сейчас да, — тихо отвечает он. Я в ошеломленном молчании наблюдаю, как он начинает снимать с себя одежду. Когда он подходит и встает рядом с ванной, я облизываю губы.

— Я вижу. Почему бы нам не поговорить о том, что с твоим лицом и почему на тебе красная помада? — Мне следовало бы разозлиться, но любопытство, похоже, побеждает в этом эмоциональном раунде.

— Блядь! — шипит он. — Детка,пусти меня, чтобы я мог почувствовать тебя рядом.

Ладно, с этим не поспоришь, но сначала я хочу получить ответы.

— Я так не думаю, жеребец. Говори.

— Черт, ты можешь надрать мне яйца позже, но позволь почувствовать тебя рядом, детка. Мне это нужно, чтобы успокоиться. — Он перелезает через край и устраивается поудобнее, прежде чем притянуть меня спиной к себе спереди и потереть руками каждый сантиметр моей кожи, до которого может дотянуться.

— Мне неприятно указывать на очевидное, большой мальчик, но, похоже, это не работает, — говорю я ему, чувствуя, как его твердый член упирается мне в спину.

— Ммм, нет, не работает. — Соглашается он, целуя меня в шею. — Я бы предпочел не заводить этот разговор, но поскольку сегодня утром он буквально постучался в ворота, у нас нет выбора. Пойми, я не буду скрывать от тебя ничего, и этот момент ничем не отличается, но я не хотел бы начинать с чего-то неприятного.

— А что именно мы начинаем? — спрашиваю я.

— Не играй сейчас в игры, Мелисса. Детка, ты знаешь так же хорошо, как и я, что у нас с тобой что-то происходит. Это не какой-то дешевый кайф. Ты чувствуешь это, но, если тебе нужно, чтобы я напомнил, просто дай знать.

— Да, может быть, когда ты закончишь рассказывать о сегодняшней поездке.

— Точно. Блондинка из клуба и церкви вчера? Видимо, когда я сказал ей, что единственное, чем она для меня была, это номер в моем телефоне, я не был достаточно ясен. Она явилась сегодня утром и чуть не довела утреннего охранника до инфаркта своим дерьмом. Я снова напомнил ей, что мы с ней никогда ничем не были и никогда не будем.

— Я предполагаю, что когти не были частью твоей конечной игры? — Я поворачиваюсь и опускаюсь перед ним на колени. Держа его одной рукой за подбородок, я поворачиваю его

голову, чтобы лучше рассмотреть красные рубцы на его коже. — Тебе нужна прививка от бешенства?

Я так занята, рассматривая отметины и пытаюсь решить, нужны ли ему антибиотики или что-нибудь покрепче, что грубый, глубокий смех, срывающийся с его губ, застаёт меня врасплох. Я слегка подпрыгиваю, поправляя себя, прежде чем мои колени могут нанести серьёзный ущерб его мужскому достоинству.

— Нет, детка. Никаких уколов. Хотя, если ты хочешь поиграть в медсестру, я не против.

— Заткнись, — смеюсь я. — Серьезно, тебе нужно, чтобы я ее поставила на место?

— Господи, ты сейчас серьезно, не так ли? — Он быстро приходит в себя, когда понимает, что я, на самом деле, пойду и предложу пару хороших ударов по заднице. — Детка, я справлюсь. Если увидишь ее, даже не подходи близко. Если меня не будет рядом — позвони. Я бы сказал, что не думаю, что она будет проблемой, но после ее маленькой выходки сегодня утром не совсем уверен, что она будет делать дальше. Я могу обещать тебе, что на этот раз она ни за что не поймет меня неправильно.

— Будем надеяться, что это так. Я не делюсь. Так и не научилась.

— Никогда не делилась? Господи, ты убиваешь меня. А теперь иди сюда, поцелуй меня и сделай так, чтобы все стало лучше.

Он обнимает меня за талию и притягивает ближе. Наши губы соприкасаются, и я немедленно отвечаю этому мужчине. К тому времени, когда я заканчиваю "делать это лучше", воды на полу оказывается больше, чем в ванне. Но я вылезая из ванны с чувством глубокого удовлетворения от того, что какая-то психованная бывшая не испортила мне утро.

Глава 13

Мелисса

Верный своему слову, мы проводим весь день воскресенья, уткнувшись друг в друга. Те разы, когда нам удается выйти на воздух, чтобы подкрепиться, заканчиваются еще более невероятным сексом в случайных местах по всему дому. Я не хочу, чтобы этот день заканчивался, но утро понедельника наступает быстрее, чем мне хотелось бы, и я знаю, что мне пора домой.

— Остайся, — бормочет он мне в шею, когда я пытаюсь встать с кровати. У меня болят места, которые никогда не болели. Это самое лучшее чувство.

— Не могу. Я должна быть дома в 7:00. — Я безуспешно пытаюсь покинуть его теплый кокон секса.

— Езжай утром, — отвечает он, скользя рукой вниз по моему телу и по моим влажным губам. — Остайся.

— Грег, правда. Я не могу остаться, мне нужно вставать, а, чтобы встать, мне вообще-то нужно выспаться.

Его пальцы прекращают свое движение, и через несколько секунд я лежу на спине, а его твердое тело накрывает мое.

— Придешь завтра? — Его голубые глаза ищут мои, и в них не отражается ничего, кроме невысказанного обещания. — Давай, Красавица. — Его бедра начинают тереться о мои. С каждым толчком вперед металл его члена ударяется о мой клитор и посылает разряды по моему телу, электризуя кожу и сжигая кровь. — Если ты не хочешь остаться, по крайней мере, попрощайся как следует.

Этот человек... как здорово, что я сбила его на несколько ступеней по шкале эго. Наблюдать за тем, как блестят его глаза, когда я с силой отталкиваю его от себя, а потом

прыгаю сверху, — бесценно.

— Что ты имел в виду? — спрашиваю я, потирая набухший член о твердое тело. — Ты хотел поцелуй на ночь?

— Да, Красавица, поцелуй меня на ночь, и я, возможно, позволю тебе уйти.

Со смехом, слишком громким даже для моих ушей, я скольжу руками по его животу и тяну его руки над головой.

— Не двигайся.

Наклоняясь, я провожу руками по его твердой груди, оставляя красные линии там, где мои ногти проходят по его разгоряченной коже. Недостаточно сильно, чтобы причинить боль, но достаточно, чтобы он почувствовал жжение.

— Готов к поцелую? — Он близок к срыву, и мне это чертовски нравится. Не предупреждая его о своих намерениях, я сползаю с его тела. Он приподнимает одну темную бровь, когда я опускаюсь на колени рядом с его плечом. — Поцелуй, малыш, — говорю я немного повернувшись, подношу свою киску к его губам, и мой рот плотно обхватывает его пульсирующий член. Я слегка наклоняюсь, когда чувствую, как его большие руки хватают меня за бедра и притягивают ближе к его рту, его пальцы впиваются в мою кожу, чтобы не потерять хватку.

— Ты не следуешь правилам. — Шучу я.

Он резко прикусывает мою киску, приоткрывает рот ровно настолько, чтобы заговорить, и ворчит:

— К черту правила. Черт возьми, ты такая чертовски вкусная.

Когда он возвращает губы обратно и сжимает их, я стону, как шлюха, и снова опускаю губы к его члену. Кольца на секунду выбивают меня из колеи, пока я не узнаю, как ими играть, и, что более важно, как ему нравится, когда я ими играю. Когда я провожу по кольцу кончиком языка, он стонет. Когда я обхватываю губами оба пирсинга и провожу по ним языком, все его тело подрагивает, и он с рыком прижимается к моему клитору. Он почти слетает с кровати, когда я глубоко вбираю его в горло и заглатываю головку.

— Черт! — рычит он мне в кожу, поворачивая голову и прикусывая мое бедро. Единственное, что он делает, — это разжигает мое желание. Я беру его так глубоко, как только могу, а затем медленно поднимаю свой рот обратно. — Мелиии..., — он замолкает, и через несколько секунд, почувствовав, как его пресс сжимается под моими сиськами, он снова приближает свой рот к моему влажному центру и впивается в него.

Мы продолжаем дуэль друг с другом добрых десять минут, молча провоцируя другого кончить первым, но, когда он берет одну из рук, крепко сжимающих меня, и слегка проводит пальцем по моей заднице, я знаю, что долго не продержусь. Он проводит пальцем везде, пока не погружает его глубоко. Всего несколькими глубокими толчками, и, я кончаю на его язык. Я высвобождаю свой рот и громко кричу.

— Ты... Боже... черт, — он слегка смеется над моей пульсирующей сердцевиной, и прежде, чем я успеваю снова прижаться ртом к его набухшей длине, он за считанные секунды поднимает меня в воздух и укладывает на спину.

— Нельзя медлить, детка, ты слишком сильно меня напрягаешь.

— Презерватив, Грег.

— Черт, я хочу почувствовать тебя. — Я знаю, что он имеет в виду; я бы с удовольствием почувствовала его обнаженным.

— Сначала убедись, что стержневая Барби не передала тебе какую-нибудь венерический

подарок, тогда попробуем, но не раньше, чем тебя проверят. Запомни это, Грег.

Он ворчит, направляясь к ящику, который в какой-то момент упал на пол в течение дня, разбрасывая презервативы по всей комнате, поднимает один и в мгновение ока жестко толкается обратно в меня.

«Безумные» было бы хорошим словом, чтобы описать нас вместе. Наша кожа, блестит от пота, мы врезаемся друг в друга. Ногти впиваются в кожу, а пальцы скользят по разным местам. Губы сталкиваются, и стоны танцуют вместе. Это волшебно.

* * *

— Уверена, что тебе нужно идти? — спрашивает он меня, лежа голым на кровати. Я смотрю на его обнаженное тело, желая не уходить, но понимая, что это необходимо. Я чувствую связь, но понимаю, что мы движемся слишком быстро. Небольшая дистанция пойдет на пользу. Кто знает, может быть, мы проснемся утром и подумаем, что же, черт возьми, на нас нашло. Сомнительно, но это может случиться.

— Да. Мне нужно уладить кое-какие дела сегодня вечером, а завтра встретиться с Коэном.

— Племянник, точно.

— Боже мой! Ты ревнуешь меня к ребенку? Это хорошо. — Я раздражаюсь смехом, когда он отводит взгляд, явно смущенный своей ревностью.

— Приходи во вторник. Мы можем поужинать или что-нибудь в этом роде, — бросает он мне в ответ после нескольких минут молчания.

— Может быть, — я улыбаюсь ему и застегиваю молнию на спине своего платья. Нет ничего лучше, чем переодеться в одежду предыдущих дней. — Я позвоню.

— Мелисса, детка... это звучит как отмазка. — Он проводит рукой по волосам и смотрит мне в глаза. — Не разыгрывай это дерьмо, ты чувствуешь связь, которая у нас есть, и она никуда не денется. — К черту. — Он отталкивается от кровати и подходит ко мне. Трудно вспомнить причины, по которым я хотела, чтобы это был просто секс. Просто потрясающий, умопомрачительный секс, когда он стоит передо мной совершенно голый. — Я не позволю тебе продолжать убегать, когда это кажется таким правильным. — Его голос звучит сильно и твердо.

— С тобой невозможно вести серьезный разговор, когда твой член болтается во все стороны. Может, наденешь штаны? — Он просто продолжает прожигать взглядом мое лицо, отказываясь позволить моей жалкой попытке сменить тему сработать. — Ты пугаешь меня, — шепчу я.

Его глаза теряют свой жесткий, требовательный взгляд, и он сразу смягчается.

— Красавица, — бормочет он в ответ, — просто попробуй. Нельзя получить такую связь, как у нас, и просто отбросить ее. Просто попробуй.

В такие моменты, когда мне хочется быть кем угодно, только не сильной, я клянусь, что слышу, как сестра говорит со мной. Кричит, чтобы я жила. Кричит, чтобы я перестала позволять ее жизни и ее ошибкам прокладывать путь к моему счастью. Чтобы я сама владела своей жизнью и не позволяла владеть собой

— Да... Я могу попробовать.

— Во вторник? — Он снова спрашивает.

— Вторник. — повторяю я.

* * *

Я подъезжаю к своему жилому комплексу на машине, вглядываясь в пышное "гетто"

своей жизни. Я ненавижу жить здесь. После последнего дня, проведенного в мире Грега, это последнее место, где я хотела бы оказаться. Я уверена, что на углу моего дома спит бездомный, а в квартире напротив находится огромный склад наркотиков.

Глубоко вздохнув, я выхожу из машины и направляюсь к своей квартире. Проходя мимо пьяного мужчины без сознания в кустах и соседской двери, от которой воняет, как от фабрики по производству марихуаны, я проклиная свое материальное положение, захлопывая дверь и запирая все семь замков. Я не параноик, просто предусмотрительная.

Неудивительно, что индикатор сообщений мигает; я в шоке от того, что мой домашний телефон звонил постоянно все выходные. В субботу я слишком поздно поняла, что оставила сотовый дома. С такой матерью, как у меня, это не то, что ты стоит делать. Потеряв Фиа, она, как правило, сходит с ума, когда долго не может дозвониться до меня.

Я бросаю ключи и сумочку на стойку, прежде чем нажать кнопку воспроизведения и настроиться на хорошее времяпрепровождение.

— Мели-Кейт, где ты, детка? Коэн скучает по тебе. Позвони, дорогая.

Голос моей матери эхом разносится по комнате, заставляя чувствовать себя немного виноватой за то, что меня не было дома, когда она позвонила.

— Мели-Кейт, где ты? Позвони мне. — Не прошло и часа.

— Мели, детка? Пожалуйста, позвони мне... Ты же знаешь, я буду волноваться. — По крайней мере, она дождалась до субботнего вечера.

Еще пять сообщений и растущее беспокойство, сквозящее в ее тоне, заставляют меня тянуться к телефону, пока не воспроизводится последнее. Ее слова сразу же останавливают меня.

— Мелисса. Детка, они снова за свое. Я не знаю, где ты, но они прислали еще одно письмо. — Щелчок. Ей не нужно говорить больше, потому что я точно знаю, о ком она говорит, и точно знаю, кого они хотят.

— Черт возьми, — шиплю я, быстро хватаю телефон и звоню маме.

— Детка, где ты была? — быстро говорит она. Даже полного гудка не последовало, а телефон уже у нее в руках.

— Господи, мам, я же говорила, что буду на свадьбе подруги и меня не будет на этих выходных.

— Я знаю, знаю. Мне жаль, но ты должна держать мобильный при себе. — Она делает глубокий вдох и, кажется, задерживает его на несколько минут, прежде чем резко выдохнуть. — Они снова за свое, Мели.

— Что было сказано в письме на этот раз? — спрашиваю я.

— Сьюзен утверждает, что с учетом моего преклонного возраста и того, что ты работаешь слишком много часов, чтобы ухаживать за Коэном, она должна получить единоличную опеку. Она утверждает, что завещание Софии было неправильным и что Саймон никогда бы не согласился на это несмотря на то, что на договоре стоит его подпись.

— Как она может утверждать, что этот сукин сын не согласился с этим, когда Фиа оформила все необходимые документы? Она не была глупой, мам. Она знала, что произойдет, если Сьюзен доберется до него.

— Я знаю. Ее так просто не остановишь, Мелисса. Она хочет его. Я не знаю, почему она так решительно настроена, хотя, насколько я могу судить, ее совершенно не волновал собственный сын. Вероятно, поэтому он и стал сумасшедшим и одержимым. — Я слышу, как она начинает терять терпение.

— Она его не получит. — Я обещаю. Ни за что на свете, я бы схватила его и сбежала в Мексику быстрее, чем она успеет моргнуть.

— Придешь завтра? Мне нужно тебя увидеть, ему нужно тебя увидеть. Я бы чувствовала себя лучше, если бы мой ребенок был дома со мной. — Я смеюсь, но в этом нет ничего смешного.

— Хорошо. Я скажу доктору Шеннон, что не могу задерживаться допоздна, и приду на ужин.

— Люблю тебя до безумия, Мели-Кейт.

— Я тоже тебя люблю, мам.

Этой ночью кошмары о жизни Фиа, ее безумной свекрови и тенях, крадущих моего племянника, преследуют меня до тех пор, пока рассвет не проникает сквозь шторы. Мои блаженные выходные и мужчина, который так быстро занял место в моем сердце, давно забыты.

Глава 14

Грег

В течение последних двух лет я наблюдал, как один из самых важных людей в моей жизни нашел себя, а затем нашел любовь. После этого я начал сомневаться во всем, что, как мне казалось, меня устраивало в жизни. Отношения никогда не были тем, чего я хотел; я был счастлив проводить время с такими сучками, как Мэнди.

Ну, возможно, это не совсем так. Я определенно ошибся в ней, очень сильно. Наблюдая за тем, как Иззи и Аксель снова находят друг друга и преодолевают столько дерьма, чтобы быть вместе, я жажду того, что у них есть. Я хочу, чтобы кто-то поддерживал меня, чтобы было к кому возвращаться домой и с кем заводить детей. Я готов, и впервые в жизни у меня есть женщина, ради которой, как мне кажется, стоит пойти на такие перемены.

Я не буду заходить так далеко, чтобы сказать, что это любовь с первого взгляда, но, черт возьми, с первого взгляда явно что-то было. У меня не настолько избирательный вкус, поэтому не могу полагаться только на него.

В первый раз, когда она открыла рот и начала демонстрировать свое отношение, я понял, что она того стоит. С ней будет нелегко. Я знаю, что она не решается что-то начинать, и готов поспорить, что это не из-за того, что кто-то ее обидел. Когда она рассказала мне о своей сестре, и я понял, с кем она связана, я знал... знал, что все проблемы, которые у нее есть, из-за этого ублюдка.

Саймон-гребаный-Вагнер.

Причина, по которой Грейс больше нет рядом со мной, та же самая гребаная причина, по которой у нее нет сестры. Я достаточно опытный мужчина, чтобы признать, что меня беспокоит то, что произойдет, когда она узнает об этой связи.

* * *

Утро понедельника наступает слишком быстро. Я провел ночь, обнимая подушку, которая все еще пахнет моей Красоткой, как маленькая сучка. Каждый раз, когда аромат ванили проникает в мой организм, это как сигнал для моего члена приветствовать небеса. Каждый сон — о ней. Как ее голубые глаза искрятся огнем и вожделением. Как они расширяются и теряются, когда она кончает. И как, забыв о страхе, она смотрит на меня, словно зная, что я знаю ответы на все вопросы.

Да, я официально на крючке.

Явным признаком того, что я отвлекся, является отсутствие Свэя, когда я подъезжаю к

Службе Безопасности корпуса. Я представляю себе Мелиссу, склонившуюся над моей кухонной стойкой, но когда я поднимаю глаза и вижу Свэя, машущего мне рукой, как идиот, возбуждение, которое я испытывал все утро, быстро умирает.

Какого черта?

За несколько лет, что я знаю этого человека, я понял, что он непредсказуем. Но то, что предстало передо мной сегодня утром, не похоже ни на что из того, что он делал раньше. Вот он стоит на тротуаре в тех камуфляжных обтягивающих штанах, которые носят девчонки. Те самые, которые заставляют мужчину падать в ноги, чтобы следовать за ее задницей по всему миру, но на этом мужчине они могут оставить шрам на всю жизнь. Если этого недостаточно, то сверкающая бордовая рубашка, обтягивающая его круглый живот, может вызвать добрый смех. И тут я замечаю, что он делает.

— Свэй? Зачем ты красишь тротуар? — Я спрашиваю, глядя в ведро с золотой блестящей краской. — Это что, гребаные блески?

— Не показывай свою альфа-страсть, Грегори. Конечно же, это блески! Нельзя покрасить тротуар в золотой без блесков! — Он серьезен, мотает головой влево и вправо и размахивает руками повсюду.

— Это по-настоящему? Ты, блядь, красишь тротуар в золото? Аксель знает об этом дерьме?

— Конечно, знает, мой король сексуальности. Не будь такой упрямой задницей. Вообще-то, нет, дорогой, — будь тугой задницей... просто дай мне это увидеть. — Он начинает хохотать, как сумасшедший, и все, что я могу сделать, это оглянуться и заметить взрыв гребаного блеска.

— Свэй, дружище, ты бы не знал, что со мной делать. — Он мгновенно стихает, и я пинаю себя за то, что поощряю его. — Забудь, что я сказал. Скажи, почему ты чувствуешь необходимость разбрасывать блески по всему этому чертову месту?

— Потому что, мой прекрасный мальчик, блески делают всех счастливыми! — Когда он начинает танцевать вокруг своего ведра с краской, мне приходится уйти. Есть только небольшая доза терпения, с которым я могу справиться, когда он так себя ведет. Я мог бы пошутить, но этот человек — самый смешной маленький засранец, которого я когда-либо встречал.

— Точно. Знаешь, кто любит блеск? — спрашиваю я, замечая подъезжающий джип Купа. — Куп любит. Почему бы тебе не пойти и не пожелать ему доброго утра, которое сделает его день лучше, Свэй? Я даже подержу твою щетку.

— Ооо! Да, прямо сейчас, сэр Секс-е-лот! — Он наклоняется, хватая пригоршню блесков и бежит через стоянку так быстро, как только позволяют его каблуки. Я вижу, как глаза Купа расширяются, когда он видит человека, несущегося на него на полной скорости.

В этот момент я не смог бы перестать смеяться, даже если бы попытался. Как только Куп выходит из джипа, Свэй бросает блески в воздух и кричит «Доброе утро». Когда он прыгает в объятия Купа, я боюсь, что могу что-нибудь повредить, смеясь изо всех сил.

— Доброе утро, придурок! — кричу Купу и захожу во внутрь.

— Что, черт возьми, там происходит? — спрашивает Бек, подходя к переднему окну. Когда он видит, что Куп пытается освободиться от Свэя, он откидывает голову назад, и его смех гремит по комнате, заставляя Эмми подпрыгнуть за стойкой регистрации.

— Вы такие незрелые. — Слышу я, как она что-то бормочет себе под нос.

— Не унывай, Эм. Еще только понедельник... слишком рано для этого.

Когда я вижу ее взгляд, который явно кричит: «Не связывайся со мной», я быстро направляюсь в свой офис и мысленно отмечаю, чтобы выяснить, что у нее на уме.

Первое, с чем мне нужно разобраться, — это позвонить ублюдку Деррику. Обогнув свой стол, я опускаюсь на него и слушаю, как протестуют ножки моего стула, прежде чем поднять трубку и набрать номер, который я никогда не забуду. В конце концов, когда ты звонишь ему ежедневно в течение почти двух лет, тебе нелегко забыть это дерьмо.

— Джонсон, — говорит он нетерпеливым тоном.

— Деррик. — Мой тон убийственен. Этот придурок знает, что я не тот человек, которому можно перечить.

— К-Кейдж, — бормочет он, прочищает горло и пытается снова, — Кейдж, чем могу помочь?

— Первое, что ты можешь сделать, это сказать, не забыл ли ты упомянуть, что у Саймана и Софии Вагнер есть сын, сын, который жив?

— Дерьмо, — шипит он, паника берет верх над его беззаботным фальшивым дерьмом.

— И под "дерьмом" я надеюсь, что это означает, что ты, должно быть, потерял свой гребаный мозг и здравый смысл? Тебе не кажется, что это должен знать человек, который подписывает твои чертовы чеки на расследование этого ублюдка? — Мой повышенный голос, видимо, насторожил Акселя, что дело идет к развязке. Не успел я договорить, как он вошел, закрыл дверь и сел напротив меня.

— Послушай, Кейдж. Чувак, я не думал, что это так важно. С ребенком все было в порядке. Его родители отстой, но он перешел к матери девушки. Все было хорошо.

Рычание, вырывающееся из моего горла, достаточно дикое, чтобы напугать любого ублюдка.

— У этого ребенка есть имя, придурок. Лучше бы ты, блядь, прислал мне все материалы дела. Сегодня же. Мне плевать, если тебе придется арендовать чертов велосипед и тащиться сюда. Один час. Мне нужно все, чем ты, блядь, не поделился со мной год назад! — Бросив трубку, я должен был бы получить некоторое удовлетворение, но ярость, кипящая во мне, продолжает накаляться.

— Хочешь поговорить об этом? — спрашивает Аксель.

— Ты не хочешь сказать, какого черта ты здесь, когда должен быть дома со своей женой? — Смена темы кажется разумной, учитывая количество гнева, с которым я имею дело.

— Попробуй остаться дома, когда на тебя нападают каждые две секунды! Эта женщина ненасытна. Никогда не думал, что мне понадобится перерыв, но мой член устал, чувак.

— Господи, придурок. Ты можешь не говорить со мной об этом?

— Ты спросил. — Он рассмеялся.

— Я спросил другое. Я спросил, почему ты здесь, а не почему твой член не работает.

— Ладно, хватит о моей жене. Не хочешь рассказать, что это значило? — Весь юмор покидает его лицо. Я могу сказать, что он волнуется.

— Ты знаешь подругу Иззи, медсестру у врача Нейта?

— Да, а что с ней? — Он задает вопросы, глядя на меня так, как будто я сделал что-то не так. — Господи, скажи мне, что ты не сделал ее своей новой игрушкой.

— Не смей, блядь, называть ее игрушкой, — рычу я на него. Его глаза сузились от моего тона, и я бы рассмеялся, если бы все еще не был разгорячен комментарием об игрушке.

— Ладно. Ты хочешь объяснить это дерьмо? Я никогда не видел, чтобы ты в двух

секундах от того, чтобы помочиться повсюду, чтобы пометить свою территорию. — Он издает смешок и поднимает руки вверх.

Конечно, из нас пятерых он единственный, у кого есть опыт, чтобы сказать мне, что я должен делать, но то, что он знает, какая я сучка из-за одной девчонки, которую я только что встретил, — это совсем другое дело.

— Пока нечего рассказывать.

— И «ничего» означает, что ты забрал ее домой после свадьбы. Дай угадаю. Провели выходные вместе. Решил, что ты хочешь убежать в гребаный закат и завести маленьких собачек, которые тявкают на почтальона. Может быть, если вам повезет, вы найдете лигу боулинга, которая собирается каждую пятницу. Какого хрена, чувак, эта хрень на тебя не похожа.

— Пошел ты, мудака! — Я бросаю нераспечатанную пачку компьютерной бумаги и смеюсь, когда она ударяет его по голове. — Ты это заслужил.

— Какого хрена вообще? Иззи надерет тебе задницу за то, что ты портишь мое совершенство. — Он бросает упаковку обратно на стол и бросает на меня один из своих молчаливых взглядов, говорящих: «Тебе лучше начать говорить». Боже. Он собирается стать доктором Филом.

— Что происходит, Джи? Ты был рядом, но молчал с тех пор, как родился Нейт. Я знаю, что что-то случилось с тем ублюдком, за которым была замужем твоя сестра, но ты никогда не хотел говорить. Так что... начни говорить.

— Ты хочешь, чтобы я вытянул свою гребаную вагину для этого выступления? — Из меня сочится сарказм. Мне нужно разобраться с этим, но, черт возьми, это неловко. Не многие люди знают подробности о Грейс. Ну, «после» Грейс. Аксель снова и снова говорил мне забыть об этом, жить той жизнью, которую Грейс хотела бы для меня... но я не могу. Мне нужно, чтобы Сайман предстал перед судом. Он не понес по заслугам, которые я хотел, но я нуждаюсь в том, чтобы он гнил в аду.

— Не нужно быть мудаком, Грег. Просто хочу знать, чем я могу помочь. — Он откидывается на спинку стула, и я могу сказать, что он говорит серьезно. Аксель получил бы взбучку от Иззи за то, что не помог мне, но, что более важно, он член семьи. А семья всегда помогает друг другу.

Сделав глубокий вдох, я выложил всю историю.

— Ее сестра была замужем за Сайманом. Я не знал наверняка до сегодняшнего утра, но после звонка Деррику я уверен в этом. Хуже всего то, что я не знаю, как она отнесется к этому, когда я скажу ей, что мог бы остановить его, но не сделал этого. — Я опускаю голову на руки и тяжело вздыхаю: — Я мог бы остановить его, и она не потеряла бы свою сестру. Это слишком тяжело, Акс.

После долгого молчания он говорит, и по его тону я могу сказать, что то, что я только что сказал то, что шокировало его.

— Я даже не знаю, что является самой хреновой частью всего этого. Тот факт, что между вами двумя существует эта запутанная связь, или что ты на самом деле винишь себя в том дерьме, которое произошло. Ты знаешь так же хорошо, как и я, что ты ничего не мог сделать этому ублюдку. У тебя не было никаких доказательств, Грег. Ничего. Ты не можешь продолжать винить себя за то, что ты не мог контролировать.

— Черт возьми, не мог! Я мог бы надрать ему задницу давным-давно, и ты это знаешь.

— И что? Провел оставшиеся годы за решеткой? Ты же знаешь, Грег, Грейс не хотела бы

для тебя такой жизни. Ты знаешь, она хотела бы, чтобы ты был счастлив. — В его глазах тот взгляд, которым он обычно смотрел на Иззи, когда она уходила в себя. Взгляд, который у нее появился, когда она вспомнила, что я чуть не умер, чтобы спасти ее. То же самое я должен был сделать для Грейс и Софии. Я ненавижу быть объектом этого взгляда.

— Как я должен сказать ей, что не только знаю, кто отец ее племянника, но и что я пытался и не смог найти что-то, чтобы посадить его, прежде чем он добрался до другой женщины? — Разочарование даже близко не сравнится с моими эмоциями. Я знаю, что то, что я нашел с Мелиссой, стоит изучить, и будь я проклят, если позволю Сайману мешать этому.

— Не говори ей сразу, чувак. Вы только что познакомились, и, если ты серьезно относишься к ней и этим отношениям, нужно выяснить, стоит ли это того. Потому что ты знаешь, что независимо от того, как ты это изложишь, она не воспримет это хорошо. Сначала она должна узнать тебя. Но не оттягивай слишком долго, Грег, будет еще хуже, и это может оказаться непоправимым.

— Я слышу тебя, но мне не нравится идея начинать что-то новое на ненадежном фундаменте. — Я откидываюсь на спинку стула и смотрю ему в глаза.

— Я чувствую это снова, ту связь, которую ты не можешь игнорировать. И я хочу этого. Его глаза слегка расширяются, но прежде, чем он успевает заговорить, мы слышим шум, доносящийся спереди.

— Что, черт возьми, с тобой случилось? — Мы слышим рев из передней части офиса, за которым следует кудахтанье Купа в коридоре.

— Заткнись! — Убийственный тон Мэддокса заставляет его замолчать.

Зрелище, которое предстает перед нами с Акселем, когда мы выходим в коридор, заставляет меня бороться с собственным смехом.

Там стоит Мэддокс Локк, все шесть футов четыре дюйма разозленного и грязного мужчины. Самое приятное, что золотая краска и блестки покрывают каждый дюйм его тела от волос до ботинок.

— Ты выглядишь нелепо, — смеюсь я, не в силах сдержаться.

— Ты сказал мистеру Счастью, чтобы он сделал дорожку из золотого кирпича? — Он начинает подходить ко мне, и я замечаю его легкую хромоту, что мгновенно портит мне настроение.

— Ты в порядке? — Он не пропускает мой вопрос, и игнорирует меня, и уходит в заднюю часть офиса.

Посмотрев на Аксея, он уловил мое беспокойство и ушел, чтобы убедиться, что с Мэддоксом все в порядке. Это может показаться забавным, но, если говорить серьезно, мы все беспокоимся о нем. Оглядываясь на Купа, чтобы убедиться, что он держит свое дерьмо в узде, я обнаруживаю, что он следует за Акселем в подсобку.

— Эм, детка, где Бек? — Она поднимает взгляд, и я не могу не заметить боль в ее глазах. — Эм? Что происходит?

— Ничего, Грег. Я в порядке. Бек ушел примерно за пять минут до прихода Мэддокса. У него дела, — она прочищает горло, и ее глаза умоляют меня остановиться, умоляют меня больше не задавать вопросов.

— Эмми. Ты знаешь мою историю и знаешь, что я здесь ради тебя, поэтому, пожалуйста, скажи мне, что лишило тебя улыбки. — Парням доставляет огромное удовольствие высмеивать то, насколько я опекаю этих девочек, но, когда дело доходит до

этого, я не могу смириться с мыслью, что кто-то причиняет им боль. Я дал себе клятву через несколько лет после того, как потерял Грейс, после слишком многих лет беспечного и безрассудного самозабвения, что никогда не позволю, чтобы что-то случилось с другой женщиной в моей жизни.

— Это действительно ерунда. Ладно? — Она вздыхает: — Давай просто скажем, что мне было до боли ясно, что я никогда не буду такой, какой он хочет. — Ей не нужно больше говорить, чтобы я знал, что «он» — единственный и неповторимый Мэддокс Локк. Бедная девочка слишком долго страдала из-за него.

— Эмми, ты же знаешь, что это не касается тебя, верно? — Я обхожу стол и опускаюсь перед ней на колени, поворачивая стул так, чтобы смотреть ей в глаза. — Иногда ты ничего не можешь сделать, независимо от того, насколько чисто твое сердце, чтобы рассеять тьму из чьего-то прошлого. У него есть кое-что такое, от чего даже твой свет потускнеет, детка. Оставь это и просто будь рядом, если он попросит, хорошо? — Мне не нравится, что эта милая и невинная девушка нацелилась на Мэддокса, которого мы годами называли «темным».

— Я понимаю, Грег. Это просто нелегко. — Смотреть на то, как из ее золотистых глаз падает одна-единственная слезинка, просто убийственно. Постепенно, в течение нескольких месяцев, она превратилась из свободной и застенчивой улыбающейся в такую же непроницаемую, как Мэддокс.

— Нет ничего легкого, детка. — Когда мои собственные слова бьют меня по лицу, я понимаю, что для того, чтобы что-то получилось с Мелиссой, мне нужно проглотить эти слова.

Глава 15

Грег

Как только дела в офисе наладятся, мне будет намного легче заниматься своими делами. Мой пыл по отношению к Деррику совсем не угас, но я знаю, что мне нужно держать голову на плечах. Не прошло и тридцати минут после моего звонка, как Деррик убегает в здание с коробкой, полной папок с делами. Я почти уверен, что этот идиот наложил в штаны, когда вошел в мой офис и обнаружил не только одного взбешенного человека, но и еще двоих. Куп и Аксель не возражают против того, чтобы сидеть здесь и бросать свои взгляды на этого идиота.

У меня уходит добрый час на то, чтобы просмотреть материалы дела и понять, что я крупно облажался, доверившись ему. Он не только не владеет информацией, которую передал мне, но и не упоминает о том, насколько плохо обстояли дела в доме Вагнеров. Я обнаружил пять обращений в больницу, не считая рождения сына, о котором я так и не узнал, четырнадцать визитов местной полиции, вызванных звонками соседей, которые закончились только тем, что София Вагнер сообщила им, что все в полном порядке. И вишенка на вершине — последний звонок от Деррика, в котором не упоминается о спящем сыне, найденном наверху, рядом с мертвыми родителями.

— Черт, — процедил я, захлопывая на столе очередную папку с хреновым дерьмом. — Ты веришь в эту чушь? — спрашиваю я Мэддокса. С тех пор как я начал просматривать файлы, он единственный, кто остался в здании, достаточно глупый, чтобы терпеть мое дерьмо. — Как я мог быть настолько чертовски слеп? Я тот, кто попросил этого идиота провести расследование и сообщить мне всю информацию, а я получаю полуправду и разбавленную чушь.

— Манипуляции. Не вини себя за то, что он сделал. У тебя и так было достаточно дерьма на руках с Иззи, Акселем и этим гребаным Брэндонем. — Он заканчивает просматривать последнюю папку, которую я бросил в него, и откидывается на спинку стула, рассеянно потирая левое колено.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, кивая головой в сторону его колена.

— Нормально, забей. Я буду годами выковыривать блески из своего мозга. — Я могу сказать, что это еще не все, но я знаю, что лучше не давить на него.

— Я здесь, если ты захочешь поговорить. И перестань быть сукиным сыном, ладно? Я буду держаться подальше от твоего дерьма, но прекрати, и ты чертовски хорошо знаешь, о ком я здесь говорю. А теперь вернемся к этому беспорядку. Что мне со всем этим делать?

— Держи это при себе, пока не узнаешь больше об этой цыпочке. Не нужно беречь старые раны, если ты не знаешь, что это стоит того, чтобы быть той опорой, которая ей понадобится. — Он встает и направляется к двери. Когда он оборачивается, и я встречаюсь взглядом с его черными глазами, впервые за много лет я вижу в них сострадание. — Как бы то ни было, ты заслуживаешь немного покоя, брат. Она тоже может стать той опорой, которая тебе нужна. — И с этими словами он ушел.

* * *

Я остаюсь в офисе еще на несколько часов, занимаясь делами, проверяя те, которые требуют моего внимания, и просто избегая мыслей о Мелиссе хотя бы на несколько секунд. Это нелегко, когда все, что я могу вспомнить, — это выходные, которые я провел с ней. Достаточно одной секунды, чтобы ее лицо промелькнуло в моем сознании, чтобы мои штаны натянулись. Сказать, что у меня все плохо, все равно что сказать, что солнце — маленькая звезда.

Решив, что мне все равно, что обо мне скажут, если я позвоню так скоро, я поднимаю трубку и нажимаю на ее имя.

После нескольких гудков я слышу ее задыхающийся голос, и мое сердце мгновенно набирает скорость.

— Алло?

— Мелисса. — Боже, одного ее голоса достаточно, чтобы забыть обо всем дерьме на свете.

— Грег, — возможно, я выдумываю, но почти уверен, что она просто выдохнула мое имя, и этого достаточно, чтобы мое эго взорвалось. Да, она может играть в злую игру «держишься подальше», но она не так равнодушна, как хотела, чтобы я поверил.

— Сегодня был долгий день, детка, и я приглашаю тебя на обед. Сбеги со мной и давай поедим чего-нибудь.

— Это было бы приятнее, чем мои нынешние планы. Сегодня я не могу сбежать, Грег. И я не уверена насчет завтрашнего дня. — Если бы не сожаление в ее голосе, я мог бы подумать, что она отмахивается от меня.

— Что происходит, Мелисса?

— Тебе не о чем беспокоиться, просто семейные проблемы. — Я знаю, что еще рано, и она не доверяет мне, но это дерьмо все еще немного жжет. Я ничего не могу с этим поделать. Это то, кто я есть, и я хочу все исправить для нее.

— Ты же знаешь, что можешь поговорить со мной. Я понимаю, что ты не хочешь, чтобы я лез в твои дела, пока ты не узнаешь меня получше, но если тебе нужно поговорить, не отгораживайся от меня.

Наступает долгое молчание, и я почти слышу, как в трубке раздаётся:

— Я знаю. Мне просто нужно разобраться с этим, хорошо? — Возможно, мне это не нравится, но пока я могу дать ей это.

— Да, Красавица... пока.

— Ты так расстраиваешь, Грег Кейдж. — По крайней мере, смех и лёгкость, с которыми она прощалась со мной, вернулись.

— Я хочу увидеть тебя в ближайшее время, и я не приму отказа. Закончи свои семейные дела, но позвони мне завтра. Если завтра ты не позвонишь, я приеду к тебе. Обед, ужин или блядь, поздний завтрак.

— Ладно, хорошо. Я позвоню тебе завтра и сообщу, что происходит. Тебя это устроит? — Умная соблазнительница.

* * *

Следующий день ненамного лучше для моего рассудка. Идти на работу по золотому тротуару почти комично, и я мог бы начать день позитивно. Но войти в офис и увидеть Эмми в слезах, Купа, расстроенного тем, что он ни черта не смыслит в женщинах и не знает, как их исправить, Бека, переживающего и утешающего Эмми, и Мэддокса, пробивающего дыры в его кабинете, — все это не предвещает хорошего начала.

Ярываюсь между необходимостью защитить Эмми и ее невинную, чистую любовь к мужчине, который не может ее принять, и мужчиной, который был мне братом на протяжении многих лет. Я знаю предысторию и знаю, что в ближайшее время она не станет лучше.

Теперь, когда Аксель наконец-то уехал на неделю, все тяжелое дерьмо ложится прямо на мои плечи. Лучшее, что кто-либо может получить от Эмми, — это то, что с ней все в порядке. Она успокаивается, когда я отвожу ее в сторону и напоминаю о нашем предыдущем разговоре. Я понимаю ее, правда. Некоторые из нас посланы на эту землю, чтобы исцелять, делать жизнь других ярче, а когда этим людям не нужна наша помощь, наша любовь? Мы принимаем это близко к сердцу. Что бы я ни говорил, с ней это не изменится, но этот разлад в офисе, черт возьми, должен прекратиться.

После этого все идет комом. У нас есть проблемные дела, компьютеры выходят из строя, а Мэддокс все еще валяет дурака в офисе. Если я знаю, что увижу Мелиссу сегодня, я почти могу принять весь этот дерьмо, но уже зная, что этого не произойдет, это только усиливает мое плохое настроение.

К середине дня я не могу больше терпеть и наконец звоню ей. Я попадаю на ее голосовую почту и оставляю короткое сообщение с просьбой позвонить. Ее ответное сообщение коротко и по существу:

— Сегодня не могу, слишком много семейных дел. — И у меня все внутри переворачивается. Без причины, но мое чутье никогда меня не подводит. Что-то происходит, и я не могу помочь ей, не зная, что именно у нее за дела.

Это ощущение невозможности помочь — новое для меня. Последние почти пять лет я была опорой, поддержкой, силой, способной помочь, и это почти заставляет меня чувствовать, что я делаю что-то, что заставило бы Грейс гордиться мной. Что-то лучшее, чем все те годы, которые я провел впустую, живя за счет выпивки и шлюх на дороге.

Я хочу стать таким человеком для Мелиссы, и меня убивает, что она не пускает меня к себе. Разум твердит мне, что надо потерпеть, что все только начинается, и кто же так доверяет кому-то через неделю? Но мое сердце, черт возьми, мое сердце говорит мне, чтобы

я сейчас же поехал к ней и потребовал, чтобы она меняпустила.

Безумие, знаю... Но, я чувствую и уверен в этом. Она женщина, которая стоит всех проблем и, если мне не изменяет интуиция, она может быть той, кто залечит мои, даже самые глубокие, раны.

Когда мой телефон звонит прямо перед закрытием и я вижу имя Мелиссы на экране, мое сердце подпрыгивает. Как маленькая сучка, оно прыгает прямо мне в горло. Одна неделя, и я уже так глубоко увяз, черт возьми.

— Соскучилась по мне? — Ожидая получить в ответ какую-нибудь дерзость или хотя бы приветствие, я слышу тихий всхлип, который раздается в трубке, и мое сердце тут же падает вниз. — Мелисса? Что случилось? — Хватаю ключи, даже не зная, куда ехать — это рефлекторная реакция. Я выхожу за дверь, несколько раз дернув подбородком в сторону остальных, и покидаю стоянку. — Детка, где ты?

Ей требуется несколько минут, чтобы взять себя в руки, и когда она заговорила, в ее тоне не было печали. Это чистая ярость

— Я убью эту маленькую суку, Грег. Моя машина может быть дерьмом для кого-то, но она моя, и она важна для меня. Конечно, это кусок дерьма, но это МОЙ кусок дерьма!

В этот момент я должен съехать на обочину. Несмотря на непреодолимую потребность связаться с ней и исправить то, что, черт возьми, только что произошло, я ни за что на свете не могу понять, о чем, черт возьми, она говорит.

— Детка, я пытаюсь понять, о чем именно ты говоришь, так что не могла бы ты рассказать мне поподробнее? — Я наклоняюсь вперед и пытаюсь снять напряжение с шеи.

— Ладно. Позволь мне изложить это так, чтобы ты понял. Твоя маленькая преследовательница? Возможно, ты был недостаточно откровенен с ней, когда порвал. Мне хотелось бы думать, что я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы ты не морочил мне голову и не пытался так сильно заставить меня открыться. Так что представь себе мой шок, когда она появляется на моей работе и разбрасывается своим дерьмом!

Боже.

— Скажи мне, что ты шутишь, Мелисса.

— Думаешь, я бы сейчас звонила тебе, чтобы ты приехал за этим мусором, если бы у меня не было серьезных намерений?! — От ее крика я чуть не выронил трубку.

— Где ты?

— В офисе, знаешь, у себя на работе, где есть дети, семьи и все эти счастливые семейные флюиды? Да, эти флюиды просто взорвались нахуй, когда «Сталкерша Сью» пришла ко мне на работу, крича о том, какая я шлюха из-за того, что ты порвал с ней! ПОТОМ, когда мы, наконец, вытащили ее из офиса и у меня было немного времени, чтобы успокоиться, я выхожу на улицу и вижу, что она РЕЖЕТ МНЕ ШИНЫ чертовым ножом! Та что, поскольку я не могу вести машину с четырьмя спущенными шинами, я все еще на работе.

Как я мог этого не предвидеть? Ну, может быть, не это, но черт бы побрал Мэнди и ее ебанутое дерьмо.

— Звони в полицию, детка, я буду там через пятнадцать минут. И, Мелисса?

— Что? — выплевывает она.

— Возможно, сейчас не лучшее время упоминать об этом, но весь этот огонь и страсть, которые ты бросаешь в меня? Детка, ты меня так возбудила, что будет чудом не овладеть тобой в ту же секунду, как я встречаюсь с тобой взглядом.

— Ты монстр, Грег Кейдж.

Возможно, это было неуместно, но, когда я слышу ее смех перед сбросом звонка, я знаю, что сегодня сделал что-то правильно.

Глава 16

Мелисса

Нет нужды отрицать это. С тех пор как я покинула дом Грега в воскресенье вечером, я нахожусь на седьмом небе. Даже то дерьмо, которое вываливает на нас бабушка Коэна по отцовской линии, не портит мне настроение. Я напряжена, но только потому, что моя мать заставляет меня быть такой.

Сьюзан снова начала писать письма, а за ними быстро последовали звонки. А потом мы получили удовольствие от того, что сегодня около трех часов ночи она выбила дверь моей матери.

Нелишним будет немного рассказать о Сьюзан Вагнер. Сьюзан Вагнер — глотающая таблетки, употребляющая алкоголь, мусорная сука. У нее столько судимостей за вождение в нетрезвом виде, что ей больше не разрешают водить машину, но это ее не останавливает. Я уверена, что даже у нее есть несколько венерических заболеваний. А когда она показывает свою жуткую ухмылку злой ведьмы, вы видите только десны. Единственное, что Саймон Вагнер сделал правильно в своей жизни, — это убедился, что Коэн попадет к моей матери, если с ними что-нибудь случится. Каким бы испорченным он ни был, она в миллион раз хуже.

Итак, мало того, что мой столь необходимый сон прерван безумным телефонным звонком и необходимостью тащиться в дом моей матери, чтобы разобраться со Сьюзен в ее пьяном гневе, но теперь мне приходится иметь дело с другим карандашом, недостаточно ярким для коробки.

Когда я обнаруживаю, что разъяренный доктор Шеннон буквально вытаскивает меня из смотровой, последнее, что я ожидаю увидеть, — это цыпочку, которая стала моей тенью с тех пор, как Грег начал проявлять ко мне интерес. За исключением этого времени, она потеряла все свое тщательно созданное «совершенство». Она выглядит неопрятной. Тот идеально собранный взгляд, который я видела каждый раз, исчез. Пуф, и на его месте оказывается совершенно незнакомый человек. Она напоминает мне одну из тех бездомных собак, которых можно увидеть в городских переулках. Те, которые так долго сражались за последний кусок мяса, что даже не отличают крошку от камешка. Очевидно, Грег — кусок мяса в этом уравнении.

— Ты гребаная сука! — Она кричит во всю глотку в приемной, полной пациентов. Не только пациентов, но и родителей и детей всех возрастов. Из-за ее вспышки безумия маленькие дети начинают пугаться, старшим становится любопытно, а родители злятся. Я уже могу сказать, что добром это не кончится.

Я теряю счет тому, что она извергает через всю приемную. Я ловлю «сука» еще несколько раз, «разрушительница семей» (что ставит меня в тупик), но «шлюха» — это то, что заставило меня сорваться. Я делаю то, что должна, а именно обхожу стол, хватаю ее за костлявую руку и веду к двери. Ни единого слова не слетает с моих губ, но в этот момент я киплю от гнева, и знаю, что в ту секунду, когда мои губы разомкнутся, я войду в «Крейзитаун» вместе с ней.

Я открываю дверь вестибюля и выталкиваю ее изо всех сил, получая огромное удовольствие, наблюдая, как она покачивается на каблуках, прежде чем упасть плашмя на

задницу. Она открывает рот, чтобы начать очередной приступ словесной рвоты, но я с убийственным спокойствием выдавливаю твердое «не надо» и закрываю дверь.

Я совершаю позорную прогулку мимо пациентов и приношу глубокие извинения за инцидент. Дети, кажется, уже забыли о безумной женщине и быстро переключают свое внимание обратно на фильм Диснея, но родители смотрят на меня с выражением, которое нельзя описать иначе, как ненавистью.

Когда я вхожу в подсобное помещение, доктор Шеннон ждет меня. Мне в руки суют коробку и говорят:

— Убирайся, ты уволена, — прежде чем он поворачивается на своих старых, как грязь, ногах и уходит.

— Вы не можете уволить меня за чьи-то действия! Это просто смешно! — Я кричу ему вслед.

— Вот тут ты ошибаешься, Мелисса. Ты принесла этот беспорядок в мой офис и устроила сцену, которую я теперь должен убрать. Освободи свой шкафчик. Мы отправим твой последний чек по почте.

Мне требуется несколько минут, чтобы по-настоящему понять, что я только что потеряла не только свою работу, но и единственный источник дохода, позволяющий моей матери, моему племяннику и собственной голове оставаться над бурными водами. Я в жопе. Я даже не могу позволить себе заикливаться на том, как я сейчас облажалась, потому что эта сука пойдет ко дну.

Я быстро убираю свой шкафчик, хватаю свои вещи и говорю Бренде, менеджеру, что позвоню ей, чтобы обсудить поведение доктора Шеннон. Она чувствует себя ужасно, но мы обе знаем, что было бы бессмысленно продолжать спорить с ним.

Когда я протискиваюсь через двери вестибюля на парковку и вижу Мэнди, которая отчаянно колет мои шины ножом, я теряю самообладание. Оглядываясь назад, возможно, это был не самый умный ход — нападать на женщину с большим ножом, но, черт возьми, я сделала это.

— Ты сумасшедшая сука! — кричу я, наблюдая, как ее глаза становятся бешеными. Бросив свою коробку на землю, я быстро сокращаю расстояние между нами, сгибаюсь в талии и прижимаю ее задницу к земле. Мой разум не замечает острой боли в руке достаточно долго, чтобы я даже подумала об этом. Схватив ее руку с ножом, я вонзаю его в землю и смотрю, как ее глаза расширяются и слезятся от боли. Она ослабляет хватку, и я быстро отбрасываю нож другой рукой.

— Ты глупая, жалкая, тощая засранка! Не знаю, что, по-твоему, у тебя было с Грегом, но с вами покончено. Ты хочешь, чтобы я думала, что ты для него особенная, но, милая, ты забываешь, что он уже ясно дал понять, что с тобой покончено.

— Он мой, — рычит она. — Ты никогда не получишь его!

— О, вот тут ты ошибаешься. Он у меня уже есть. — Я мило улыбаюсь ей, но, когда ее лицо искажается тем, что я могу описать только как помешательство в высшей степени, я знаю, что она перестала быть разумной.

— Серьезно? Ну, он был в моей постели прошлой ночью, и каждую ночь до этого! Ему может быть весело с тобой, но он всегда приходит домой ко мне.

— Ты сумасшедшая. — Я двигаюсь, чтобы слезть с нее, и тут она набрасывается, хватая меня за волосы и швыряет на землю. Моя голова на секунду ударяется об асфальт, но этого недостаточно, чтобы я не стряхнула ее и не отпрыгнула назад.

Даже не заботясь о том, как она держит мои волосы, я отступаю назад и врезаю кулаком ей в живот. Ее хватка мгновенно ослабевает. Вслед за этим я наношу еще один удар ей в висок и наблюдаю, как ее глаза затуманиваются, прежде чем она падает на землю.

— О Боже мой! Мелисса! Мелисса! Ты в порядке, милая? — Я оборачиваюсь и вижу, как Бренда выбегает из двери офиса с телефоном, прижатым к уху: — Я позвонила в полицию, видела все это, о Боже! БОЖЕ!

— Я в порядке, Бренда. Дай мне минутку, ладно? — Я подхожу и делаю один звонок, который для меня важнее, чем вызов полиции прямо сейчас. Грег. Это не только его беспорядок, но я не могу отрицать, что мне было бы лучше, если бы он был здесь.

После быстрого звонка, от которого у меня снова подскакивает давление, я вешаю трубку и не могу сдержать улыбку, которая появляется на моем лице.

Да, я хочу, чтобы он был здесь, и не из-за беспорядка, в котором, возможно, есть его вина, но я хочу, чтобы он был здесь, потому что он делает меня счастливой. И впервые за долгое время я принимаю это счастье без страха, что что-то отнимет его у меня.

* * *

Приехала полиция, взяла показания Бренды и мои... Поскольку «Барби» все еще без сознания лежит перед моей машиной, они вызывают скорую помощь, чтобы отвезти ее в больницу. К счастью, парковка контролируется, поэтому они сказали мне, что соберут записи с камер наблюдения и свяжутся со мной, если у них возникнут какие-либо дополнительные вопросы. Бренда в шоке, когда я говорю им, что не выдвигаю обвинений. Это мое личное дело, и я не передумаю. Если она хочет затеять еще какую-нибудь хрень, я позволю ей; в следующий раз я буду ждать.

К несчастью для меня, Грег появляется, когда парамедик очищает ссадину на моей руке от удара ножом. Ничего страшного, но на моей руке и верхней части халата столько крови, что он бросает на меня один взгляд и становится злым. Я говорю о том, что можно почувствовать, как сильно охватила его ярость.

Он подходит ко мне двумя большими шагами, изучает мое лицо, и его глаза блуждают по каждому сантиметру моего тела, убеждаясь, что он ничего не упускает.

— Ты не сказала, что она причинила тебе боль. Ты не сказала мне, что она напала на тебя. — Он, казалось, не злился на меня, но все же я решаю, что лучше вести себя осторожно.

— Я думаю, что было бы правильной оценкой ситуации, если бы ты сказал, что технически я напала на нее. — Его глаза, которые смотрели на белую повязку на моей коже, поднимаются к моим, и я не могу не заметить юмора, который мелькает на мгновение, прежде чем беспокойство снова берет верх.

— Прости? — спрашивает он.

— Ну, одна вещь, которую ты, возможно, захочешь знать обо мне, это то, что я не лягу и не позволю кому-то трахать мою жизнь. Она царапала мою машину и оскорбила меня. Это произошло через десять минут после того, как из-за нее меня уволили с работы и вылила при всех на меня столько оскорблений, что я сомневаюсь, что найду работу в течение многих лет. Так что, да... Можно с уверенностью сказать, что я напала на нее.

— Ладно. Не уверен, что знаю, что с этим делать, но мы можем вернуться к этому позже. Ты в порядке?

— Грег, я в порядке. Я просто на секунду задела нож, но это всего лишь рана. — Я улыбаюсь его красивому лицу и пытаюсь немного облегчить гнев, который я все еще

чувствую, волнами исходит от него. — Если тебе от этого станет легче, то она выглядит намного хуже.

Он несколько минут смотрит мне в глаза, прежде чем издает глубокий смешок.

— е очень-то хочется видеть, как ты страдаешь, красавица. Ты закончила? Что скажешь, если мы вернемся ко мне, и ты сможешь рассказать мне всю историю?

— Да, Грег, звучит заманчиво.

Бренда вручает мне мою коробку, о которой до этого момента я совершенно забыла, и после того, как мы дождались эвакуатора, чтобы забрать мою машину, мы направляемся к его дому. По дороге я звоню маме, сообщая, что у меня возникли проблемы с машиной и я приеду завтра. Я знаю, что мои проблемы все еще будут ждать меня утром, но прямо сейчас мне это нужно. Мне нужен Грег. Поразительно, но мысль о том, что я нуждаюсь в ком-то еще, не пугает меня.

Глава 17

Грег

После быстрого звонка она убирает телефон и через несколько секунд засыпает. Вскоре после этого ее голова касается моего плеча, а руки обвиваются вокруг моей руки. Черт, она может оторвать эту чертову конечность, если ей от этого станет легче.

Когда я подъехал к клинике и увидел, что она сидит на обочине, истекая кровью, я чуть не сошел с ума. Мне не чуждо чувство всепоглощающей защищенности. Но я никогда не чувствовал этого так сильно. Никогда еще каждый сантиметр моего тела не превращался в ледяную ярость за считанные секунды. После этого у меня не осталось никаких сомнений: она моя. И судя по тому, как быстро ее тело повернулось ко мне во сне, она тоже это знает. Ее разум просто не догнал ее сердце и тело.

Я машу Стэну, когда мы проезжаем через ворота. Долгая поездка по окрестностям дает мне несколько дополнительных минут, когда она прижимается к моему телу. Это дает мне время еще немного насладиться ее неосторожным доверием.

Когда мы подъезжаем к моему дому, она все еще не шевелится. Я заглушаю грузовик и разворачиваюсь, прежде чем коснуться ее. Я сижу так несколько минут, просто впитывая всю обстановку. Легонько пробегая пальцами по повязке на ее руке, я вспоминаю все это, и тиски на моем сердце крепко сжимаются. Я стал причиной этого. Может быть, не напрямую, но в моем сознании это одно и то же, и это убивает меня.

— Красавица, — бормочу я, слегка поглаживая ее по волосам. Ее глаза несколько раз моргают, прежде чем встретиться с моими. — Давай зайдем внутрь и ляжем? — Еще рано, даже близко не время ужина, но если лежа она чувствует себя лучше, безопаснее, то я не против.

— Я в порядке, просто нужно было немного отдохнуть. — Ее голос хриплый ото сна, заставляя меня бороться с собой, чтобы сдержать свою похоть.

— Хорошо, давай устроимся, и ты сможешь посвятить меня в детали, хорошо?

— Конечно, детка. — Я знаю, что она только что проснулась и, скорее всего, даже не осознает, что сказала это, но это слово проникает прямо в мое сердце. Пронзает насквозь и наполняет его таким восторгом. Мне следовало бы волноваться; в конце концов, у этой женщины есть сила сравнять мой мир с землей.

Мы заходим внутрь и устраиваемся. Садясь на диван, я даже не даю ей времени подумать о том, чтобы сесть где-нибудь в другом месте в комнате, я хватаю ее за руку и сажаю к себе на колени. Мои руки обнимают ее, и я выпускаю низкий, облегченный вздох.

— Расскажи мне все, детка?

Она смотрит мне в глаза несколько минут, я не уверен, для чего, но, должно быть, она нашла что-то, потому что начинает свой рассказ. Нелегко это слышать, но, черт возьми, я горжусь тем, что она постояла за себя. Когда она замолкает, я даже не могу говорить. Я должен держать себя в руках, чтобы контролировать ярость и необходимость что-то делать.

— Ты не выдвигала обвинений? Пожалуйста, скажи мне, Мелисса, что я неправильно тебя расслышал? — Она смотрит мне в глаза, слегка смущенная моим тоном. — Я не сержусь на тебя, детка. Просто пытаюсь понять, почему ты не выдвинула против нее обвинения.

— Я просто хочу, чтобы она отстала. Я ее не знаю, но знаю, что у тебя с ней были свои дела, но это немного чересчур.

Рука, которая легонько поглаживала ее бедро, замирает.

— И ты собираешься позволить этому дерьму встать между нами?

— Я этого не говорила. Я сказала, что это слишком. Я потеряла работу из-за нее, Грег. Моя работа и доход моей семьи — все пропало из-за твоей подружки-шлюшки.

— Детка, я понимаю, что это тяжелое дерьмо, но ты должна понять, что я не был святым до того, как встретил тебя. Я не был идеален, даже близко, но это дерьмо с Мэнди закончилось, когда мы с тобой встретились. Не то чтобы нам было что заканчивать, но на свадьбе я ясно дал ей понять, что между нами все кончено. Я снова дал это понять, когда она появилась у ворот, вываливая еще больше дерьма. Я не знаю, что у нее на уме, но я это выясню. Я не хочу, чтобы ты беспокоилась о ней.

— Я верю тебе. Да, но это не меняет того факта, что сегодня я потеряла гораздо больше, чем простой порез на руке. — Я вздрагиваю при напоминании о том, насколько опасной была сегодняшняя ситуация.

— Позволь мне позаботиться об этом, детка.

— Как ты собираешься позаботиться об этом? — Она хмурила брови, и в ее глазах мелькает замешательство, смешанное с недоверием.

— Во-первых, ты позволишь мне разобраться с Мэнди, но я все еще хочу получить запретительный судебный приказ в отношении нее. Во-вторых, я знаю кое-кого в городе. Я только что установил систему безопасности в офисе врачей общей практики прямо по улице. Просто позволь мне позвонить и узнать, примут ли тебя на работу. В-третьих,пусти меня. Простопусти меня, красавица.

Тишина вокруг нас, пока она переваривает мои слова, тяжелая. Она не хочет меня впускать. Я знаю это, но это не значит, что я остановлюсь, пока она, по крайней мере, не даст мне шанс доказать ей, что я этого заслуживаю.

— Мели, детка, — вздыхаю я. — Поверь мне, когда я говорю, что я прожил жизнь, которая позволяет мне знать, когда за что-то стоит бороться. Я только взглянул на тебя и понял, что ты этого стоишь для меня. Это ново, я понимаю, но знаю, что ты тоже это чувствуешь.

— Я чувствую это, — шепчет она. — Я чувствую, и это пугает меня.

— Почему? Чего ты испугалась, детка? Скажи мне, чтобы я мог помочь.

— Ты не понимаешь. Когда я потеряла Фиа, что-то внутри меня изменилось. Я всегда была самой осторожной в семье. Мама удивительная, но она слабая. Фиа была такой же. Они позволяют мужчинам использовать их, а я всегда говорила, что не буду такой. Мне не нужен был бы мужчина. Мой отец — кусок дерьма. То, что я помню, не очень красиво, и я

наблюдала, как моя сестра заново переживает этот кошмар, не надеясь ей помочь. В течение многих лет я развлекалась, но никогда не подпускала к себе мужчину. Грег, у тебя есть сила не только войти, но и уничтожить меня, если ты когда-нибудь захочешь отвернуться.

— Я не могу давать тебе обещаний, красавица. Я не могу сидеть здесь и говорить тебе, что ради меня стоит разрушить эти стены. Но я могу сказать тебе, что если то, что я чувствую к тебе сейчас, будет продолжать расти, то не найдется достаточно сильной армии, чтобы вытащить меня оттуда. Я потратил слишком много времени, желая кого-то, кто стоит этого, и как бы безумно это ни звучало? Одного взгляда, детка... хватило одного взгляда, чтобы даже то, что я был весь в блевотине Нейта, не смогло затуманить то, насколько яркой была эта красота, сбившая меня с ног.

Она тихо смеется, но все еще смотрит на меня так, как будто боится, что я могу исчезнуть с ее следующим вздохом.

— Я хочу быть там. Просто так много всего происходит. Теперь это, мы и все остальное, что выходит из-под контроля. Я не знаю, как просто отпустить.

— Впусти меня, — снова подчеркиваю я.

— Я... я не знаю, как. — Это все равно, что наблюдать за животным в клетке, пытающимся сбежать.

Я могу сказать, что она хочет, она так сильно хочет впустить меня, но действительно не знает, как.

— Тебе не обязательно быть сильной все время. Позволь мне взять контроль, красавица. Позволь мне быть твоей опорой. Позволь МНЕ сражаться. Ради Бога, позволь мне быть тем кто тебе нужен.

С каждым моим словом ее глаза расширяются. Черт, я даже не знаю, откуда все это взялось, но мне нужно, чтобы она поняла. Мне нужно, чтобы она была на той же волне, что и я, прежде чем я потеряю себя в ком-то, кто меня не хочет.

— Моя мама имеет право опеки над Коэном, сыном Фиа, но это только потому, что я так много работаю, у меня нет возможности забрать его. Я провожу с ним столько времени, сколько могу, но этого все равно недостаточно. Мама стара, но все еще может передвигаться. Она не работает, потому что, ну... она старая. И даже если она может передвигаться, это не значит, что она делает это без трудностей. Мой чек оплачивает все, вот почему я живу в дерьмовой квартире в центре города. Коэн и его благополучие важно и стоит все это. Не думай, что я жалуясь. Я бы все отдала за этого ребенка. — Она делает паузу и несколько секунд смотрит мне в глаза, прежде чем снова посмотреть на мою руку, лежащую на ее ноге. Я слегка сжимаю ее, и она продолжает: — Саймон, бывший Фиа, был настоящим придурком. Я уже рассказывала о нем, но даже несмотря на то, что он ушел, я все еще чувствую, что он издевается над моей семьей. Его мама, Сьюзан, ходила вокруг да около в течение последнего года, пытаясь заполучить Коэна. Она пыталась пойти законным путем, но в мире не было судьи, который дал бы ей право опеки или даже посещения. Плохая, наихудший тип человеческого существа.

Я хорошо осведомлен о Сьюзен Вагнер. Но я не позволю ей узнать об этом прямо сейчас. Она впускает меня, начинает разрушать свои стены и доверять мне. Я ни в коем случае не буду связываться с этим прямо сейчас.

— Так, во всяком случае, было. Она была причиной некоторой драмы. Звонит, отправляет письма и приходит в себя. Она безобидна, но раздражает, и это пугает Коэна. Это то, с чем я имею дело с воскресенья. Пытаюсь успокоить маму и делаю так, чтобы Коэн

ничего не узнал.

— Ты думаешь, от нее будут неприятности? — Я сомневаюсь.

— Нет. Я имею в виду, пока да, но думаю, что она просто скучает по своему сыну, или я должна сказать, по идее ее сына. Она не хочет Коэна; она просто не хочет, чтобы он был у нас.

— Кажется разумным, детка, но мне не нравится, что ты справляешься с этим в одиночку.

— Я не одна, — говорит она с легкой улыбкой на губах.

— Нет, красавица... Ты определенно не одна.

Мы сидим здесь уже некоторое время, просто молча рассматривая друг друга, когда ее голос нарушает тишину.

— Расскажи мне о Грейс.

— Пытаешься сменить тему? — Я смеюсь, но на самом деле я просто счастлив, что она хочет узнать обо мне больше.

— Я просто хочу узнать тебя, всего тебя, даже того зверя, которого ты, кажется, бросаешь только на меня. — Она улыбается и кладет голову мне на плечо.

— Грейс была потрясающей. Мы были лучшими друзьями и тенью друг друга всю нашу жизнь. Она не очень хорошо восприняла, когда я завербовался, но знала, что это то, чего я хотел. Наш отец был профессиональным морским пехотинцем, и я знал еще до того, как научился ходить, что я тоже пойду этим путем. Он был самым храбрым человеком, которого мы знали, пока не потеряли его. Она знала, что значит хранить о нем память. Мы разговаривали так часто, как только могли, но этого все равно было недостаточно. Однажды я встретил ее парня, когда был дома в отпуске, и этот ублюдок мне не понравился. Сказал ей, но она была влюблена, так что я ничего не мог сделать. Это был единственный раз, когда мы в чем-то разошлись во мнениях. Она вышла за него замуж вскоре после того, как я уехал. Двадцать лет, и она готова следовать за ним по всему миру, если он попросит. — Я делаю глубокий вдох и вспоминаю ее прекрасную улыбку и фиалковые глаза. — Ты бы полюбила ее. Она была очень похожа на Ди, всегда счастливая. Ты знаешь, когда мне позвонили. Излишне говорить, что я не очень хорошо воспринял это дерьмо. Я сошел с ума. В ту секунду, когда я смог выбраться, я оставил морских пехотинцев и единственную мечту, которая у меня когда-либо была, позади и исчез. Аксель и парни, черт возьми, моя собственная мать, никто не знал, где я был почти два года. Встретил на дороге парня, который помог мне разобраться с моим дерьмом, вернулся домой и основал свою собственную компанию. Остальное, как говорится, уже история.

— Сейчас лучше? Какого это потерять другую часть себя? — спрашивает она. Я знаю, что она имеет в виду. Грейс была другой частью моей души, и я предполагаю, что ее сестра тоже.

— Да, детка, становится лучше. Никогда не бывает легко, но становится лучше.

— Это хорошо. Я больше не хочу боли, — шепчет она.

— Когда я рядом, то сделаю все возможное, чтобы этого не случилось. — Она убирает голову с моего плеча, слегка сдвигается и поднимает руки, чтобы обхватить мое лицо, прежде чем прижаться лбом к моему.

— Ты хороший человек, Грег Кейдж. Дай мне немного времени, и я, возможно, просто влюблюсь в тебя.

— Таков план, красавица, — шепчу я и завладеваю ее губами, передавая сообщение,

которое, я надеюсь, покажет ей, как сильно я хочу быть достойным этой любви.

Глава 18

Грег

Когда я поднимаю Мелиссу с дивана и веду ее наверх, в свою комнату, я знаю, что это будет нечто большее, чем просто сжигание простыней. Речь идет о том, чтобы передать без слов то, что нужно показать, а не сказать, дать ей то, что ей нужно от меня, и убедиться, что она чувствует "это". Я не девственник, но даже я чувствую давление, чтобы убедиться, что это что-то для книги рекордов.

Когда мы добираемся до моей спальни, я притягиваю ее ближе и припадаю губами к ее губам. Просто и медленно, я занимаюсь любовью с ее ртом.

Это медленные ласки. Мы стоим там, обняв друг друга, и просто наслаждаемся. Никто из нас не спешит, но оба нуждаемся. Медленно, мы по очереди снимаем одежду друг с друга, и когда уже обнажены, мы просто стоим и рассматриваем друг друга. Ее кожа безупречна, сияет естественным загаром. От ее груди у меня текут слюнки, а член подпрыгивает. Эти ноги, мои яйца напрягаются, просто глядя на ее длинные ноги. Я знал, что задняя сторона так же хороша, как и профиль; она — чистое совершенство и красота.

— Ты собираешься продолжать пожирать меня глазами, детка? — Вот оно снова, и на этот раз она полностью в деле.

Детка.

Протягиваю руку и обнимаю ее за талию, что вызывает у меня хриплый вздох, и я улыбаюсь ей сверху вниз, прежде чем вернуть свои губы к ее губам. Все еще не торопясь, я наслаждаюсь медленным поцелуем, полным желанием.

Мои руки, которые покоятся прямо над ее попкой, совершают медленное путешествие вниз, пока ее попка не оказываются в моих руках. Сжав ее, я поднимаю ее и мгновенно вознаграждаюсь, когда ее ноги обхватывают мои бедра. Мой член подпрыгивает от соприкосновения с ее влажным теплом.

Я не говорю ей ни слова, когда начинаю подходить к кровати, продолжая атаковать ее рот. Она так крепко прижалась к моему телу, что между нами не осталось места для воздуха. Мое тело чувствует, что оно движется на автопилоте. Мне не нужен разум, чтобы указывать моему телу, что делать. Я жажду ее, так что это как вторая натура. Мы были в разлуке всего два чертовых дня, а кажется, что прошел год.

Мягко укладывая ее, я делаю движение, чтобы оторвать свои губы от ее, но она сжимает свои руки и ноги, и тихий стон, который она издает, — это прямой удар по моему члену. Он пульсирует и умоляет меня вырваться из дома, он должен быть в ней.

Когда я, наконец, могу оторваться от ее рта, она смотрит на меня, и я вижу, как ярко светится похоть, но за этим, клянусь, я почти вижу обожание. Я не сомневаюсь, что именно это отражается в моих собственных глазах, но я никогда не думал, что так скоро увижу это во взгляде моей Красавицы.

— Такая красивая, — шепчу я, проводя пальцами по ее лицу, шее и плечам. Мои глаза следуют за моей рукой, когда она скользит по ее коже. Перенеся свой вес на бок, я провожу рукой вниз к ее груди. Ее розовый сосок сморщивается и тянется к моему рту, но я просто провожу пальцами по нежной коже. Ее дыхание становится резким, кожа покрывается гусиной кожей, и когда я беру ее сосок между пальцами, слегка потягивая и пощипывая, она выгибается на кровати, и ее быстрый вдох эхом разносится по комнате.

Моему члену может грозить серьезная опасность преждевременной детонации, если я

не потороплю события, но, кажется, я не могу отодвинуться от нее. Она просто смотрит на меня широко раскрытыми глазами, и так близко к тому потерянному взгляду, который появляется у нее прямо перед тем, как она кончит.

Слегка наклоняясь, я беру другой сосок в рот, вращая языком и всасывая щеки, когда сильно посасываю. Она восхитительна на вкус; каждая частичка ее кожи вызывает аппетит.

Я провожу рукой вниз по ее телу, пока не натыкаюсь на голую, влажную кожу ее киски. Мой собственный рваный стон поднимается к горлу, когда я чувствую, насколько она готова, и толкаю свой твердый как камень член в ее бедро, пытаюсь немного ослабить давление.

— Черт, моя девочка готова для меня, — говорю ей в грудь, — Всегда готова для меня.

Она напевает что-то неразборчивое, прежде чем схватить меня сзади за шею и подтолкнуть свою грудь обратно к моему рту. Я тихо смеюсь, прижимаясь к ее коже, прежде чем обхватить губами ее сосок и глубоко пососать, давая ей все, что она хочет.

На этот раз я не сдерживаюсь. Мои зубы покусывают, язык облизывает и кружит, и когда я смыкаю губы вокруг ее бутона и тяну, она вскрикивает.

— Так хорошо, детка, — стонет она.

Я поворачиваюсь к ней с другой стороны и уделяю ей еще немного внимания, заставляя ее руку в моих волосах напрячься. Когда я засовываю два пальца глубоко в нее, она сжимает меня так сильно, что я едва могу вытащить пальцы обратно. Потирая ее клитор большим пальцем и сцепляя пальцы во время мягкого поглаживания, я заставляю ее стонать громче. Она оттягивает мою голову назад, и с одного взгляда я понимаю, что она готова. Моя девушка хочет меня, и она не боится дать мне знать.

— Пока нет, — шепчу я, приподнимаясь, чтобы встретиться с ее губами. Я пожираю ее, изливая себя в нее с каждым соприкосновением нашего языка и толчком моих пальцев. Когда я попадаю в то место внутри, которое всегда выводит ее из себя, она отрывается от моего рта и выкрикивает мое имя так громко, что я потрясен, что окна не разлетелись вдребезги.

Я жду, пока она кончит и посмотрит на меня своим ленивым взглядом, прежде чем вынимаю и медленно облизываю пальцы дочиста, наблюдая, как ее глаза расширяются, а губы слегка приподнимаются.

Скатившись с кровати, я подхожу к другой стороне и беру несколько презервативов с тумбочки, все это время ее глаза не отрываются от меня.

Или, я должен сказать, они никогда не покидают мой член, который, я уверен, в этот момент стал фиолетовым. Когда я возвращаюсь на другую сторону и встаю между ее раздвинутых ног, ее глаза все еще не отрываются от моей напряженной эрекции. Я бросаю все презервативы, кроме одного, на кровать и беру свой член в руку. Ее глаза вспыхивают, когда она наблюдает, как я поглаживаю себя, но когда ее розовый язычок высовывается и облизывает губы, у меня нет сомнений, что я в двух секундах от того, чтобы кончить на ее плоский живот.

Разрывая презерватив, я быстро надеваю его на себя. Впервые в своей жизни я жалею, что не могу взять ее без барьера. Я понимаю ее опасения, именно поэтому я пойду в клинику в понедельник. К счастью, доктор — мой старый друг, и он пообещал дать результаты к концу недели. Слава Богу, не могу дождаться, когда смогу взять свою девушку без защиты.

— Отодвинься немного назад, детка. Мы займемся творчеством позже, но прямо сейчас я хочу иметь возможность наблюдать за твоими глазами во время секса. — Она, не теряя времени, двигается назад, пока ее голова почти не свисает с края. Ни разу не сомкнув ног, ее

глаза больше не следят за моим членом. Они сверлят меня взглядом, умоляя поторопиться.

Я поднимаюсь и становлюсь на колени между ее ног, наслаждаясь видом того, как она отдается мне без колебаний. Ее глаза не отрываются от моих, когда я наклоняюсь вперед и переношу свой вес на ее тело.

Беру свой член в руку и тру ее влажный центр, резкий вздох вознаграждает меня каждый раз, когда мое кольцо касается ее клитора. Лучшее, что я когда-либо делал, — это проколлот свой член. Ей это нравится, и она не стесняется сообщать мне об этом с каждым вздохом или стоном, которые покидают ее тело. Не могу дождаться, когда она ощутит это без латекса между нами.

Я наклоняюсь и обхватываю одной рукой ее живот, разведя колени в стороны, а мой член прижимается к ее теплу. Целуя ее живот, прежде чем продолжить путь к шее, медленно добираюсь до ее уха. Нежно прикусывая его, я одобрительно мычу, когда она двигает бедрами вверх, пытаюсь насадиться на мой член. Я наклоняюсь и удерживаю ее взгляд, пока толкаюсь в нее всего на несколько сантиметров. Она тает, другого слова нет, она просто тает в постели, одновременно отталкиваясь ногами, чтобы попытаться ускорить мой вход.

— Терпение, детка. Почувствуй это. — Ни в коем случае нельзя упускать эту связь между нами. Неудивительно, что я был без ума от нее в ту секунду, когда мы встретились взглядами. Она чувствует это, без сомнений, когда я мучительно медленно вонзаюсь в ее тело. Ее глаза расширяются, и мои бедра прижимаются к ее. Ее ноги обвиваются вокруг моей спины, пятки впиваются в меня. Ее руки обвиваются вокруг моей спины, а ногти впиваются в кожу, когда я двигаю бедрами, и мой пирсинг у основания трется о ее клитор.

Я наклоняюсь вперед и крепко целую ее, прежде чем отстраниться и прижаться лбом к ее лбу. Только тогда я начинаю медленно вынимать член, пока почти не теряю ее жар. Когда я так же медленно толкаюсь обратно, она пытается снова вонзиться, умоляя меня ускорить.

— Терпение, детка, позволь мне любить тебя. — Ее глаза расширяются, и рыдание застревает у нее в горле. — Просто позволь мне показать тебе. Почувствуй это, Красавица.

Мелисса

О Боже. Он только что это сказал? Я даже не могу полностью запаниковать, потому что он прав. В этом нет ничего, что не кричало бы о любви.

Его взгляд ослепляет, его прикосновения и то, как он поклоняется моему телу, являются доказательством того факта, что это не что иное, как чистое занятие любовью. Это должно пугать меня, я должна бежать, но нет. Даже если это кажется опрометчивым, нет никакого способа отделиться от этого человека, ни физически, ни ментально. Он прав, я это чувствую. Правильно это или нет, независимо от того, насколько я напугана, я буду сожалеть всю оставшуюся жизнь, если не останусь.

— Я чувствую это, детка, — отвечаю я, затаив дыхание.

Сначала он, кажется, шокирован тем, что я выражаю согласие. Его улыбка, такая широкая, что в глазах появляются морщинки, касается его лица, а бедра опускаются вниз, прежде чем он говорит:

— Да, детка, это похоже на сон, но так хорошо, что я никогда не хочу просыпаться.

О, Боже.

У меня нет силы воли сопротивляться ему, когда он вот так раскрывается.

Мы продолжаем смотреть друг другу в глаза. Наши губы в нескольких сантиметрах друг от друга, а дыхание танцует с каждым выдохом. Мои пальцы сжимаются на толстых мышцах вдоль его спины, а ноги крепко прижимают его ко мне. Когда он снова попадает в мое

место, я знаю, что пройдет всего несколько секунд, прежде чем я потеряю контроль. Я чувствую, как мое освобождение уже формируется, растет и медленно распространяется по моему телу, как теплое одеяло. Ленты удовольствия расходятся от моего живота, мурашки танцуют по позвоночнику, и моя кожа нагревается до боли.

— Так... близко, так близко, — стону я в его губы. Он снова подается вперед и вращает бедрами, заставляя штангу тереться о мой набухший клитор.

Мое освобождение обрушивается с такой мощной силой, что я кричу, вцепляюсь ему в спину и прижимаюсь к нему, как шлюха. Господи, этот мужчина делает с моим телом то, чего я никогда не чувствовала.

Он продолжает медленно двигаться, пока моя выгнутая спина падает обратно на кровать, просто наблюдая за мной своими горящими глазами.

— Да. Ты чувствуешь это, детка. — Он говорит таким напряженным голосом, что я знаю, он прилагает все усилия, чтобы сохранить контроль. — Удивительно.

Он опускает голову мне на плечо и держит ее там несколько секунд, продолжая свою медленную ритмичную атаку. Я провожу руками вверх и вниз по его спине, наслаждаясь мягким рычанием, которое вибрирует в моей груди.

— Посмотри на нас, детка. — Его просьба кажется странной, пока он не поднимает голову с моего плеча и не повторяет. — Посмотри на нас. Смотри, как я люблю тебя.

Следуя за его взглядом вниз, туда, где соединяются наши тела, мои глаза замечают его толстую длину, когда он растягивает мое тело, чтобы принять его. Его член пропитан моим освобождением, и каждый раз, когда он исчезает глубоко в моем теле, его член ласкает мой клитор. Мы оба наблюдаем несколько минут, но когда удовольствие становится слишком сильным, моя голова прижимается к кровати, а глаза закатываются, и я снова прижимаюсь к нему. Выкрикивая его имя на всю комнату и слушая, как эхо отражается от стен, мои звуки смешиваются с его собственным криком освобождения.

Мы лежали, пытаюсь прийти в себя, казалось бы, несколько часов. Наш совместный пот, покрывающий мою кожу, начинает высыхать и мое тело начинает мерзнуть в тех местах, которые не соприкасаются с его. Мы не разговариваем, но это и не нужно. Я чувствую это, и он не ошибается. Это был не только самый сильный секс, который я когда-либо испытывала, но и он не ошибся, когда сказал, что любит меня. Возможно, я сама уже на полпути к этому.

Он перекачивается на бок, берет мою щеку в свою большую ладонь и поворачивает мою голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Чем бы это ни было для тебя раньше, детка, не нужно пытаться или идти медленно. Я знаю, ты это почувствовала; это было написано на твоём лице. Я чувствую, что только что нашел частичку себя, которая была потеряна навсегда. Кусочек головоломки, о пропаже которого я даже не подозревал, пока ты не вошла в мою жизнь. Это, мы... детка, я буду работать так усердно, как только смогу, а потом еще немного, чтобы доказать, что тебе нечего бояться.

Он ловит губами слезу, которая скатывается с моего глаза, и вслед за этим целует меня в губы, прежде чем встать с кровати и пойти в ванную. Я слышу, как включается душ, и через несколько секунд он возвращается, поднимает меня с кровати и несет под теплую воду. Очистив каждый сантиметр моей кожи, а затем и свою собственную, он снова показывает мне, каково это — быть любимой.

Когда мы, наконец, падаем обратно в кровать, он крепко прижимает меня к своему телу,

и его сильные руки крепко обнимают меня, и я засыпаю. Последняя мысль, которая проносится у меня в голове, прежде чем я отключаюсь, — мне больше не так страшно, если это то, на что похожа любовь.

Глава 19

Мелисса

Прошло чуть больше месяца с тех пор, как мы с Греггом официально стали парой. Все не было идеально, но было чертовски близко к этому. Верный своему слову, через несколько дней после того, как доктор Шеннон уволил меня, Грег договорился о собеседовании с доктором Робертсом. Он пожилой семьянин, который ведет собственную практику.

За эти годы он пополнил свою команду новыми врачами, и теперь ему нужно больше сестринского персонала. Он один из тех людей, на которых приятно работать, и, к счастью для меня, он хотел, чтобы я была в его команде.

Я начала работу через неделю после того, как меня уволили, и я самый счастливый человек, каким когда-либо была на работе. Также помогает то, что моя зарплата сильно подскочила. Больше нет переживаний, беспокойства о том, как я собираюсь растянуть свой чек, чтобы убедиться, что всем хватает.

Я поговорила с Греггом о том, чтобы он помог мне найти новую квартиру, поскольку теперь я могу позволить себе снимать жилье в более красивом и безопасном комплексе. Это и стало причиной нашей первой настоящей ссоры. Он не видит необходимости в том, чтобы я платила за жилье, когда я все равно провожу все свое время у него дома. По стечению обстоятельств, это произошло потому, что на следующий день после того, как мы стали жить вместе, он бросил взгляд на мою квартиру и район, в котором я жила, развернулся, не паркуясь, и отказался везти меня обратно. Я понимаю, к чему он клонит, и, честно говоря, я никогда не чувствовала себя там в безопасности. Так что если он хочет вести себя как взрослый ребенок и держать меня в заложниках, кто я такая, чтобы жаловаться? К этому прилагается один шикарный дом и самый лучший секс на свете. И, если быть до конца честной, я не хочу быть далеко от него.

У меня все еще есть квартира, но большая часть моих вещей потихоньку начала переезжать к нему домой. Отчасти потому, что мне это нужно, но я начинаю задаваться вопросом, не прикарманивает ли он мои вещи, а затем переносит их к себе домой, когда я не вижу. В любом случае, на данный момент мы в значительной степени живем вместе.

Наша вторая ссора произошла из-за моей машины. Несмотря на то, что она была готова через несколько дней после того, как Мэнди оторвалась на ней, Грег, не поставив меня в известность, сказал механику продать ее. На следующий день на подъездной дорожке к его дому стояла новая Хонда. Мы спорили из-за этого целый день. Ему пришлось терпеть мое молчание, но когда ему, наконец, надоело, он спокойно сказал мне, что хочет, чтобы я была в безопасности. Моя старая машина не могла обеспечить этого, поэтому он позаботился об этом. Когда это не сработало, он притянул меня ближе и сказал:

— Детка, после того как я потерял Грейс в автомобильной аварии, как думаешь, не могла бы ты, пожалуйста, уступить мне в этом? Я хочу знать, что ты в безопасности, когда меня нет рядом. — Да, этого хватило, чтобы я согласилась.

Мы сделали все традиционные семейные дела. Мы встречаемся, гуляем с друзьями, он познакомился с моей мамой, и у нас очень много секса. Я начинаю верить, что Грег Кейдж невероятно близок к совершенству.

Отношения со Сьюзен тоже успокоились за эти недели. Она звонила несколько раз, но

обычно только тогда, когда была пьяна в стельку. Мы с мамой думаем, что в конце концов она забудет о существовании Коэна и просто оставит нас в покое.

Единственное, о чем нам не нужно беспокоиться, — это Мэнди. Это еще одно обещание, которое Грег сдержал.

На следующий день он отвез меня в полицейский участок и помог заполнить необходимые протоколы, чтобы получить судебный запрет в отношении нее. Хотя он уверяет меня, что он никогда не понадобится, он все равно чувствует себя лучше, зная, что он есть. Только позже на той неделе он сказал мне, что у него был «напугствие от Бога» (как называет это моя мама) с Мэнди. Мне все равно, что случится с этой сукой, но, по его словам, она снова принимает лекарства и ищет помощи. «Снова принимает лекарства» должно было быть достаточным намеком на то, что она действительно психованная сучка. Может быть, в следующий раз она не откажется от этих чертовых таблеток. Все, что имеет значение, это то, что он говорит, что она не будет проблемой, и я ему верю.

Около двух недель назад я начала приводить Коэна в чувство. Если у меня и оставались какие-то сомнения в том, что Грег был идеальным мужчиной, то наблюдение за ним с моим племянником развеяло их. Ясно, что в его жизни должны быть дети, но когда он начал спрашивать меня о моих планах на будущее, когда речь зашла о Коэне, я начала немного беспокоиться о том, что, возможно, дети — это не то, чего он хочет.

Я ничего не могу поделать со своими страхами; все это просто кажется таким идеальным, что я продолжаю ждать, когда это произойдет и все просто взорвется у меня перед носом.

Итак, я сказала ему правду. Я хотела Коэна.

Моя мама хочет, чтобы у меня был Коэн. Он чертовски сумасшедший трехлетний мальчик, которому нужен кто-то, кто мог бы за ним угнаться. Он улыбнулся и сказал, что это отличный план, а затем продолжал сидеть со мной в течение нескольких часов и планировать наше будущее с участием Коэна.

В ту же ночь я поняла, что влюбилась в него.

Близится осень, а погода все еще достаточно хороша, чтобы наслаждаться длительным пребыванием на улице. И вот я здесь, на кухне у Грега, готовлю обед для двух самых важных мужчин в моей жизни. Грег и Коэн проводят некоторое время, занимаясь тем, что Коэн называет «мужской пух, нет бедрам», что в переводе смеющегося Грега означает «мужские шутки, детка, цыпочкам вход воспрещен».

Они ушли несколько часов назад, чтобы заняться тем, чем обычно занимаются мальчики. Моя мама любезно приняла мое предложение начать приглашать Коэна проводить со мной несколько выходных. Теперь, когда у меня есть место, где я чувствую себя в достаточной безопасности, чтобы взять его с собой, мы наконец-то проводим немного времени вместе.

Я только что разрезала последний бутерброд, когда слышу, как открывается входная дверь и маленькие ножки топают по коридору.

— Мелви! Мелви, смотри, что у меня есть! — И, как вспышка, вбегает Коэн в ярком красном плаще, развевающимся за его спиной. — Грег сказал, что это поможет мне сражаться с ниндзя. Он сказал, что все ниндзя боятся супергероев. Он сказал, что если у меня есть плащ, то у меня есть МАГИЯ! Магические силы, с которыми ниндзя не могут бороться, потому что они не супергерои! Мелви! Ты видишь? Видишь? — За все время, пока

он произносит эту речь, он ни разу не перевел дух. К тому времени, как он заканчивает, ему приходится сделать несколько глубоких вдохов, просто чтобы удержаться на ногах. Я оглядываюсь и вижу Грега, прислонившегося к дверному косяку, его руки скрещены на плотной груди, а на лице широкая ухмылка. Я улыбаюсь ему, прежде чем снова обратить свое внимание на Коэна, который теперь бегаёт кругами и пинает ногами каждые несколько секунд. Я думаю, он сейчас сражается с ниндзя и совершенно забыл о нас.

— Иди сюда и покажи мне свои силы, малыш. Я уже могу сказать, что ниндзя будут так тебя бояться! Держу пари, они больше даже не приближаются к дому бабушки!

Он прекращает свое странное верчение ногами и прыгает в мои объятия.

— Ты чувствуешь мою силу? — он громко шепчет мне в лицо. — Грег сказал, что у меня тоже есть силы против тебя, — говорит он, все еще громко шепча.

— О, он знает, не так ли? — спрашиваю я и смотрю на Грега, наблюдая, как его беззвучный смех сотрясает его тело.

— Ко, дружище, это не то, что ты должен говорить дамам. — Грег смеется в ответ Коэну и подходит, чтобы взъерошить его волосы.

— Хорошо, скажи мне, малыш, какие силы у тебя есть против меня?

— Я могу заставить тебя полюбить меня! — Он смеется и смотрит на Грега, кивая своей маленькой головкой: — Грег сказал, что я могу заставить тебя полюбить меня, и все, что мне нужно сделать, это улыбнуться! Он сказал мне, что это сработало на нем, так что это должны быть магические силы, Мелви! Он сказал мне. Он сказал, что все, что мне нужно сделать, это улыбнуться, и все влюбятся в меня, потому что я особенный.

Хорошо. Черт. Теперь у меня перехватило горло, и я чувствую, как щиплет глаза. Я сейчас заплачу.

— Он так сказал? — Я хриплю.

— Мелви, что не так с твоим лицом? Ты выглядишь забавно. Как в тот раз, когда ты уронила что-то себе на ногу и выкрикнула действительно плохое слово; у тебя такое лицо. — Он берет обе мои щеки в свои маленькие ладошки и поворачивает мою голову, изучая каждый дюйм. — Да, выглядишь забавно. — Затем он извивается, чтобы спуститься, и бросается бежать по дому, крича ниндзя, чтобы они были осторожны, потому что он собирается выследить их.

— Тебе, наверное, стоит пойти и убедиться, что он не разрушает дом, — шепчу я Грегу, который теперь притягивает меня в свои объятия.

— Меня не заботит то, что он может сломать.

— Даже твой новенький плоский экран? — спрашиваю я, все еще пытаюсь контролировать свои эмоции.

— Нет.

— Даже дорогой компьютер?

— Даже он.

— Ты любишь его? — Он слегка наклоняется и целует меня в нос. Когда он отстраняется, я вижу это. Его улыбка широка, до самых глаз, отчего морщинки от смеха становятся глубже. Эти голубые глаза, которые я так люблю, искрятся юмором, но я вижу это ясно, как божий день.

— Да, красавица, я люблю его.

— Ой. — Жалко, но это все, что у меня есть для него. Я уверена, что мое «забавное лицо» стало еще смешнее. Я не смогу остановить слезы, даже если попытаюсь. Мысль о том,

что этот человек, который уже украл мое сердце, любит Коэна так же сильно, как и я, просто невыносима.

— Детка, как ты можешь быть такой слепой, когда твои глаза широко открыты? Даже если он не был самым крутым ребенком, которого я когда-либо встречал, даже если мне не доставляло адского удовольствия заново переживать свое детство с этим маленьким парнем, он — часть тебя. Нет, он не твой, и я это понимаю, но он часть тебя, и Красотка, как я могу это не любить?

О, Боже.

— О, — повторяю я и кладу голову ему на грудь. Он смеется несколько раз, прежде чем обхватить мое лицо ладонями и слегка оторвать мою голову от своей груди.

— О? Это все, что ты мне скажешь? — Он шутит. Как он может шутить прямо сейчас, выше моего понимания.

— Что ты хочешь, чтобы я сказала? Ты должен быть со мной откровенен, детка, потому что я не хочу неправильно истолковать то, что ты мог бы сказать прямо сейчас. — Мой голос звучит забавно, и слезы уже начали капать свободно. Он просто продолжает улыбаться мне сверху вниз, обе его теплые ладони на моих щеках, а его большие пальцы продолжают смахивать мои слезы. Все это время он просто продолжает улыбаться.

— Хорошо. Мне нравится, что ты у меня дома, засыпать, прижимая твоё тело к своему, и просыпаться, все еще держа тебя в своих объятиях. Я люблю приходить домой и ужинать с тобой у себя дома, смотреть фильмы на диване, когда ты лежишь на мне. Мне нравится получать твои звонки каждый раз, когда происходит что-то нелепое, о чем тебе просто не терпится мне рассказать. Я люблю Коэна. Он потрясающий, и однажды я хотел бы стать постоянной частью его жизни. Но я люблю его не потому, что он великолепен. Нет, я хочу быть постоянной частью его жизни, потому что я глубоко влюблен в его тетю. Красавица, я люблю тебя.

— Ты любишь меня? — снова шепчу я через несколько мгновений, просто принимая его.

— Да. Сильно. — Его сильный голос окутывает меня, а его любовь подобна теплоте одеяла. Я чувствую это как осязаемую вещь, заполняющую комнату.

— Я тоже тебя люблю. Боже, я... так сильно.

Мои тихие слезы теперь превратились в рыдания. Он на секунду отпускает мое лицо, но только для того, чтобы поднять меня за бедра и усадить на столешницу. Мои ноги автоматически раздвигаются, и он входит, обнимая меня руками и прижимая мою голову к своей шее.

— Детка, насколько я могу судить, это хорошо. Почему ты плачешь из-за этого? — спрашивает он, его голос грохочет у моего уха. Он стоит там, прижимая мою голову к своей груди, и позволяет мне насладиться моментом. Молча, он был моей опорой, моей силой, и принадлежит мне.

Когда я слышу несколько громких хлопков и победный боевой клич Коэна, я знаю, что это только вопрос времени, когда наш момент будет прерван.

Я отстраняюсь и вытираю глаза, прежде чем посмотреть в глаза Грегу.

— Ты любишь меня? — Я спрашиваю снова, но на этот раз показываю свое счастье и улыбаюсь так широко, что даже немного больно.

Он откидывает голову назад, и его смех разносится вокруг нас.

— Да.

— Это хорошо.

— Ты ошибаешься, детка, — говорит он с улыбкой. — Это не хорошо, это чертовски потрясающе.

Поскольку сегодня воскресенье, и мы с Греггом оба начинаем работать довольно рано, мы привозим Коэна домой перед ужином, чтобы мы могли пойти куда-нибудь и немного побыть вдвоем до начала недели. Это тоже то, что мы стараемся делать в течение недели. Когда в офисах службы безопасности Корпорации творится что-то безумное, он иногда возвращается домой после ужина. Поэтому, если у нас есть время, мы берем за правило проводить вместе такое особенное время, как это.

«Супер Ко», как нам было приказано теперь называть Коэна, врывается в дом моей мамы в ту же секунду, как Грег паркуется. Его плащ развеивается на ветру позади него, и мы уже слышим, как он начинает свою речь с моей мамой. Грег подходит и берет меня за руку, прежде чем мы направляемся в дом.

Когда мы добираемся до кухни, Коэн все еще кричит о своей магии.

— О боже, это хорошие новости, детка. — Моя мама улыбается нам и крепко целует Коэна, прежде чем он убегает в свою комнату, чтобы убедиться, что там нет никаких ниндзя.

— Этот мальчик иногда такой забавный, — говорит она, качая головой. — Мели-Кейт, иди сюда, детка. — Я отпускаю Грега и захожу в ее объятия.

— Ты сегодня выглядишь счастливой, — шепчет она мне на ухо.

— Да, — шепчу я в ответ. — Я действительно счастлива.

— Это хорошо, детка. Ты заслуживаешь этого.

Она отстраняется и целует меня в лоб, прежде чем повернуться к моему мужчине.

— Иди сюда, красавчик, и доставь этой старой леди немного острых ощущений. — И вот тут начинается еженедельное наслаждение моей матери моим парнем и смущение меня на каждом шагу.

— Лилли, — говорит он и подходит, обхватывает ее руками и поднимает ее с ног в крепком объятии.

Она громко смеется и игриво шлепает его по руке, когда он опускает ее.

— Такой сильный мужчина! Отведи мою девочку домой и пожелай ей спокойной ночи. — Она хихикает, и я густо краснею.

— Мама! Боже! — Они оба смеются, наслаждаясь этой новой попыткой команды тэгов смутить меня.

Мы остаемся на кухне на некоторое время, прежде чем Грег извиняется, чтобы пойти попрощаться с Коэном. Как я могла так долго не замечать, как сильно он заботится о моем племяннике?

Я не осознаю, что ошеломленно смотрела на пустой коридор, пока тихий смех моей матери не обволакивает меня.

— О, моя дорогая девочка, ты попала.

Я оглядываюсь и улыбаюсь своей матери. Ее глаза затуманены эмоциями, но печаль не входит в их число. Ее улыбка огромна, и вы можете сказать, что она счастлива, что я нашла это.

— Ты понятия не имеешь насколько. Он невероятный, мама, и он любит Коэна. Можешь в это поверить? Он любит этого сумасшедшего ребенка так же, как если бы он был его собственным. Так же, как и мы.

— Я знаю, детка. Я могла бы избавить тебя от необходимости разбираться во всем этом

самостоятельно, но я знала, что ты добьешься своего. Он хранитель, Мели-Кейт. Я знаю, что у меня не самый лучший послужной список, когда дело доходит до оценки мужчин. Сначала с твоим отцом, а потом... ну, я просто не знаю. Но с таким человеком, как он, сомнений нет. Он именно такой мужчина, о котором ты мечтаешь, детка. Никогда не позволяй своему прошлому затуманить это знание.

— Не позволю. Я люблю тебя, мама.

— Я знаю это, милая. — Мы обнимаем друг друга и садимся поболтать о том, что произошло на этой неделе, пока ждем, когда мальчики закончат свои дела. Минут через тридцать или около того Грег возвращается, смеясь.

— Он заснул прямо на середине предложения. Мы сидели там, обсуждая лучшие способы борьбы с летающими ниндзя, и бац, его маленькая головка просто уткнулась мне в колени, и он отключился. Лилли, я передел его в пижаму, чтобы тебе не пришлось беспокоиться об этом.

Она лучезарно улыбается ему, наклоняется и шепчет мне на ухо:

— Хранитель.

Вскоре после этого мы уходим и направляемся в центр города в нашу любимую закусочную с бургерами. Мы только сели, когда зазвонил его телефон, и он извинился, чтобы ответить на звонок снаружи. Его не было всего несколько минут, когда он вернулся внутрь, выглядит взволнованным.

— Ты в порядке?

— Да, я в порядке. Просто какое-то дерьмо от Акселя, но ничего особенного. Слушай, я столкнулся с Мэнди на улице. Ничего не случилось, но давай уйдем, хорошо?

Черт. Как раз тогда, когда мы думали, что эта женщина ушла навсегда.

— Конечно, детка. — Мы оплачиваем счет и упаковываем наши блюда. На выходе я вижу Мэнди, стоящую рядом с несколькими подружками. Мне не мешает видеть ее, но что меня беспокоит, так это взгляд, который она бросает на меня.

Она может дурачить других, но я вижу чистое зло за этой тщательно одетой маской. И я просто знаю, что она с нами еще не закончила.

Той ночью, после трех умопомрачительных оргазмов, я лежала в объятиях Грега и спросила его о его разговоре с Акселем. Я забыла, что, когда он упомянул Мэнди, он выглядел расстроенным, более расстроенным, чем обычно, когда видит ее лицо. Мне не нравится знать, что его что-то беспокоит, если есть шанс, что я могу этому помочь.

— Детка? — спрашиваю я, поднимая голову с его груди.

— Хм, — отвечает он, все еще проводя пальцами по моей спине. Его глаза закрыты, а лицо пустое, но умиротворенное.

— Чего хотел Аксель сегодня вечером?

Его глаза резко открываются, и взгляд, который мне совсем не нравится, сменяет его пустое выражение.

Он что-то скрывает и дерьмово с этим справляется.

— Ничего. Просто какое-то дерьмо, которое мы обсуждаем уже некоторое время.

Я могла бы надавить, и моя интуиция подсказывает мне, что я должна это сделать, но гордость останавливает. Я знаю его, и то, что его беспокоит, глубоко ранит его. Он скажет, когда будет готов, но мне неприятно думать, что между нами есть секрет.

— Ладно. Если захочешь поговорить, просто дай мне знать.

Его глаза загораются, но что бы там ни было, оно исчезает прежде, чем я успеваю это

ПОНЯТЬ:

— Знаю. Люблю тебя, Красавица.

— Я тоже тебя люблю.

Впервые за несколько недель мой сон не был спокойным.

Глава 20

Грег

Последние два часа я лежу в постели с Мелиссой, прижатой к моему телу, и не могу заснуть. Сегодня был идеальный день, но когда Аксель позвонил и через две секунды разговора спросил меня, сказал ли я ей, мое настроение быстро испортилось. Когда мы не вели эти бесконечные дебаты о том, почему было так важно, чтобы я сделал это прямо сейчас. Он сорвался прежде, чем я смог это остановить.

Я знаю, что он прав. Мне нужно рассказать Мелиссе о моей связи с Саймоном Вагнером. И мне нужно было сделать это еще вчера. Чем больше проходит времени, тем больше комок беспокойства растет у меня в животе. Я не думаю, что она восприняла бы это так хорошо, если бы я сказал ей раньше, но теперь, когда мы оба твердо вложились в эти отношения и наши чувства наконец-то проявились, что ж... Не думаю, что все пройдет хорошо.

Оборачиваюсь после того, как выпаливаю:

— Я, блядь, расскажу ей о Саймоне завтра; просто заткнись на хрен, — и вижу Мэнди, стоящую позади меня, — это не желанное место. Неизвестно, как долго она там пробыла, но любое количество времени — это слишком долго. Я по глупости только что выплеснул все это наружу, и если она пробыла там достаточно долго, она знает одну вещь, которую я скрываю от своей девушки, одну вещь, которая может иметь силу встать между нами.

Я даже не уделяю ей ни секунды своего времени. Я захожу, хватаю свою девушку и убираюсь оттуда к черту.

И ни разу с того телефонного звонка мое сердце не успокоилось. Мне нужно сказать ей, а потом разобраться с этим. Я могу сказать, когда она расспрашивает меня о звонке Акселя, что она не до конца верит в то, что я должен сказать. И на то есть веские причины, поскольку она знает меня достаточно хорошо, чтобы понимать, что я что-то от нее скрываю.

Следующее утро ненамного лучше. Мы оба проспали, так что к тому времени, как мы спускаемся вниз, у нас остается как раз достаточно времени для быстрого поцелуя, прежде чем отправиться на работу. Я следую за ней и смотрю, как она заезжает в свой офис, прежде чем продолжить путь по улице к Корпусу.

К счастью, последние несколько недель здесь было тихо. И золотой тротуар, кажется, поддерживает Свея в достаточно хорошем настроении, чтобы он не возился с нами почти так же часто, как раньше. Я действительно несколько раз ловил, как он посыпал Купа блестками, и этого достаточно, чтобы мы все смеялись как минимум неделю.

Эмми чувствует себя лучше, но я все еще вижу некоторую боль в ее глазах. Она решила, что лучше всего полностью дистанцироваться от Мэддокса. Я не знаю, сознательно ли она это делает, но ему это не нравится.

Я только сел, чтобы начать просматривать электронные письма, когда моя дверь открывается и входит Аксель.

— Все еще не сказал?

Говорит он и садится передо мной.

— Отвали.

— О, не сказал, и секрет спрятался намного глубже, да?

— Господи Боже. Что? Что ты хочешь, чтобы я сказал? Нет, мы не разговаривали прошлой ночью, потому что, как только я поговорил с тобой по телефону, что уже помешало нашему ужину, мне пришлось наткнуться прямо на гребаную Мэнди. Так что нет, к тому времени, как я вернулся домой и полюбил свою женщину по-настоящему, я был не в настроении портить это дерьмо.

Он откидывается назад и выпускает долгий вздох.

— Я понимаю тебя, чувак, понимаю, но это дерьмо надо решить.

— Думаешь, я не знаю? Мне не терпится не только вскрыть эти старые раны, но и посыпать их солью, когда я расскажу ей. Ты думаешь, я недостаточно чувствую себя виноватым? Я мог бы остановить его, Аксель! Я мог бы остановить его, но вместо того, чтобы оставаться рядом, я ушел пить и трахаться, чтобы попытаться забыть. Я позволил ему ускользнуть, и, в свою очередь, человек, убивший мою сестру, женился на ее сестре. О, чертовски веселый ход судьбы. Наконец-то сведя нас вместе только для того, чтобы это осталось между нами.

— Seriously, Грег? Вот что тебя гложет? Как, черт возьми, ты считаешь, что это может быть хотя бы отдаленно твоей виной в том, что он оказался с ее сестрой? Ты не знакомил их, ты не нажал на гребаный курок, так что я просто не понимаю, как ты складываешь один и один и получаешь пять. — Он наклоняется вперед и кладет локти на колени, прежде чем продолжить. — Брат, это не твоя вина, так что отпусти это.

— Но это так, Аксель. Это так.

И в этом корень проблемы. После смерти Грейс я был слишком измучен, чтобы оставаться рядом и разбираться с чем бы то ни было. Моя мать сошла с ума и провела годы, пока я исчез, медленно позволяя ее сердцу увядать. К тому времени, когда я вытащил голову из задницы и вернулся к ней, она была в беспорядке. Она продержалась еще год, прежде чем я потерял и ее. Моя голова была не рабочей, чтобы иметь дело с Саймоном Вагнером.

К тому времени, когда я начал свой бизнес в Атланте и, наконец, разыскал его, я был потрясен, узнав, что он был всего в нескольких округах отсюда и снова женился. Это было тогда, когда я начал присматривать за ним, когда мог. А когда я не смог, у меня был Деррик. Что за гребаная шутка.

— Тебе нужно сказать ей, но тебе также нужно перестать обвинять себя в дерьме, в котором нет твоей вины.

— Слышу тебя, брат, но это не значит, что я собираюсь согласиться с тобой прямо сейчас.

После нескольких минут молчания он оставляет меня наедине с моими безмолвными размышлениями. Мелисса звонит немного позже, чтобы сообщить мне, что она собирается пойти с Иззи и девочками на ужин сегодня вечером. Надеюсь, это означает, что она выпьет несколько бокалов вина и вернется домой в хорошем настроении. Но это также дает мне шанс собраться с духом и поговорить с ней, что я откладывал неделями.

— Привет, Грег, — говорит Эмми, входя в мой кабинет и кладя на стол несколько папок. — Она говорила с тобой? — По тому, как она подчеркивает слово «она», я знаю, что она говорит не о Мелиссе. В последнее время они стали неразлучны, как две сетры, и, если я не пропустил крупную драку, они все еще дружат.

— Э-э, она — «кто»? — Я спрашиваю.

— Серьезно? Боже, терпеть не могу эту женщину. Мэнди. Она была здесь около часа назад. Прошла мимо, пока я разговаривала по телефону, так что я не смогла ее остановить. Думаю, ты разговаривал с Акселем. В любом случае, она вернулась и вышла за дверь через несколько минут, так что я просто предположила, что ты выгнал ее.

— Черт, — я шиплю. — Она была здесь?

— Хммм, да? — Я могу сказать, что она выглядит слегка обеспокоенной тем, что я так разозлился из-за появления Мэнди. Она уже начала пятиться из офиса, когда я стараюсь взять себя в руки.

— Эмми, я расстроен не из-за тебя. В следующий раз, когда увидишь ее, не пропускай ее мимо этих дверей. Брось телефон, если тебе придется. Черт, брось в нее эту чертову шпuku, но она не сделает и двух шагов в это здание, хорошо?

— Конечно, Грег. — Она хмурит брови и поспешно ретируется за дверь.

Черт. Это еще один поворот, который не нужен в это время. Кто, черт возьми, знает, чего сейчас хочет Мэнди, но я знаю одно, ничего хорошего из этого не выйдет.

День становится все хуже и хуже. Ничто, кроме обеденного звонка Мелиссы, не радует и не веселит. К тому времени, когда я прихожу домой, у меня настолько поганое настроение и я настолько измотан от того, что мой разум весь день бешено работал, что я заваливаюсь на диван и отрубаясь через несколько минут после того, как включаю телевизор. К моему несчастью, поскольку я сплю, я пропускаю все телефонные звонки от Иззи, затем от Ди, Эмми и, наконец, Акселя несколько часов спустя.

Единственный звонок, который я не пропускаю, это звонок от Мелиссы. И то потому, что его никогда не было.

Глава 21

Мелисса

Работа была, как правило, нормальной. Доктор Робертс в хорошем настроении, поэтому легко поддерживать его настрой. Я все еще немного беспокоюсь о Грее и о том, что его беспокоит, но я полна решимости сделать сегодняшний день хорошим. Я звоню ему несколько раз в течение дня, просто чтобы убедиться, что с ним все в порядке, и с каждым разом его голос звучит все более обеспокоенно. Я ненавижу знать, что ему больно, даже если он что-то скрывает от меня. Все еще больно сознавать, что он чувствует, что ему нужно что-то скрывать от меня.

Когда Иззи звонит с идеей устроить импровизированный девичник, я полностью за. Я не избегаю возвращения домой, просто не хочу. Я заканчиваю работу пораньше и бегу домой, чтобы переодеться, прежде чем отправиться в Хэви на встречу с девочками. По дороге я проезжаю мимо Грега, но он не смотрит на другую полосу и не видит меня. Я подумываю позвонить, но решаю, что не буду долго отсутствовать, так что в этом нет необходимости. Когда я вернусь домой, я посажу его и попрошу поговорить со мной.

Я знаю своего мужчину, и он, возможно, не захочет говорить мне, что нависло над его головой, но если я спрошу, он скажет.

Я подхожу к Хэви как раз в тот момент, когда подъезжают Ди и Иззи. Ди подпрыгивает с беззаботной улыбкой на лице.

— Эй! Разве ты не выглядишь такой непринужденно-горячей сегодня вечером! Иззи, — кричит она через плечо. — Ты видишь? Ты избавилась от джинсов и футболки!

— Заткнись, Ди! Я не надевала свою одежду уже много лет, знаешь почему? Потому что

ты все выкинула! Как ненормальная фея моды. Кто так делает? — Она смеется над Ди. У этих двоих такая дружба, которой позавидовал бы любой. Мне невероятно повезло, что они есть в моей жизни.

— Вы сумасшедшие, знаете? Где Эмми? — Я оглядываю парковку, но не вижу ни ее, ни ее машины. — Я встретила Грега по дороге сюда, так что я знаю, что она не в офисе. Она никогда не уходит, пока он все еще там. — Они обе обмениваются взглядами, такими взглядами, которые все объясняют одним взглядом.

— Что? Что-то случилось? — У нас с Эмми крепнет такая же дружба, как у Иззи и Ди. Мысль о том, что с ней что-то не так, сильно поражает меня. Я знаю, что она борется со своими чувствами к Мэддоксу, и после того, что произошло на свадьбе Иззи и Акселя, я думаю, мы решили, что лучше на некоторое время отступить. Эта девушка, ее сердце слишком велико для ее собственного тела.

— Нет, ничего, но я знаю, что Мэд устал от того, что она его отталкивает. По словам Купа, который слышал это от Бека, который слышал это от Свея, они устроили шоу на парковке сегодня днем. После этого я мало что знаю. Аксель не знает, что произошло, потому что он взял отгул на вторую половину дня, чтобы побыть с Нейтом, чтобы я могла немного поработать. Я позвонила ей, и ее голос звучал нормально, но она сказала, что хочет остаться дома на ночь. — Иззи заканчивает говорить и поворачивается, чтобы зайти внутрь.

— И это все? Ты просто позволила ей сорваться с крючка под каким-то дурацким предлогом? Вы, девчонки, знаете ее: если что-то случилось, ей больно.

— Мели, мы ничего не можем сделать. Она должна сама понять, что он не собирается приходить в себя. Я сказала ей, что зайду перед тем, как пойду домой. Ей нужно время. — Я смотрю на Ди так, как будто она, черт возьми, сошла с ума. Последний человек, который должен давать Эмми какие-либо советы по отношениям, — Ди. Люблю ее, но, черт возьми, она такая же испорченная.

— Правда, Ди? Это тот путь, который ты решила использовать между собой и Бекком? — Она вздрагивает, и я мгновенно жалею о своем уколе. — Прости, Ди, не стоило так говорить. У меня на уме кое-какое дерьмо, и я не хотела вымещать его на тебе.

— Все в порядке. На самом деле, я знаю, вы все не понимаете, что у меня с Бекком, потому что я никогда вам этого не говорила. Я просто знаю, каково это — хотеть невозможного, хорошо. Дай ей немного времени. — Она слабо улыбается мне, прежде чем повернуться и подойти к Иззи, которая нетерпеливо ждет, чтобы попасть внутрь. Ради такой мелочи она убирает телефон, как взрослая.

Мы некоторое время наслаждались нашим ужином и обсуждали все, что происходило с момента нашей последней встречи. Мы стараемся устраивать девичник хотя бы раз в неделю, но из-за того, что Нейт заболел на прошлой неделе, а Ди пришлось уехать в Северную Каролину, чтобы разобраться с чем-то в ее другом офисе, остались только я и Эмми.

— Что происходит в другом отделении? Ты стала ездить раз в две недели. — Насколько я понимаю, у нее настолько налажен другой филиал ее страховой компании, что она может исчезнуть на год, и все будет в порядке. Даже Грег говорит, что он впечатлен командой, которая у нее работает.

Она глубоко вздыхает и оглядывается по сторонам.

— Не говори мальчикам, хорошо? Я не хочу, чтобы они разбирались с этим, пока я не

узнаю больше. В отчетах есть некоторые несоответствия. Платежи поступают по крупным полисам, но записи разбросаны повсюду, и похоже, что каких-то средств не хватает. Я разбираюсь. Я просто не хочу, чтобы парни ворвались внутрь с оружием наперевес и причинили больше неприятностей, чем необходимо.

— Эм, Ди, мне неприятно указывать на очевидное, но как именно ты собираешься позаботиться об этом, чтобы никто из них не пронюхал? Ты же знаешь, они бы ничего не сделали, не спросив сначала. — Иззи знает их лучше, чем я, но даже я думаю, что она уменьшает. Если они узнают, что одна из «их» девочек в беде, они перевернут все сверху до низу, чтобы решить проблему. Я решаю, что на данный момент было разумнее держать рот на замке и наблюдать, как они разбирают это дерьмо.

— У меня все под контролем, Иззи. Как только я выясню, что происходит, я дам им знать, и они помогут мне понять, куда двигаться дальше. Я не хочу, чтобы из этого делали большое дело. Я могу потерять клиентов, если это выльется наружу.

— Не хочу указывать на очевидное, — перебиваю я, — но разве Мэддокс не похож на компьютерного хакера? Вероятно, он мог бы взломать тамошние серверы и вычислить след еще до того, как ты успеешь туда прилететь. Почему бы не попросить его и не сделать это быстро?

— Это неплохая идея, Ди, — вмешивается Иззи.

— Нет. Ты знаешь, что он может молча поддерживать тебя, Иззи, но если он узнает, что у тебя неприятности, он не будет держать рот на замке.

— Я думаю, ты ошибаешься, но опять же, ты знаешь их лучше, чем я. Я собираюсь сбежать в туалет и зайти в бар за добавкой. Вы хотите чего-нибудь еще, кроме пива? — Я встаю из-за стола и даю им время все обдумать. Иззи может достучаться до нее лучше, чем я.

Может быть, если бы я не перебирала все то, что могло быть не так с Ди и ее компанией, или между Эмми и Мэддоксом, или что не так с Грегом, я бы заметила ловушку, в которую попала. Я делаю два шага в туалет, и там она.

Расставив ноги и скрестив руки на своих смехотворно больших сиськах, она, как я предполагаю, хмурится из-за ботокса на лице.

— Господи, чего ты хочешь? Ты же понимаешь, ты нарушаешь свой судебный запрет, верно? — Я игнорирую ее и продолжаю заходить в кабинку. Когда я заканчиваю, она все еще стоит там в той же позе. Трудно сказать, смотрит ли она на меня свирепо или ее лицо застыло. — Что?! Ты действительно не хочешь выводить меня из себя сегодня вечером, Мэнди, действительно не хочешь.

— Где твой парень? — Боже, даже от ее голоса мне хочется проткнуть себе уши ножами.

— Где находится мой мужчина, не твое дело. Как насчет того, чтобы ты сказала мне, в чем дело, чтобы я могла снова наслаждаться своим вечером и вернуться к СВОЕМУ мужчине.

— Ты действительно тупая сука. — Она откидывает голову назад и смеется. Звучит как злобный маленький тролль.

Я подхожу к ней и подхожу близко, достаточно близко, чтобы убедиться, что если она меня разозлит, я смогу позаботиться о ней без особых усилий.

— Что. Ты. Хочешь? — Я вгоняю каждое слово в суть маленькими тычками в ее фальшивые сиськи. — Хм, они кажутся твердыми, как скала. Конечно, ты не видела, за что платила?

— Заткнись! — Она визжит. Да, визжит.

Звук, который вырывается из ее рта, похож на шум, который вы слышите, когда стоите на пляже и миллионы морских чаек атакуют вас. Эта сука сумасшедшая.

— Мэнди, я устала и не хочу сейчас слушать твое дерьмо. Не могла бы ты, пожалуйста, просто сказать то, что хочешь?

— Скажи, Грег тебе все рассказывает? Вы живете как в раю? Я знаю, как доставить удовольствие такому мужчине, как он, и могу заверить, что он несчастлив. Ему это нравится определенным образом, и я сомневаюсь, что у тебя есть такая... мужественность.

— Мужество? Ты знаешь, что это такое? Поверь, милая, когда дело касается Грега, мое мужество за твоими пределами понимания.

Она несколько секунд смотрит на меня в замешательстве, явно сбита с толку моим комментарием. У меня была подруга в старшей школе, которая только переехала в Америку из Лондона, и каждый раз, когда моя мама называла ее мужественной, она пререкалась. Она говорила, что для нее мужество всегда означало сперму. Нам нравилось называть людей мужественными, когда они выводили нас из себя, потому что для нас было забавно, когда нас называли спермой. Мне все равно, сколько тебе лет, это дерьмо никогда не устареет.

— Что? Неважно. Ответь мне. Между вами есть секреты? Я знаю, что есть и это позор потому что он никогда ничего от меня не скрывал.

Мой желудок сжимается, потому что, хотя я знаю, что она сумасшедшая, у нас действительно есть секреты. Или, по крайней мере, у него есть. Два дня назад я бы рассмеялась ей в лицо и, возможно, ткнула одну из ее сисек, но сегодня, нет, сегодня у меня уже есть это семя сомнения, посаженное так глубоко, что все, что она делала, это поливала его и смотрела, как оно растет.

— Серьезно? Ты настолько спятила, что начала выдумывать ложь? — Самодовольная улыбка, которая искривляет ее фальшивые черты, пробирает меня до костей.

— Я ходила к нему сегодня. Когда он увидел меня прошлой ночью, он умолял меня прийти в офис и поговорить с ним. Я знала, что это только вопрос времени, когда ты ему надоешь, поэтому я ждала. Я ждала, и я была права. Но я была потрясена, узнав, почему он порвал с тобой.

— Мэнди, ты, блядь, спятила. Я ухожу. Не собираюсь стоять здесь и слушать, как ты лжешь о МОЕМ мужчине. Ты слышишь это и вбей это в свою гребаную голову — он не твой и никогда им не будет. — Я двигаюсь, чтобы обойти ее, но она обходит меня стороной, преграждая путь к двери.

— Кто такой Саймон, Мелисса? — Ее вопрос заставляет меня похолодеть. Откуда, черт возьми, она могла знать о Саймоне.

— Я не понимаю, о чем ты, Мэнди. Это новый мужчина, которого ты планируешь заполучить на крючок? — Слава Богу, мой голос звучит твердо, несмотря на то что я чувствую внутри. Внутри я медленно умираю. Ни за что на свете она не узнала бы о Саймоне, если бы это не исходило от Грега.

— О, ты глупая, глупая девчонка. Позволь рассказать о том, что я знаю. Твоя сестра была замужем? Хмм? Может быть, за Саймоном? Ну, чего ты не знаешь и что твой дорогой Грег скрывает от тебя, так это то, что Саймон был женат на его сестре. — Мне требуется все, что у меня есть, каждая унция контроля, чтобы не отреагировать на ее слова.

Она не ждет, прежде чем нанести последний удар.

— Знаешь, что он сказал мне сегодня? Он сказал, что ему надоело смотреть на тебя,

потому что каждый раз, когда он делал это, все, о чем он мог думать — как ты связана с человеком, который убил его сестру. Он больше не мог находиться рядом с тобой, потому что ты напоминаешь ему обо всем, что он ненавидит.

Она выплевывает последнее слово, и хотя я уверена, что вся краска отхлынула от моего лица, я стою на своем и ничего ей не даю.

— Тебе придется придумать что-нибудь получше, если ты планируешь отпугнуть меня, Мэнди. Спокойной ночи. — Я обхожу ее и иду по коридору. Я даже не вижу бар вокруг себя или посетителей, наслаждающихся едой и смеющихся над всем счастьем в их мире. Счастье, которое было во мне, только что покинуло мое тело. Я чувствую себя совершенно опустошенной.

Откуда она знает о Саймоне? Она знает о Фиа. А Грейс? Если бы я даже могла ей поверить, это означало бы, что Грег скрывал от меня что-то важное. Грейс была замужем за Саймоном? Он знал это все то время, пока я рассказывала ему о Коэне, моей сестре, ее смерти... он знал, кто такой Саймон, и он знал, кто такой Коэн.

О Боже, он мог бы остановить его!

Как только эта мысль приходит мне в голову, я чуть не падаю от чудовищности ситуации. Сестра Грега умерла более десяти лет назад, и он знал, что это сделал Саймон. Он сказал мне, что исчез после этого случилось, но если бы он остался рядом и убедился, что Саймон заплатил, тогда моя сестра все еще была бы здесь. Мое сердце колотится так быстро, а дыхание становится слишком учащенным. Я должна уйти отсюда.

Я возвращаюсь к столу, но девочки, должно быть, не сводили с меня глаз, потому что через секунду они встанут и оказываются рядом со мной.

— Мели? Что случилось? — спрашивает Иззи, или, может быть, это была Ди. Я просто качаю головой и тянусь за своей сумочкой.

— Мели, пожалуйста, поговори с нами. Что случилось? — Почти уверена, что в тот раз это была Ди.

— Это гребаная Мэнди? — спрашивает один из них, и мое тело вздрагивает от этого имени. Я должна уйти, пока Мэнди не увидела, что ее слова возымели желаемый эффект. Я могу сломаться позже, но будь я проклята, если позволю ей получить удовольствие, наблюдая, как я это делаю.

— Не здесь, — прохрипела я и достала немного наличных из своего кошелька. Бросив их на стол, я направляюсь к двери, стараясь не выдать Мэнди, как я расстроена.

Я чувствую себя так, словно кто-то только что вынул мое сердце. Моя кожа натянута, а лицо болит оттого, что я сдерживаю свои эмоции. Жжение, поселившееся в моей груди, поднимается к горлу, и я знаю, что через несколько секунд не смогу сдержать рыданий.

— Мели, подожди... пожалуйста! — Я чувствую, как Иззи подбегает ко мне, но моя машина в поле зрения, а побег на горизонте. — Мелисса!

Она хватает меня за руку достаточно сильно, чтобы помешать мне идти дальше, и поворачивает меня к себе.

Я чувствую, как у меня наворачиваются слезы, и когда я открываю рот, чтобы сказать ей, чтобы она прекратила, я с трудом узнаю звук, который вырывается. Это звук моего сердца, разбивающегося на миллионы несокрушимых осколков.

— Милая, что происходит?

— Ты знала? — шепчу я, мой голос дрожит, а слезы все еще текут по моему лицу. — Знала? — Я спрашиваю снова с большей силой.

Она слегка отшатывается от моего вопроса, ее брови хмурятся, и она качает головой.

— Мели, я понятия не имею, о чем ты говоришь. Что знала?

Я несколько раз качаю головой и снова пытаюсь добраться до своей машины. Я не знаю, где Мэнди, но знаю, что с этой бомбой она не упустит свой шанс убедиться, что попала в цель.

— Я должна уйти, Иззи. Я не могу быть здесь, когда разваливаюсь на части. — Я умоляю.

— Ты не можешь сесть за руль. Пойдем, я тебя отвезу.

— НЕТ! — Я начинаю протискиваться мимо нее, но она крепко меня держит. Боже... У меня преимущество в размерах перед ее тонкой фигурой, как она может сдерживать меня? — Я не пойду домой, не пойду к нему!

Она, кажется, еще больше смущена тем, как яростно я отказываюсь идти к Грегу.

— Пожалуйста, я не могу пойти домой. — Мои силы на исходе, и тело начинает трястись от усилий, которые требуются, чтобы сдержаться.

— Хорошо, милая, хорошо. Ну же. Давай решим по дороге, куда ты хочешь поехать, ладно?

Она усаживает меня на сиденье, вручает мою сумочку и быстро обходит машину и уезжает. Я понятия не имею, куда мы едем, но знаю, что не могу видеть Грега прямо сейчас. На данный момент я не знаю, смогу ли я когда-нибудь снова встретиться с ним лицом к лицу.

Последнее, что я вижу, прежде чем мы выезжаем со стоянки, это Мэнди, врывающаяся через переднюю часть Хэви с Ди по пятам. Она оглядывается по сторонам, но когда не видит того, что ищет, поворачивается к Ди и начинает размахивать руками.

По крайней мере, я уйду отсюда до того, как она сможет увидеть, как я распадаюсь. Я слышу, как Иззи спрашивает меня, куда ехать, и несколько раз разговаривает по телефону, но я нахожусь в своем собственном мире. Я подтягиваю ноги к телу и приветствую слезы.

Глава 22

Грег

Проснувшись на диване, я слегка сбит с толку. В доме все еще темно и тихо, но, взглянув на часы и увидев, что уже далеко за полночь, я понимаю, что что-то не так. Мелисса не позволила бы мне остаться на диване, если бы пришла домой.

Черт, я так устал. Я чувствую, как стресс от того, что я что-то скрываю от девушки, которую люблю, медленно разъедает меня. Я знаю, что этот разговор будет нелегким, но это нужно сделать. Мне просто нужно иметь достаточно веры в нас и нашу любовь, чтобы знать, что она сможет простить меня за то, что я скрывал это от нее.

Поднимаюсь с дивана и потягиваюсь, разминая затекшие ото сна мышцы, я отправляюсь на поиски своей девушки. Может быть, я не был так уверен, давая ей понять, что все в порядке. Она знает, что что-то не так, но не думаю, что она могла так разозлиться, что не пришла бы домой. Конечно, у нас была своя доля ссор, но они были из-за таких мелочей, как оставленная без присмотра крышка от зубной пасты.

Десять минут спустя я официально начинаю беспокоиться. Ее здесь нет. Ее не только здесь нет, но и не похоже, что она была здесь с тех пор, как я вернулся домой. Все ее вещи все еще здесь, но ее самой нет.

Я трачу еще десять минут на поиски своего мобильного только для того, чтобы найти его отсутствующим. Господи, я схожу с ума. Я начинаю слегка паниковать, когда понимаю,

что если бы у меня не было моего телефона, она ни за что не смогла бы дозвониться до меня, если бы случилось что-то плохое. Что, если она попала в аварию? Черт! Она могла бы быть в больнице прямо сейчас, а я спал. Наконец я нахожу маленького ублюдка под своим сиденьем в грузовике и чуть не падаю на землю, когда вижу количество пропущенных звонков. Один от Акселя, один от Эмми, два от Ди, но именно шестнадцать от Иззи останавливают мое сердце.

Когда я заканчиваю просматривать все сообщения, я все еще не до конца понимаю, что происходит. Эмми кажется сбитой с толку и невежественной. Она дает понять, что она не встречалась с девочками, но разговаривала с Иззи, и мне нужно позвонить ей как можно скорее. Первое сообщение Ди так же сбивает с толку, как и сообщение Эмми. Однако ее второе послание превращает мою кровь в лед.

Кей, не знаю, что случилось. Мели пошла в туалет и вышла оттуда с таким видом, словно только что увидела привидение. Она ушла, но я точно знаю, что Мэнди что-то сделала. Однако эта маленькая сучка ничего не говорит. Тебе нужно найти ее, Кей. С ней явно что-то не так. Позвони Иззи. Она ушла с ней. Люблю тебя.

Мэнди. Ну и дрянь. Кто знает, что она могла сказать Мелиссе, но что бы это ни было, ничего хорошего это не сулило. Почему я решил, что с ней покончено, что она одержима моим членом? Последняя наша с ней беседа закончилась вполне благополучно. Она снова и снова извинялась и обещала, что желает мне только добра. Полагаю, я должен был догадаться, когда она упомянула, что снова принимает лекарства. Блядь.

Когда я слушаю сообщения Иззи, которые начинаются с беспокойства и заканчиваются поражением, я понимаю, что мое невезение только что стало еще хуже. Она дает мне не больше, чем Ди; видимо, моя девочка заперта наглухо и никого не пускает.

Я мечусь по гостиной, когда на линии наконец появляется сообщение Акселя.

— Она здесь, и тебе нужно держаться подальше, брат. Я знаю, что для тебя это будет невозможно, но поверь, когда я говорю, что она в безопасности, и я позабочусь, чтобы так оно и оставалось. Она знает, и когда я говорю это, ты понимаешь, что я имею в виду. Из почти ничего не сказала, только то, что Мэнди рассказала ей о Саймоне. Хотел бы я знать, как эта сучка узнала достаточно, чтобы довести твою женщину до такого состояния. Дай ей остыть и приезжай утром. И, Кей... если ты скажешь Иззи, что я сказал тебе о ее местонахождении, я лично отрежу тебе член.

Слава Богу, она в безопасности, но это несколько не ослабляет напряжение в моем сердце. Я должен защитить свою девочку; я должен быть рядом. Не обращая внимания на то, что звонить уже поздно, я сразу же перезваниваю Акселя.

— Что, ублюдок? — Он ворчит в трубку.

— С ней все в порядке?

— А ты что, блядь, думаешь? У меня там моя женщина с твоей женщиной, потому что она не перестает плакать с тех пор, как приехала. Я не баба и люблю свой член, так что я недолго слушал, но она много чего наговорила, о чем я знаю, что она пожалеет, и еще больше того, что она наговорила, о чем я знаю, что она не пожалеет.

— Не понимаю, Аксель. О чем ты?

— Я хочу сказать, что если ты приедешь сюда прямо сейчас, не думаю, что тебе понравится то, что ты услышишь от нее. Ей больно, и я говорил тебе, что это взорвется, поэтому я должен сказать, что согласен с ее болью. Но она также находится в шоке. Она несет чушь, которую, я думаю, она не стала бы говорить, будь у нее ясная голова. Если ты ее

любишь, то сиди дома и позволь Иззи быть такой сильной, как ей нужно.

— Я не знаю, как это сделать, Акс. — Я вздыхаю и провожу рукой по волосам. Каждый инстинкт, который у меня есть, говорит мне бежать, бежать к ней и собрать по осколкам.

— Я знаю, что ты этого не умеешь, но пришло время научиться. Ты не можешь всегда быть тем, кто делает это лучше. Ты не можешь защитить всех. Вот из-за чего ты попал в эту ситуацию. — На заднем плане слышится какое-то шарканье, и я слышу, как он ходит по своему дому, закрывая какие-то двери. — Подожди, я дойду до них. Это поможет?

— Пожалуйста, — шепчу я.

— Подожди. — Он кладет трубку, и спустя, кажется, целую вечность, я слышу, как он снова берет трубку и просто вздыхает. — Она спит. Свернувшись калачиком, как гребаный ребенок, на руках у Иззи. Она в порядке, Кей, но ты должен дать ей время. Я позвоню утром, хорошо?

— Акс, я не знаю, смогу ли я это сделать. Я чувствую, как будто часть моей души отрывается от моего тела.

— Я знаю, поверь мне, знаю. Я жил этим двенадцать лет, брат. Единственное, что я могу тебе дать, — это надежду. Мы с Иззи прошли через свою долю трудностей, но, в конце концов, если этому суждено случиться, ничто не сможет выдернуть твою женщину из твоих объятий.

Он отключается, и я сижу там часами, пока первые лучи солнечного света не начинают заполнять комнату. Я сижу и думаю о том, что я собираюсь делать, если не смогу это исправить, потому что прямо сейчас я знаю, что не смогу восстановиться, если она больше не захочет быть в моей жизни. Это будет все равно что снова потерять душу.

Я уставился на одну из романтических книг, оставленных Мелиссой на журнальном столике накануне вечером, и просто смотрел, когда наконец зазвонил телефон. Видя, что это Аксель, я за считанные секунды поднес телефон к уху.

— Да? — Даже своими собственными ушами я слышу неприкрытое отчаяние, которое звучит в этом единственном слове.

— Она ушла, Грег. Я переодевал Нейта, а они с Иззи были внизу. Ушел на пять минут, но когда я спустился обратно, ее уже не было. Иззи не говорит, куда она пошла, потому что сказала, что ей просто нужно время. Черт, мне жаль.

— Она ушла? — Спрашиваю я.

— Ушла. — С каждым словом надежда, за которую я цеплялся, медленно умирает. — Она без машины, так что можно с уверенностью сказать, что она у одной из других девушек. Хотя я тебе этого не говорил. Я живу с одной из них, и я бы предпочел остаться целым. Проверь, ладно?

Не знаю, ответил ли я ему. Я мог бы это сделать, но когда звуковой сигнал достигает моих ушей, я прихожу в себя и отключаю линию. Я сижу там еще дольше, задаваясь вопросом, что, черт возьми, мне теперь делать.

Я оглядываюсь на книгу, лежащую на кофейном столике, и жалею, что любовь не была такой простой, как в романтических книгах. Уверен, что то, что я чувствую прямо сейчас, было бы немного легче, если бы я знал, что счастливый конец не за горами. Даже чувак на обложке, казалось, издевался надо мной. Смотрит на меня так, словно я должен был знать лучше, чем даже пытаться что-то скрыть от женщины, которую я люблю. Черт меня подери, но я должен был это сделать. Я готовлюсь встать, когда замечаю название «Противостоять

тебе» Кристал Спирс. О, ирония судьбы... ты действительно сука.

Я делаю это примерно за тридцать минут до того, как сажусь в грузовик и направляюсь к дому Лилли. Я даже не ожидаю, что Мелисса будет там, но мне нужно поговорить с кем-то, кто не привязан ко мне как к другу. Мне нужен кто-то на ее стороне, кто поймет ее.

Поскольку сегодня вторник и Коэн проводит свое утро в детском саду, чтобы немного пообщаться с другими детьми, я знаю, что с Лилли будет легче поболтать. Я просто чертовски надеюсь, что она не возненавидит меня, когда я закончу свой рассказ.

— Грег? Что ты здесь делаешь, дорогой? — Ее улыбка сияет, когда она отвечает на мой стук, но как только она видит мое лицо, улыбка исчезает, и она слегка колеблется, прежде чем схватиться за грудь. — Мели-Кейт? О Господи, с моей малышкой все в порядке?

— Что? О Боже, Лилли... Мне жаль. Я даже не думал, как будет выглядеть мое появление. С ней все в порядке. Мне просто нужно поговорить.

— О, слава Богу. Конечно, дорогой. Заходи, я вешаю белье.

Я следую за ней по короткому коридору и сажусь за кухонный стол. Она приносит стопку полотенец и садится с улыбкой.

— Хорошо, выкладывай, милый. Что у тебя случилось.

— Я даже не знаю, с чего начать.

— По моему опыту, лучшее место — это всегда начало, — мягко говорит она и похлопывает меня по ноге.

Итак, я говорю. Я начинаю с самого начала и рассказываю ей о Грейс, о том, как я справился с ее смертью, о начале бизнеса, об Иззи и ее проблемах и, наконец, о Мелиссе. Ни разу она не посмотрела на меня с отвращением. Она сидит, терпеливо слушая, как я все это выкладываю, и просто складывает свои полотенца. Я ожидаю, что она выгонит меня, когда я расскажу ей о том, что я знал о Саймоне, но она просто кивает головой и продолжает складывать. Наконец, когда я заканчиваю, я откидываюсь на спинку стула и жду. Конечно, она бы не хотела, чтобы такой кусок дерьма, как я, был рядом с ее дочерью.

— У тебя доброе сердце, Грег. Я поняла это в ту секунду, когда ты вошел в дверь с Коэном на плечах и широкой улыбкой на лице. Ни разу за последний месяц я не беспокоилась о Мели-Кейт. Похоже, все, что я делала с тех пор, как потеряла свою Софию, — это беспокоилась об этой девушке. Она не была счастлива и не жила. Я видела, как к ней вернулось счастье, когда она встретила тебя. Так что я, возможно, не совсем понимаю, почему ты просто не сказал ей об этом с самого начала, но знаю, что ты не хотел навредить моему ребенку.

— Нет, мэм, я бы скорее отрезал себе руку, чем когда-либо причинил ей боль, но все равно это сделал. Пытаясь не причинить ей боль, я сделал это, и теперь понятия не имею, можно ли это исправить.

— Милое дитя, настоящую любовь всегда можно исправить. Когда любишь кого-то так сильно, как любите друг друга вы с моей Мели-Кейт, в мире нет ни одной горы, на которую можно было бы подняться, когда нужно что-то исправить.

Я делаю глубокий вдох и пытаюсь контролировать турбулентность, которая сеет хаос в моем теле.

— Я не могу потерять ее. — И это не так просто, как звучит. Потерять ее было бы невообразимо.

— И ты не сделаешь этого, дорогой. Ей нужно время, чтобы переварить это. Я знак

свою девочку, ей больно, но она держится подальше, потому что ей нужно собраться с мыслями. Ее сердце быстро успокоится, и она будет готова поговорить.

Впервые после звонка Аксея этим утром у меня появилось слабое предчувствие, что, возможно, есть какая-то надежда и все будет хорошо. На данный момент я должен в это верить, потому что, если Лилли не права, не знаю, что я буду делать.

— Как Вы можете не винить меня, Лилли? — Я шепчу эти слова в ладонь и почти надеюсь, что она их не услышит.

— Винить тебя в чем? Винить тебя в том, что ты перенес ужасную потерю? О, милый ты здесь такая же жертва, как и мы. Ты потерял кого-то, кого нежно любил, и никто никогда не осудит тебя за то, как ты решил справиться с этим. Каждый скорбит по-своему. Ты сделал все, что мог, чтобы защитить мою Софию, даже когда ты ее не знал, и, милый, единственное, что это делает, это заставляет меня любить тебя немного больше. Ничто из этого, из того, что происходит с тобой и Мели-Кейт, или из того, что случилось с твоей Грейс или моей Софией, никогда не должно ложиться на твои плечи. Твое сердце все это время было в нужном месте, ты просто не осознавал этого.

У меня так долго не было материнской фигуры в моей жизни, и учитывая все, что произошло со вчерашнего дня, в этот момент это просто становится чересчур. Знание того, что родная мать Мелиссы не смотрит на меня и не желает мне смерти после того, как узнала все, почти заставляет меня чувствовать, что меня простили за неудачу. Я, впервые с тех пор, как потерял Грейс, не испытываю непреодолимого чувства вины.

— Простите, — бормочу я, прежде чем наклониться вперед и спрятать лицо в ладонях. — Мне жаль. — Мне требуется секунда, чтобы успокоиться, но она просто сидит там и мягко расчесывает мои волосы, произнося ободряющие слова. На самом деле в мире нет ничего лучше материнского прикосновения, даже если эта мать тебе не родная.

Когда я, наконец, могу контролировать вихрь, который кружится внутри меня, я поднимаю глаза и встречаюсь с ней взглядом. Она вытирает глаза одним из своих полотенец и мило улыбается мне.

— Грег, если у меня когда-либо и были сомнения в том, насколько велико твое сердце, ты только что доказал это без вопросов.

Я остаюсь с Лилли на несколько часов и помогаю ей закончить кое-какие дела по дому. Мне нужно быть рядом с ней, с кем-то, кто связан с Мелиссой, но мне также нужен комфорт, который она предлагает. Когда я уйду, она заключает меня в объятия и желает удачи.

Последнее место, куда я хотел бы пойти, — это дом. Я хочу покататься по Хоуп-Тауну, пока не найду свою девушку и не отвезу ее домой. На данный момент я чувствую, что мог бы продолжать, пока не встречу Оушена, если бы это означало, что я мог бы заключить свою девушку в объятия. Потребность держать ее в своих объятиях непреодолима, но я знаю, что Лилли была права. Ей нужно время. Итак, я буду сильным и дам ей его.

Я пробыл дома всего несколько минут, когда услышал, как со щелчком открывается входная дверь. Я мгновенно выключаю телевизор и встаю с дивана, ожидая увидеть, кто идет по коридору. Это мог бы быть один из парней, но я молюсь, чтобы это была Мелисса.

Когда она появляется в поле зрения, у меня слабеют колени, и я почти сажусь. Хотя я вижу, что она расстроена, она все равно самая красивая из всех, на кого я когда-либо смотрел.

— Привет, — слабо произносит она.

— Красавица, — шепчу я, — Боже, детка.

Глава 23

Мелисса

Когда открываю дверь, я наполовину ожидаю, что он набросится на меня, но когда я нахожу его стоящим посреди гостиной, выглядящим хуже, чем я себя чувствую, я не могу не чувствовать себя сукой мирового класса за то, что сбежала от него. Но мне нужно было время. Время собраться с мыслями и убедиться, что я не сделаю или не скажу чего-то такого, чего не смогу взять назад. Если бы мы увиделись раньше, то даже не знаю, что бы сейчас было. Я просто знаю, что это было бы некрасиво.

Он выглядит так, словно из него выжали все соки. Он стоит там в той же одежде, в которой ходил на работу накануне, его волосы растрепаны, как будто он снова и снова проводил по ним руками. Но не его одежда или прическа заставляют меня остановиться, а его глаза. Эти яркие детские голубого цвета, в которые я влюбилась, выглядят разбитыми. Его красивое лицо сейчас бледное из-за дневной щетины, а под налитыми кровью глазами темные круги. Моя ночь, возможно, была тяжелой, но что-то подсказывает мне, что его была еще хуже.

Мы просто стоим несколько минут, чувствуя неуверенность в том, где оба находимся, но когда я вижу, как одинокая слеза скатывается по его щеке, я больше не выдерживаю дистанции. Бросив ключи и сумочку на пол, я срываюсь с места и бросаюсь в его объятия.

— Мне жаль, так жаль, — прерывисто шепчет он мне в волосы.

— Я знаю. — Да, после того как выплеснула все прошлой ночью и почувствовала, что моему миру пришел конец. Когда я проснулась этим утром, боль прошла, но гнев остался. В глубине души я знаю, что Грег никогда бы намеренно не причинил мне боль, но это все равно больно. Из всего мусора, который Мэнди бросила к моим ногам прошлой ночью, я знаю, что он бы ей этого не рассказал. Он мог бы упомянуть Саймона мельком, но он никогда бы не заговорил обо мне... о нас, вот так. Мне легче понять его мотивацию, когда я оставляю это в прошлом.

После того, как я попросила Эмми забрать меня этим утром и отвезти обратно в Хеви за моей машиной, я поехала прямо на могилу Фиа и поговорила с единственным человеком, который, как я знала, могла меня понять.

Часы. Я часами лежала на прохладной траве рядом с могилой моей сестры и разговаривала с ней. Было нелегко разговаривать с кем-то, кто не мог ответить тебе тем же, но я нуждалась в ней, и это было лучшее место.

Когда я закончила беседу с холодным надгробием Фиа, я поняла одну вещь. Этот человек сделал бы все, чтобы защитить меня. Он защитил бы мое тело своим собственным. И он защитил бы мои чувства и мое сердце, скрыв от меня что-то, что могло бы нанести ущерб. Я знала, что он делал то, что считал правильным. Просто сделал это не совсем корректно.

В конце концов, мне пришлось спросить себя, смогу ли я жить без этого мужчины в своей жизни только потому, что он что-то скрывал от меня. Ответ: нет.

— Я не думал, что ты вернешься, — бормочет он мне в шею. Он нежно целует меня и громко вдыхает. — Я бы выследил тебя к обеду. Дать тебе пространство было самым трудным, что я делал за долгое время.

— Знаю. Мне нужно было проветрить голову.

— Прости. Ты понятия не имеешь, как мне жаль, что я просто не сказал тебе, но мы

только стали парой, и я не знал, как ты справишься с этим, детка. Я планировал рассказать тебе, просто не знал, как. — Его глаза ищут мои, умоляя услышать его слова. — Я причинил тебе боль, и это съедает меня изнутри.

— Прекрати, пожалуйста? — Его губы сжимаются, и я поднимаю руку, чтобы мягко провести по ним пальцами. Его глаза продолжают умолять меня, прося прощения, в котором он не нуждается. — Теперь я понимаю, почему ты это сделал, и все в порядке. Прошлой ночью я была так погружена в свои мысли, что мне просто не стоило возвращаться домой. Мне жаль, что я убежала, но я должна была. Я знаю, это звучит по-детски, но я должна была.

— Я боялся, что ты будешь винить меня. Черт, я делал это с собой годами, так почему бы тебе не сделать этого? — Сейчас я явно в замешательстве, потому что ни за что на свете не могу понять, почему я должна винить его за то, что он не сказал мне, что знал Саймона. Конечно, прошлой ночью в гневе у меня в голове промелькнула мысль, что он мог бы каким-то образом предотвратить смерть Фиа, но даже я знаю, насколько это нелепо при свете дня.

— Детка, в чем я могу тебя винить? Тебе трудно смириться с потерей сестры? Мне тоже, до сих пор. Ты не рассказал мне о нашей связи через этого сукина сына? Я не виню тебя за это. Я понимаю, ты думал, что поступал правильно, и, детка... Не могу сказать наверняка, но если бы ты обрушил это на меня сразу, я бы, возможно, слетела с катушек.

— Но это ничего не меняет, красавица. Я причинил тебе боль. — Его слова поражают мое сердце, и любовь, которую я испытываю к этому человеку, только растет. Он разорвал себя на куски, потому что косвенно причинил мне боль. Что бы я ни сделала, чтобы заслужить такого мужчину, как он, я чувствую себя счастливой, что мне вообще подарен подобный подарок. Я кладу руки по обе стороны от его потрепанного лица и притягиваю его к своим губам. Это всего лишь нежная встреча наших губ, но этого достаточно, чтобы он почувствовал мою любовь и уверенность в том, что у нас все в порядке.

— Мои чувства были задеты, но Грег, ты не можешь защитить меня от всего. Даже ты время от времени будешь ранить мои чувства. Что важно, так это то, что ты ничего от меня не скрываешь. Мы — команда, и с этого момента, между нами никаких секретов, хорошо?

— Я так сильно люблю тебя, детка. — Мягко говорит он, прежде чем крепко поцеловать меня.

Он продолжает пожирать мои губы в поцелуе, который почти оставляет синяки. Он выплескивает все, что чувствовал за последние двадцать четыре часа, и изливает это в поцелуе. Я чувствую себя принадлежащей ему, любимой, лелеемой и заклеянной. Его руки неистово бьются о мое тело, стягивая через голову рубашку, и, торопясь расстегнуть лифчик, он срывает с него застёжку. Он делает паузу, чтобы стянуть через голову свою рубашку, и это дает мне достаточно времени, чтобы сбросить джинсы и трусы. Не успеваю я и глазом моргнуть, как он прижимает меня спиной к стене и приникает губами к моим губам. Его руки блуждают по моей коже, заставляя ее напрягаться, а по телу пробегает холодок. Мне нравится ощущать его твердое тело на фоне моей мягкости. Как его твердые мышцы ощущаются на кончиках моих пальцев.

Мои губы кажутся разбитыми и опухшими к тому времени, когда он отстраняется и встречается со мной взглядом. Он совсем не похож на того мужчину, которого я увидела, когда вошла в дверь. Этот человек, стоящий сейчас передо мной, — мой зверь.

— Мне нужно показать тебе свою любовь, красавица.

После этой реплики я в замешательстве, когда он опускается на колени, но когда я чувствую, как его руки вливаются в мои бедра и приподнимают, я делаю единственное, что

могу. Прижимаюсь спиной к стене и закидываю ноги ему на плечи. Он, не теряя времени, крепко сжимает мою задницу и прижимается ртом к моей киске. Две секунды спустя я крепко сжимаю его волосы и прижимаю его ближе, в то время как мое освобождение проносится через меня. Он продолжает сосать и облизывать, притягивая меня ближе к своему рту.

— Детка, не могу — я не могу, — хнычу я.

— Ты сможешь, — говорит он в мою мокрую киску. — Ты сможешь.

Он поднимает меня выше и погружает свой язык глубоко, медленно возвращая его к моему клитору и обводя набухший бутон, прежде чем взять его губами и пососать. Он повторяет процесс дважды, прежде чем я выкрикиваю свой оргазм. Я чувствую свою влажность на его лице, когда он поворачивает голову и целует каждое из моих бедер, прежде чем помочь мне встать. Скорее, помогает мне прислониться к стене, чтобы он мог встать.

— Когда ты успел снять штаны? — спрашиваю я, когда он встает во весь рост, и его член гордо возвышается между нами. Его головка выделяется на загорелом животе, упираясь в пупок. Я облизываю губы, и он рычит.

— Между первым и вторым разом, пока ты кончала мне на язык. Разве ты не почувствовала, как я отпустил твою задницу?

— Эм, детка... Я была немного занята.

— Да, и это было восхитительно. — Он снова подходит ближе и поднимает меня, и я обхватываю ногами его бедра. Его толстая эрекция немедленно ищет входа. — Смотри, как я люблю тебя. — Он слегка отводит бедра назад, и я протягиваю руку между нашими телами и помогаю ему войти в меня. Он входит глубоко и быстро одним толчком, и моя голова откидывается назад с глухим стуком о стену.

Его руки на моих бедрах, а мои — на его плечах, наши губы соединяются, и наши тела сливаются воедино. Мы двигаемся так, как будто исполняем этот брачный танец годами. Не проходит много времени, прежде чем он отстраняется, чтобы посмотреть мне в глаза, и любви, которую я вижу в отражении, достаточно, чтобы подтолкнуть меня к краю. Он толкает меня обратно вниз и несколько раз двигает бедрами, прежде чем я чувствую его теплое высвобождение на стенках моей киски.

— Ты такой зверь, — тихо говорю ему на ухо, прежде чем слегка ущипнуть его зад.

— Но я твой зверь, и детка... каждой красавице нужен зверь.

— Да, конечно. — Я смеюсь и обнимаю его за шею. — Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю. Так сильно, детка. — Его теплое дыхание касается моей шеи, и, поскольку наши тела все еще прижаты друг к другу, я знаю, что у нас все будет хорошо. Наша любовь может быть новой, но она достаточно сильна, чтобы преодолеть все.

Глава 24

Мелисса

3 месяца спустя

Просыпаться в крепких объятиях Грега — это лучшее чувство в мире. Даже во сне он крепко обнимает меня, а его ноги переплетаются с моими. Мой зверь. Всегда готов.

Я поднимаю его руку, высвобождаю свои ноги и медленно соскальзываю с кровати. Когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, ожидая найти его спящим, его глаза открыты и смотрят на меня с намеком на грусть, танцующую в их глубинах.

— Куда ты, красавица? — Его голос хриплый со сна, и один только звук этого пронзает мое тело насквозь.

Натягивая одну из его рубашек через голову, я поворачиваюсь и пытаюсь сохранить суровое выражение лица, но терплю неудачу всего через несколько секунд.

— Ты мог бы, по крайней мере, сделать так, чтобы мне было немного легче улизнуть и приготовить тебе завтрак.

— Детка, серьезно? Ты уже в постели, так что это отчасти сводит на нет цель накормить меня завтраком, когда ты встанешь с нее.

Такой. Мужчина.

— Неприятно указывать на очевидное, но трехлетний ребенок долго не спит. Поскольку мы приближаемся к 8:00, думаю, нам повезло, что он еще не прибежал. — Грег стонет и переворачивается на спину, когда ему напоминаю, что Коэн находится дальше по коридору. — Мне кажется, я слышу маленькие ножки, детка. Возможно, тебе захочется встать и надеть какие-нибудь штаны. Думаю, если Коэн хоть раз взглянет на размер твоего члена, он начнет задавать вопросы, не говоря уже о тех роскошных украшениях, которые ты там демонстрируешь.

Он встает, смеясь, но прежде, чем схватить трусы и натянуть их, он заключает меня в объятия и дарит мне чертовски приятный утренний поцелуй. Мы как раз отходим друг от друга, когда дверь стремительно открывается, ударяясь о стену, и влетает Коэн. В плаще и все такое.

— Мелви? Что ты делаешь? Почему Грег не надел белье? Почему на Грее нет одежды? Я хочу быть голым! Ты видишь его сосиску, а бабушка сказала, что мальчики не должны показывать свои сосиски девочкам. Это неприлично. Твое время истекло. — Иногда я задаюсь вопросом, является ли дыхание вообще обязательным требованием для трехлетнего ребенка. Я имею в виду, он хочет, чтобы я ответила на это? Я так не думаю.

Я чувствую, как Грег смеется у меня за спиной, пытаюсь спрятаться за моим телом, чтобы у нас не было еще ста вопросов Коэна.

— Поможешь? — Он шепчет мне на ухо.

— Коэн, ты это слышал? Я думаю, что внизу ниндзя! Давай пойдем проверим. — И, как по волшебству, он уходит. Это не займет много времени. Одно упоминание о плохих парнях, с которыми нужно сражаться, и он мгновенно готов защищать мир. Меня ежедневно поражает, насколько Коэн превращается в мини Грега. Учитывая годы отсутствия мужественных фигур в его жизни, я чувствую себя невероятно счастливой, что могу дать ему это.

За последние три месяца связь между Грегом и Коэном стала чем-то таким, к чему даже я не имею отношения. Он проводит здесь больше времени, чем с моей мамой. Бывают недели, когда мне приходится разлучать их, потому что Грег не может отпустить его. Забудьте о настоящем ребенке, мне приходится иметь дело с тридцатипятилетним мужчиной, закатывающим истерику из-за того, что его маленький приятель возвращается в дом бабушки.

— Встретимся внизу, детка. — Я быстро целую его, прежде чем отправиться на поиски моего маленького воина.

С тех пор как произошел инцидент с Мэнди, мы с Грегом стали еще ближе. Кажется странным, что у нас так быстро сложились такие отношения, но когда мы вместе, никто другой в мире не имеет значения. Однажды он сказал мне, что я была его недостающим кусочком головоломки, и он не ошибся. Как я вообще могла думать, что смогу противостоять чарам этого мужчины, выше моего понимания.

Мэнди больше не была проблемой, слава Богу. Грег разыскал ее отца. Он достаточно высоко поднялся по политической лестнице, и последнее, что ему нужно — чтобы его дочь доставляла неприятности. Грег позвонил и объяснил ситуацию. По словам дорогого папочки, причина, по которой она так долго молчала, заключается в том, что он записал ее на какую-то интенсивную программу, которая занимается тяжелым биполярным расстройством. Я думаю, что они, возможно, захотят пересмотреть ее на предмет еще какого-нибудь дерьма. Я ни за что не куплюсь на его оправдания. Она была в двух шагах от того, чтобы стать серийным убийцей и запереть Грега в темнице, заставляя его каждые несколько часов «наносить лосьон», как того парня в фильме «Джо Дирт».

В любом случае, мне все равно, что с ней случится, лишь бы она оставила нас, черт возьми, в покое. Конечно, было бы здорово увидеть, как ее задница в тюрьме становится чьей-то сучкой, но я хочу, чтобы она просто отстала. Я хочу, чтобы она ушла, чтобы я могла наслаждаться своим счастливым будущим.

Охрана всегда будет начеку, когда дело дойдет до нее, но по большей части мы просто готовы двигаться дальше.

Через неделю после того, как мы помирились с участием наилучшего секса, превратившимся в марафонскую любовь, я официально разорвала договор аренды своей квартиры и переехала к нему. Я вижу это так: жизнь слишком коротка, чтобы сидеть на заднице и не проживать каждую минуту так, как будто она для тебя последняя. Грег — это мое будущее, и я не собираюсь ждать, чтобы начать жить им.

Мы тратим много времени на разговоры о наших сестрах и о том, как, по нашему мнению, они приложили руку к тому, чтобы свести нас вместе. Были ли это они, судьба или просто чертова удача, мы оба согласны с тем, что нам чертовски повезло.

Мама согласилась, что, поскольку у нас с Грегом все идет так хорошо, пришло время наконец приступить к выполнению желания Фиа, чтобы я получила опеку над Коэном. Запустить процесс не проблема, но все еще есть препятствия, которые нам нужно преодолеть, и бюрократическая волокита, которую нужно сократить. Независимо от того, сколько времени это займет, достаточно скоро мой малыш будет называть этот дом своим. Трудно сказать, кто больше взволнован, я или они.

На прошлой неделе у нас состоялась наша первая встреча со службами защиты детей, и Грег уверен, что все прошло хорошо. Мы можем обеспечить Коэну стабильную и комфортную жизнь. Мы оба молоды, и на нашем прошлом нет никаких изъянов. Нам помогло то, что мы узнали, что у женщины, которая приехала проводить наше первое домашнее исследование, есть сын в Мар-Инсе. Когда Грег упомянул, что для него было честью познакомиться с матерью такого храброго человека, я подумала, что потеряю самообладание. Они начали обсуждать различные опасения, которые у нее были по поводу того, что ее ребенок находится за границей, и это, в свою очередь, закончилось одним из тех разговоров, которые закончились настолько эмоционально, что мне пришлось извиниться. Когда она ушла, Грег подбодрил меня, в чем я нуждалась, но отлучился на несколько часов.

Мы говорим о его времени, проведенном на службе, но обычно он очень краток в своих ответах. Однажды он сказал, что дело не в том, что он не хочет мне говорить, а в том, что он просто не может. Он гордый человек и никогда не уклоняется от рассказа, каково ему было служить своей стране, но он не любит говорить об этом. Подробности никогда не бывают глубокими; мы просто касаемся того, что он чувствовал в течение этих восьми лет. Это одна из тех вещей, о которых он расскажет, когда я спрошу его, но я вижу его боль, поэтому не

часто задаю ему вопросы.

Я прохожу мимо новой спальни Коэна в конце коридора и продолжаю спускаться по лестнице с улыбкой на лице. Я все еще не могу поверить, как сильно изменилась моя жизнь всего за несколько коротких месяцев.

Как тебе такая жизнь, Фиа?

— Мелви! Я достал их, достал их всех! Можно мне сегодня утром кокосовые слойки?

— Молодец, К-Мэн! — Я даю ему пять и иду к холодильнику. — Никаких кокосовых слоек, детка. Сегодня мы готовим любимое блюдо Грега. — Я оборачиваюсь, ожидая улыбки, потому что при упоминании о блинчиках с шоколадной крошкой обычно следует именно такая реакция. Но он сидит за столом и просто смотрит на меня. Никаких эмоций не проявляется, но его маленькие брови хмурятся, а губы вытягиваются в очаровательную маленькую гримасу, которую он всегда делает, когда думает.

— Что происходит в твоём супермозге? — спрашиваю я, начиная готовить завтрак. Он молчит так долго, что я прекращаю то, что делаю, и поднимаю взгляд. Он все еще находится в том же положении. — Коэн, детка, что случилось? — Я ставлю все на стол и выключаю конфорку, обходя остров и присаживаясь на корточки перед ним.

— Мелви, почему у меня нет папы? — Обычный счастливый и беззаботный тон, который всегда присутствует, сменился какой-то грустью, которую, по-моему, я никогда не слышала в голосе моей племянника.

— О, Коэн, у тебя был папочка, малыш, и он тебя очень любил. — Мне почти приходится давиться словами, чтобы выдать их. — Но твой папа теперь ангел, помнишь? Он и твоя мама — ангелы, и Бог сказал им, что они самые счастливые ангелы на всех небесах, потому что они могут сидеть на самом ярком облаке и присматривать за тобой.

— Но почему мой папа не может прийти и поиграть со мной, как это делает Грег? — он спрашивает со всей невинностью ребенка.

Я встаю и притягиваю его в свои объятия, прежде чем посадить его обратно место.

— Коэн, детка, иногда Бог хочет, чтобы люди научились летать, даже когда мы не готовы. Он хотел, чтобы у твоего папы выросли крылья, и он полетел, чтобы стать ангелом на небесах. Когда люди обретают крылья и отправляются на небеса, они не могут вернуться и поиграть с нами. Я знаю, это несправедливо, дорогой, но это не значит, что твой папа все еще не любит тебя

— И мамочка. Не забывай маму. Она тоже любит меня, ты так сказала. Она любит меня до луны, звезд и всего, что между ними.

— Конечно, малыш. — Я обнимаю его, и когда его маленькие ручки обвиваются вокруг моей шеи, я протягиваю руку и смахиваю слезу со своей щеки. Как раз в тот момент, когда я собираюсь отступить, я поднимаю глаза и встречаюсь с Грегом, который стоит в дверном проеме и наблюдает за нами с легкой улыбкой. Я начинаю возвращать улыбку, когда следующий вопрос Коэна останавливает меня.

— Так значит ли это, что Грег будет моим папой? — Глаза Грега слегка расширяются, а его рот приоткрывается маленькой буквой «О». Я, с другой стороны, ошеломленно молчала. — Мелви, может Грег теперь быть моим папой, а ты мамой? Я действительно хочу иметь папу, но только если ты сможешь быть моей мамой.

— О, малыш, — шепчу я и снова притягиваю его к себе. Я не осознаю, как крепко я его обнимала, пока он не смеется и не слезает с моих колен.

— У тебя забавное выражение лица, Мелви. — Он смеется, и когда он оборачивается и

видит стоящего там Грега, все его маленькое тело загорается, и он бросается бежать. — ГРЕГ! Ты слышал? Ты будешь моим папочкой, потому что я хочу, чтобы у меня был самый лучший папа в мире.

— Да, К-Мэн, я слышал. Думаю, это лучший подарок, который кто-либо когда-либо дарил мне. — Он наклоняется вперед и целует его в голову, прежде чем взъерошить его волосы. — Беги в ванную и очень быстро вымой руки. Убедись, что избавился от всех этих мерзких микробов ниндзя.

— Ладно... папочка, — шепчет он последнее слово и уходит в ванную у входа в гараж.

Мои глаза ни разу не отрывались от Грега, и когда я вижу, что его глаза начинают тяжелеть от непролитых слез, я теряю самообладание. Я уверена, что выгляжу ужасно, и Коэну доставило бы огромное удовольствие напомнить мне, как забавно сейчас выглядит мое лицо.

— Красавица, иди сюда. — Его мягкий рокот наполняет мои уши, и я бросаюсь в его объятия.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, когда успокаиваюсь.

— Лучше, чем в порядке. Величайшим моментом в моей жизни, после встречи с тобой, было услышать, как этот маленький мальчик назвал меня своим отцом. Я люблю его так же сильно, как тебя, Мелисса, и этот момент стоит отпраздновать. Останови слезы. Хорошо, детка?

— Ты счастлив? — Когда я поднимаю взгляд и вижу его ясные глаза и ослепительную улыбку, я знаю, что прямо здесь, на нашей кухне, где в воздухе витает запах блинчиков с шоколадной крошкой, мы просто стали семьей.

— Самый счастливый человек в мире.

— Я люблю тебя, — шепчу я.

— И я тебя люблю. А теперь иди и приготовь своим парням немного еды.

Я начинаю смеяться и слегка подпрыгиваю, когда он шлепает меня по попке, но когда мы слышим смех Коэна, мы оба смотрим на него.

— Я же говорил, что ты опоздала! Тебе не следует смотреть на сосиски, Мелви!

Мы втроем проводим день в аквариуме Джорджии. Это вполне нормально для воскресенья, когда мы знаем, что Коэн собирается погостить у моей мамы неделю. У Грега много дел в офисе, и он не сможет взять Коэна к себе на несколько дней. Теперь, когда мы начали приглашать Коэна все чаще и чаще, становится все труднее оставлять его с моей мамой. Я знаю, она тоже это видит, но мы справляемся.

Сегодня вечером мы отправляемся на «семейный» ужин с командой Корпуса в Хэви. Мы запустили эту традицию раз в месяц. Кажется, что эти мужчины становятся задумчивыми, когда слишком долго не общаются за пивом. Это идеально для девочек в группе. Давайте посмотрим правде в глаза, на самом деле не так уж много времени вы можете потратить на телефонные разговоры с одними и теми же девушками по групповым звонкам, перекрикивающими друг друга.

Мы прибываем последними и втискиваемся за стол. Наши места оказываются прямо напротив Иззи, Аксея и Нейта. Рядом с Иззи — Ди, а по другую сторону от Аксея — Куп. Я подвигаюсь к Мэддоксу, когда сажусь, и получаю, что он приподнимает подбородок в знак приветствия. Эмми находится по другую сторону Купа, рядом с Греггом. Коэн сразу же отходит от нас, чтобы сесть рядом с Нейтом. Несмотря на то, что Нейту только недавно

исполнился год, он лучший друг Коэна. Когда Коэн рядом, взгляд Нейта никогда не покидает его.

— Иззи, на что ты хочешь поспорить, что эти двое уже делают заметки о будущих способах придать нам седых волос? — Я смеюсь, когда их головы сближаются, и Коэн начинает что-то лепетать улыбающемуся Нейту.

— В этом я не сомневаюсь, подружка. Ты сегодня выглядишь счастливой. — Она кивает головой Грегу и подмигивает мне.

— О да, я расскажу завтра, хорошо? — Она улыбается и смотрит через мое плечо в другой конец комнаты.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть, что привлекает ее внимание, и в шоке наблюдаю, как Бек наклоняется, чтобы поцеловать привлекательную женщину за стойкой. Что ж, это объясняет выражение лица Ди.

Оборачиваясь, я ловлю взгляд Иззи с широко раскрытыми глазами. Я слышала от нее и Эмми, что его способ заставить Ди признать, что у нее действительно есть к нему чувства, — это заставить ее ревновать. Иззи слегка качает мне головой и сразу же меняет тему на планы каждого на Хэллоуин.

Я смотрю на Ди, пока остальные за столом обсуждают возможность устроить что-то вроде вечеринки; нет, спасибо... Я ненавижу Хэллоуин. Ее глаза не отрываются от Бека, даже когда он возвращается к столу и протискивается между Грегом и Эмми. Она просто продолжает посылать ему свои смертельные взгляды. Через несколько минут она делает глубокий вдох и присоединяется к разговору вокруг нее.

Кризис, по-видимому, предотвращен.

— Папа! — Мне требуется секунда, чтобы понять, что это доносилось с нашего столика. Когда я осознаю, что все вокруг нас замолчали, а Грег крепко сжал свою руку, лежащую на моей ноге, я понимаю, что да, этот голос действительно исходил от нашего столика.

— Да, приятель? — Он спрашивает Коэна.

Я получаю секунду, чтобы взглянуть на лица вокруг стола. Ди выглядит сбитой с толку, что вполне объяснимо, поскольку я уверена, что ее разум все еще обдумывает последнюю попытку Бека уличить ее в блефе. По щекам Иззи уже катятся слезы. У Аксея, Эмми и Купа одинаковые потрясенные, но счастливые лица. Бек все еще пристально смотрит на Ди, так что можно с уверенностью сказать, что он это пропустил. Я заканчиваю смотреть на ребят и смотрю сбоку на Мэддокса. Впервые с тех пор, как я встретила его, на его лице появляется ослепительная улыбка, та самая, которая полностью превращает его лицо из неприступного в греховно красивое.

Вау.

— Когда я стану таким же большим, как ты, моя писечка тоже будет большой? — Боже. Действительно, отличный способ закончить этот момент, малыш.

Грег, несмотря на все свои попытки, не может сдержать смех над вопросом Коэна. Вскоре весь стол смеется. Я вижу, как Мэддокс наклоняется, подталкивает Коэна вперед, а затем я наблюдаю, как он что-то шепчет ему на ухо. Коэн улыбается и несколько раз быстро качает головой. Его маленькая ручка взлетает вверх и встречается с большой лапой Мэддокса в пятерке, прежде чем он возвращается к своему разговору с Нейтом.

— Что ты сказал? — тихо спрашиваю я Мэддокса, когда он откидывается на спинку своего сиденья.

Он обращает на меня свои черные глаза, все еще с той ослепительной улыбкой.

— Сказал, чтобы он съел всю свою зелень и был хорошим маленьким мальчиком, и у него будет самая большая писечка в городе.

Я сижу там с отвисшей челюстью, совершенно шокированная тем, что только что получила не только улыбку, но и шутку от этого человека, прежде чем откинуть голову назад и рассмеяться. Грег обнимает меня за плечи и притягивает ближе. Мне требуется некоторое время, чтобы перестать смеяться и расслабиться, и насладиться нашим семейным ужином.

Мы пробыли там недолго, но когда собираемся уходить, Иззи крепко обнимает меня и требует позвонить утром. Аксель и Грег несколько минут обнимались по-мужски, и я вижу, как Аксель поворачивает голову и говорит на ухо Грегу. Когда они отрываются друг от друга, я вижу, как Грег поднимает руку и вытирает глаза. Я позволю ему воспользоваться своим моментом. Я знаю, как много этот день значил для него, поэтому то, как Коэн назвал его среди самых близких ему людей, должно быть, эмоционально задело его.

Мы добираемся до маминого дома с достаточным запасом времени, чтобы искупать Коэна и уложить его в постель. Пока Грег читает ему сказку, я рассказываю маме о том, как прошел наш день. Когда Грег возвращается, у нее на глазах появляются слезы, но она ничего не говорит. Мы договариваемся об ужине через несколько дней и уходим вскоре после того, как Коэн засыпает. Обнимая меня на прощание, она шепчет мне на ухо, как она счастлива, что у Коэна наконец-то появился достойный папа.

Поездка домой тихая, но комфортная. И когда мы возвращаемся домой, тишина продолжается до тех пор, пока Грег не раздевает меня догола, я оседлаю его бедра и выкрикиваю его имя.

Идеальное завершение идеального дня.

Глава 25

Мелисса

Когда телефон пробуждает меня от глубокого сна, я подсакиваю в постели и чуть не падаю с края. Грег уже тянется и берет телефон с тумбочки к тому времени, как я выпрямляюсь на кровати и немного успокаиваю свое сердце.

Господи, кто, черт возьми, звонит в четыре утра?

— Кейдж, — слышу я его рокот. В момент тишины его голос утратил все грубые сонные нотки, и он рявкает свои следующие слова с таким количеством яда, что я в шоке поднимаю на него глаза. — Что. Ты. Сказал?

Когда он откидывает одеяло, бросает рубашку в мою сторону и начинает натягивать свою собственную одежду, я знаю, что это не просто приятный звонок для пробуждения. Что-то не так. Он бы никогда не вытащил меня вот так из постели.

— Когда? — Он рявкает в трубку, застыв, словно окаменев, в штанах, задранных только до колен, и смотрит на меня. Когда я вижу страх в его глазах, я знаю, что что-то случилось. — Езжай, блядь, туда сейчас же, Куп. Позвони местным по дороге и выясни, что можно сделать. Сейчас, Куп. — Он убирает телефон и, бросив его на пол, подходит ко мне. — Детка, все будет хорошо, да?

— Ты пугаешь меня, Грег. — Я просто смотрю на него и жду, когда он скажет это. — Кто звонил? — спросила я.

— Купу позвонили из компании по слежению, отвечающей за систему безопасности твоей мамы. Помнишь систему, которую я внедрил несколько месяцев назад? Подключил его прямо к нашим серверам, чтобы обо всех вызовах бедствия сообщалось нам, а также местным властям. Черт, детка. Кто-то нажал тревожную кнопку. Куп позвонил мне первым,

но больше он ничего не знает. Одевайся, надо проверить, что все в порядке.

Когда я явно не могу заставить себя двигаться самостоятельно, он помогает мне натянуть одежду и ведет к грузовику. Мы едем через весь город в район, где живет моя мама, менее чем за десять минут. Когда мы сворачиваем на ее улицу и видим, что ее дом освещен машинами скорой помощи, мое сердце замирает, и я знаю, что меня сейчас стошнит.

— Останови грузовик! **ОСТАНОВИ СЕЙЧАС ЖЕ**, — кричу я и закрываю рот рукой. С съезжает на обочину и останавливает машину. К тому времени, как он поворачивает в мою сторону, я уже вываливаю содержимое своего желудка на тротуар.

— Детка, останься здесь, а я посмотрю, что происходит, хорошо? — Я знаю, что он пытается сделать как лучше, но нет, в этом доме живет моя семья.

— Нет! Мы сделаем это вместе. Мне нужно знать, Грег. Мне нужно знать, что происходит, и я не смогу быть без тебя, когда узнаю.

— Хорошо. Пошли, детка, только оставайся рядом со мной.

Мы проходим несколько футов, оставшихся между тем местом, где он остановился, и началом полицейской ленты. Мне приходится бороться со всеми своими инстинктами, чтобы не побежать прямо к входной двери, чтобы найти маму и Коэна и убедиться, что с ними все в порядке. Несколько секунд он оглядывается по сторонам, пока я не слышу, как он кого-то зовет. Я не слышу слов; мои глаза фокусируются только на открытой входной двери, наблюдая, как дюжина или около того мужчин в форме входят в дом моей матери и выходят из него.

Я даже не осознаю, что дрожу, пока Грег не притягивает меня к себе и не заключает в объятия. Я чувствую его голос у своего уха, но все еще не могу разобрать слов. Через несколько секунд я чувствую, как напрягается его тело, и смотрю ему в глаза.

Даже в темноте ночи и странных тенях, отбрасываемых мигающими огнями на его лицо, я могу сказать, что он потерял весь цвет своей кожи. Он выглядит бледным, опустошенным и измученным.

— Что? Что случилось?

— Нам нужно в больницу, детка. — Он смотрит на меня сверху вниз, и я вижу по его лицу, что он говорит мне не все.

— Скажи мне сейчас, Грег. Я не могу вынести этого незнания. — Слезы уже подступают быстро, и я чувствую, как рыдания начинают подступать к горлу. — Скажи мне сейчас, черт возьми! — Я кричу.

— Твоя мама, детка, она пострадала, и нам нужно ехать. — Он все еще не рассказывает мне всего. Его собственные слезы начинают наполнять глаза, и он несколько раз моргает, пытаясь взять себя в руки, насколько это возможно. — Коэн, детка, он — его здесь нет.

После этого я больше ничего не слышу. Я чувствую, как по моему телу волна за волной прокатывается ледящий до костей холод. Я слышу, как Грег зовет меня по имени, и чувствую, как он тянется, чтобы схватить меня, когда мое зрение затуманивается, а тело падает.

Грег

Кажется, в миллионный раз я смотрю на Мелиссу, ее тело плотно обхватывает ноги, совсем как за последние девять часов. Она выглядит такой маленькой, сидя здесь, в суровом зале ожидания больницы. Плотно прижав обе ноги к телу и удерживая их на месте руками, она обхватывает себя руками, ее глаза смотрят вдаль, но ничего не видят. Я даже не уверен, эмоционально ли она все еще здесь, в комнате.

Мэддокс и Куп только что ушли с новостями, которые я не хотел слышать. Похоже, что Саймон Вагнер достает даже из могилы. Система мониторинга, которую я установил в доме Лилли, — лучшая из лучших. Мы извлекли ценный урок после того, через что прошли с бывшим мужем Иззи несколько лет назад. Теперь на каждом входе в ее дом установлена камера. Когда дело касается моей семьи, я не буду рисковать.

Мэддокс просмотрел записи с камер наблюдения, и когда он узнал, что случилось с Коэном, я был первым, кому он позвонил. Похоже, Сьюзен Вагнер не отступила, как мы изначально думали. Он объяснил, что она подходит с неизвестным мужчиной и после нескольких минут работы над дверью пробралась внутрь. Минут пять все тихо, прежде чем он видит, как она выбегает обратно с Коэном на руках. Ему не обязательно это говорить, но по его тону я могу сказать, что это было не просто. Я знаю только, что Коэн был в сознании, настороже и выглядел невредимым.

Это небольшое заверение — все, что мне сейчас нужно.

Мужчина, который вошел в дом со Сьюзен Вагнер, провел внутри еще минут десять или около того, прежде чем выйти обратно. Лучшим предположением было то, что Сьюзен наняла его, чтобы он позаботился о Лилли, пока она похищала Коэна. Куп следит за полицейскими сканерами, но пока ничего. Пока мы говорим, объявляется «Желтая тревога», но мы все боимся, что уже слишком поздно останавливать ее от пересечения границ штата.

Перед отъездом они сообщили мне, что, изучив биографию Сьюзен, они пришли к выводу, что она направляется на запад, в район Вегаса, последнее известное местонахождение ее сестры Энн.

Лилли была в операционной последние восемь часов, и выглядит это не очень хорошо. Когда несколько часов назад появилась Иззи, я отправился получить кое-какую информацию о Лилли. Я надеялся дать Мелиссе хоть какую-то надежду, но эта мысль быстро улетучилась, когда я узнал, насколько серьезной была ситуация.

Она получила не только удар по голове, но и множественные ножевые ранения, и было затронуто несколько жизненно важных органов. Это выглядело не очень хорошо, но я не мог терять надежду, и чертовски уверен, что не мог показать, как сильно я умирал внутри, когда мне нужно было быть сильным ради моей девочки.

Единственное, что я могу сейчас сделать, это убедиться, что я верну нашего мальчика домой.

Я возвращаюсь к Мелиссе и опускаюсь перед ней на колени. Ее глаза встречаются с моими, но не фокусируются, пока я несколько раз не зову ее по имени.

— Красавица, мне надо позвонить. Иззи останется с тобой, хорошо?

Она просто смотрит мне в глаза; весь свет, который обычно светит мне в ответ, исчез. Ее глаза пусты, а выражение лица напряжено от горя.

— Ладно, детка. Я сейчас вернусь. — Я наклоняюсь вперед и целую ее в лоб, задерживая там свои губы на несколько мгновений, прежде чем встать. Я сжимаю плечо Иззи и выхожу в коридор.

Есть только один человек, который, возможно, может мне сейчас помочь. Если Сьюзен Вагнер забрала Коэна, угрожала моей семье и, возможно, вычеркнула из жизни мать моей девочки, я не остановлюсь ни перед чем, чтобы убедиться, что я не только верну Коэна, но и что Сьюзен, блядь, Вагнер никогда больше не будет угрозой для моей семьи.

Мне требуется несколько секунд, чтобы взять себя в руки и набрать номер, которым я не пользовался годами.

— Брейкер. — Я слышу щелчок на линии.

— Это Кейдж. Брей...кер. Гребаный Брейкер. — Я жду, подавляя комок беспокойства, который угрожает вырваться наружу. После того, как я потерял самообладание и сбежал, я связался с Брексоном Брейкером на западе. Его клуб МС участвовал в благотворительной акции, и наши пути просто случайно пересеклись в нужное время. После ночной вечеринки я решил остаться с ними на несколько дней и насладиться преимуществами, которые дает компания байкеров. По сей день я знаю, что у меня есть брат на всю жизнь в лице Брексона Брейкера, и только потому, что прошли годы, это не значит, что он не прибежит по первому зову.

— Кей, брат. В чем дело? — Похоже, он не злится из-за того, что я отнимаю у него время. Может быть ему любопытно, но не сердится.

— Меня чертовски глубоко ранит необходимость сделать этот звонок, Брекс. У меня ситуация, и это не та, о которой я сам могу позаботиться. — Больше ничего не нужно говорить. Он знает о чем я, даже не произнося этого вслух.

— Рассказывай, брат. — Говорит он. Я слышу какое-то шарканье на заднем плане, поэтому жду секунду, чтобы ответить.

— Моя девочка, блядь... у меня немного времени, чтобы объяснить шесть степеней дерьма, в которых я оказался. Племянник моей девушки. Другие родственники забрали его, стащили прямо с кровати и оставили за собой беспорядок. Ее мать в критическом состоянии. Лучшее, что я смог найти, что они уехали в твоём направлении. Брекс, я никому не позволю причинить вред тому, что принадлежит мне. Никогда больше. Это закончится. — К тому времени, как я выкладываю все это, мой контроль ускользает еще больше. Мне удастся казаться чертовски спокойнее, чем я есть на самом деле. Я не могу потерять это, не здесь и не раньше, чем Коэн крепко заключит меня в объятия.

— Кейдж, брат, мне нужно, чтобы ты сказал, что тебе нужно от меня?

— Я буду в Вегасе максимум через двенадцать часов. Я должен найти моего мальчика и вернуть его домой. Я бы не стал звонить, если бы смог обойтись без тебя. Это дерьмо должно окраситься в красный, Брекс. — Когда это будет сделано, сомнений не останется. Сьюзен Вагнер не станет портить то, что принадлежит мне, и исчезнет.

Проходит всего секунда, прежде чем его глубокий рокот достигает моего уха.

— Будет сделано Разрушителями. Уже еду. Набери, когда будешь в Вегасе.

— Как только приземлюсь. Большой твой должник, брат. — Никогда не будет способа вернуть этот долг, но я с радостью отдам все, что он захочет в качестве оплаты, если это будет означать, что моя семья будет в моих объятиях, целой и невредимой.

Когда я слышу, что линия обрывается, я возвращаюсь внутрь и заключаю Мелиссу в объятия. Мы продолжаем сидеть там, уставившись на дверь, и ждем новостей о Лилли.

Глава 26

Грег

Почти невозможно оторваться от Мелиссы. Примерно через час после того, как я позвонил Брексону, мы получили известие, что ее мать не выжила. Держать ее в своих объятиях, пока она кричит от боли и горя, душераздирающе. Слишком хорошо зная, каково это — потерять своего родителя, единственного, кто у тебя остался, я знаю, как страдает ее сердце. Я крепко обнимаю ее и продолжаю напоминать, как сильно я ее люблю и что я найду Коэна. С каждой слезой и воплем, исходящими от ее тела, мое сердце разрывается еще немного.

Когда, наконец, становится очевидным, что она не сможет успокоиться сама, мы попросили врача помочь и дать успокоительное. Она мирно отдыхает, когда я наклоняюсь и прижимаюсь губами к ее расслабленным губам.

Я не хочу покидать ее, когда знаю, что она будет нуждаться во мне больше всего, но сейчас важно найти Коэна и вернуть его в целостности и сохранности в ее объятия. Никто из нас не пережил бы того удара, который нанесла бы нам его потеря. С заверением Иззи держать меня в курсе событий, я направляюсь домой, чтобы собрать сумку и отправиться в аэропорт.

К тому времени, как я приземляюсь в Вегасе, я бодрствую уже больше двадцати четырех часов. Никакой сон не нужен, когда ты работаешь на чистом гребаном адреналине и надежде.

Я выхожу из дверей на солнце пустыни и встречаюсь взглядом с человеком, которого пришел увидеть.

Брексон Брейкер. Во плоти.

— Брекс, — говорю я, даже немного не стыдясь, когда мой голос срывается. Он выглядит так же, как и тогда, когда нам обоим было по двадцать с небольшим и мы отрывались по выпивке и женщинам так, словно завтра не наступит. А в те дни, для меня, завтра и не существовало. Черт, было бы здорово увидеть его без этой дымки дерьма. — Спасибо, что пришел, брат.

— Кейдж, не надо этого дерьма. Ты звонишь Брейкеру, и моя задница появится здесь в мгновение ока. Братья, старик, братья.

— Несмотря ни на что, ты здесь, когда не должен. Ты знаешь, о чем я прошу, и ты все равно пришел... так что это заслуживает моей благодарности. — Прирожденный сукин сын, теперь я вспоминаю, что нас связывало. — Ты помнишь Локка? Сделал то, что у него получается лучше всего, и уехал, украв моего мальчика. Это будет нелегко, из того, что я могу сказать, они прячутся прямо за полосой. — Я наблюдаю за его глазами, чтобы увидеть, смущает ли его вообще эта информация. Не уверен, почему я думаю, что это так, но мне нужно убедиться, что он со мной.

Он оттолкнулся от белого фургона, к которому прислонился, и прошел несколько футов, разделяющих нас. Он слегка улыбается мне, кольца в его губе сверкают на солнце.

— Это общая информация, ты знаешь, какая там площадь? Мне нужны цифры, брат. Лучше всего я работаю с цифрами. — Его голос ровный, но пронизан теплом, в котором я нуждаюсь, и силой, что он будет стоять за своим обещанием. Ты вызываешь Брейкера, и он сделает все, что в его силах. Ему нужна информация, но это не мешает уверенности звучать в его тоне громко и ясно.

— Фургон, — говорю я и киваю головой в сторону его машины. — Отлично, Брекс, все, что нам сейчас нужно, это что-то такое заметное. — Возможно, он пробормотал бы «придурок» себе под нос, но он обходит его сзади и садится на сиденье.

— Этот фургон не отследить, — говорит он, устраиваясь поудобнее и ожидая, когда я продолжу.

— Хорошо, Сьюзен Вагнер, возраст неизвестен и не важен. Коэн Вагнер, трехлетний мальчик, моя цель. Энн Мэтьюз, сестра Сьюзен и единственная связь, которая у нас есть между Сьюзен и Веганером. С ними также мужчина неизвестного возраста. Этот ублюдок порезал маму моей девушки на куски; он пострадает. Не думаю, что есть еще помощники. Эта сучка не дура, но и не умная.

— Ладно, брат. Твой ребенок, возможно, отнесется ко мне недоброжелательно. Мне

неприятно это говорить, черт, но нужно ехать. Ты понял меня? — Как будто он вообще должен упоминать об этом. Единственное, что поддерживает меня сейчас, — это мысль о том, что Коэн скоро будет в моих объятиях.

Мы отправляемся в район, расположенный неподалеку от «Голого Города»; как рассказал мне Куп, в этом районе много преступности, наркотиков и проституции — типичная городская обстановка, с маленькими квартирами, сгруппированными говнометами и несколькими 7-Elevens, разбросанными между ними. Дети, которые должны быть в школе, продают наркотики на улице, а сучки, которые выглядят так, словно находятся на смертном одре, умоляют вас остановиться. Это не то место, в которой вы хотели бы находиться.

— Иисус, блядь, Христос, — бормочу я в окно. Я не хочу быть здесь, но чертовски уверен, что не хочу, чтобы Коэн был здесь. — Мы должны найти его, Брекс.

— Кейдж, ты знаешь меня, чувак. Я помогу. Мы вернем твоего мальчика. — В его голосе больше нет вопроса. Его тон не только пропитан уверенностью и яростью, но я чувствую, как от него волнами исходит сострадание. Брексон, возможно, единственный мужчина, которого я знаю, не боящийся запачкать руки, но его сердце — чистое гребаное золото, когда дело касается кого-то, кого он считает своей семьей.

Брекс больше ничего не предлагает, но, впрочем, как и я. Мы ползем по улицам, составляющим «Голый город», и ждем. Ждем звонка, но ищем любой знак, который мог бы привести нас к моему мальчику. Мы бесцельно разъезжаем по городу последние тридцать или около того минут, когда, наконец, поступает звонок. На экране вспыхивает «Корп Секьюрити» давая мне знать, что один из парней что-то нашел.

— Кейдж, — рывкаю я в телефон. Мое терпение постепенно иссякает с каждым бездомным, проституткой или головорезом, мимо которых мы проезжаем. Мне невыносима мысль о том, что эти люди надругаются над невиновностью Коэна. Мысль о том, что мой мальчик одинок и напуган, съедает меня заживо. — Говори, черт возьми.

— Это Куп. Мэддокс нашел его. Мэддокс нашел то, где ему следовало быть. У покойного мужа сестры есть кое-какая собственность к северу от того места, где ты сейчас. Я определил тебя по GPS, так что просто продолжай ехать по этой дороге на север, я дам тебе знать, когда повернуть.

— Понял, — отвечаю я Купу. — Держись на север, пока я не получу сообщение, — тараторю я Брексу. Я ни за что, блядь, не упомяну его имя при Купе. Мэддокс — единственный, кто знает, с кем я встречался, и это на одного человека больше, чем нужно.

— Грег, с кем ты, черт возьми, связался? — Спрашивает Куп.

— Не твое дело. Просто не отрывай глаз от экрана и скажи мне, как добраться до моего мальчика. — Да. Терпение лопнуло.

— Господи, тебя посадят или того хуже, Грег. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Да. Мы близко? — Прекрати это дерьмо; я должен это прекратить. Я делаю несколько глубоких вдохов и жду сигнала к повороту. Еще через несколько минут мы обнаруживаем, что сидим перед самым отвратительным куском дерьма, который я когда-либо видел в своей жизни. Как этот дом все еще стоит, выше моего понимания. Коробки с хламом выстроились вдоль фасада, и еще больше мусора и подержанных машин завалено во дворе, но чего я не вижу, так это людей. Во дворе нет ни одного транспортного средства, которое выглядело бы работающим. Просто хлам, рождественские гирлянды и кошки.

— Кейдж, оставайся на месте, чувак. Я знаю, тебя гложет, зная, что твой парень там. Но именно поэтому я здесь. Я вернусь. А пока возьми мою черную седельную сумку из задней части фургона. Расстегни ее для меня, ладно? Захвати пистолет, на всякий случай. На нем нет опознавательных знаков, никаких завязок, если вдруг он понадобится. Оставь сумку расстегнутой. Там мои любимые игрушки. И что-то подсказывает мне, что я собираюсь поиграть. — Он издает несколько тихих смешков, которые являются чистым злом, и не в первый раз я ловлю себя на том, что рад называть его другом, а не врагом. Брексон Брейкер — это не тот враг, которого вы хотели бы иметь.

— Грег? Какого хрена ты делаешь? — Я слышу, как Куп зовет по линии. Блядь.

— Забудь, что ты это слышал, Зик Купер, и не смей, блядь, говорить мне, что ты не сделал бы все возможное, чтобы убедиться, что ты вышел победителем в этой ситуации. Я не позволю, чтобы моей девушке или нашей семье снова угрожали. — Он начинает что-то говорить, но я отключаюсь и бросаю свой телефон на сиденье, ожидая возможности тихо вылезти и пробраться на заднее сиденье, чтобы следовать указаниям Брекса. Откидываясь на спинку сиденья, я наблюдаю, как он бесшумно передвигается по дому. Стараясь оставаться незаметным, пока проверяет все окна, он на секунду останавливается у входной двери, прежде чем повернуться к фургону с ухмылкой на лице. Он указывает на заднюю часть фургона, и я вылезаю, чтобы выяснить, что его так развеселило.

Похоже, игра, блядь, началась.

Он заходит сзади и протягивает руку за своей сумкой. Открыв люк, он кладет сумку на землю и начинает вытаскивать свои игрушки. Я видел почти все, но когда я вижу, какое дерьмо он вытворяет, даже я испытываю небольшой шок. Два железнодорожных шипа, кувалда, клейкая лента и 9-миллиметровый. Я понимаю ленту и пистолет, но первые два сбивают меня с толку.

— Брат, не уверен, что хочу знать, что ты запланировал с шипами и кувалдой, но теперь это твое шоу. Скажи мне, что делать, где быть и как вытащить моего мальчика.

— На данный момент, чем меньше ты знаешь, тем лучше. Всего четверо. Услышал, как две сучки срут, а еще одна твякает где-то перед домом. Ты оставляешь их мне. Хватай своего парня и убирайся оттуда к черту. Не хочу, чтобы ответный удар причинил вред тебе или твоему мальчику. Ты будешь нужен ему. Я вхожу первым. Ты, блядь, держись прямо за мной, чувак. Ты пригибаешься, убегаешь, мне насрать. Просто держись, черт возьми, подальше от меня.

Я могу с этим поработать. Я киваю ему и следую за ним к двери. Кому-то Брекс может показаться грубым, но я знаю, что это его шоу, его город, и я хочу этого. Я могу доверять ему, он справится с работой, не оставив ни единого следа за мной, и если дерьмо станет горячим, он позаботится о том, чтобы оно быстро остыло. Как я уже сказал, вы не захотите видеть в нем врага, но с ним как с союзником будет лучше.

Первое, что я замечаю, когда мы врываемся в дверь, — это запах. Пахнет так, как будто этот дом годами использовался как ванная или морг. В сочетании с жарой пустыни и отсутствием кондиционера «гнилой» — это мягко сказано.

Брекс быстро заставляет замолчать сучек, которые сидят за кухонным столом и нюхают кокаин, а затем жестом указывает мне следовать по темному коридору в заднюю часть дома. Даже когда я двигаюсь, мои конечности начинают расслабляться, моя кровь начинает биться быстрее, и я чувствую, как адреналин циркулирует по моему организму. Почти так, как будто мое тело знает, что мы находимся в нужном месте.

Чем ближе я подхожу к задней части, тем отчетливее слышу звуки секса, грубое соприкосновение тел с влажным шлепаньем кожи и тяжелые удары того, что, как я могу только предположить, является каркасом кровати, ударяющимся о стену. Низкие стоны мужчины заставляют мои внутренности гореть, но когда я слышу пронзительный визг, каждый мускул в моем теле сводит судорога. Я знаю эти гребаные визги.

Что за гребаный ад?!

С ревом, достаточно мощным, чтобы сотрясти фундамент, я вышибаю дверь и окидываю взглядом открывшуюся передо мной сцену. Вот она, чертова Мэнди, во всей своей обнаженной красе, производящая наилучшее впечатление взбрыкивающей наездницы на самом уродливом сукином сыне, которого я когда-либо видел.

Ее крики ударяют мне в уши, но я смотрю только на ублюдка под ней. Он быстро сбрасывает ее со своего тела; мне приходится бороться с желчью, когда я вижу, как его член встает между нами.

— Ты! Я, блядь, разберусь с тобой позже. — Я указываю на Мэнди. Расставив ноги и готовый принять все, что угодно, я смотрю на мужчину, которого, как я только что узнал, ответственен за то, что забрал мать моей девочки из этого мира. Тонем, от которого даже у меня мурашки бегут по коже, я выкрикиваю единственное, блядь, что меня волнует. — Где мой сын?

Суматоха, должно быть, насторожила Брексона, потому что я сразу же чувствую его присутствие позади себя.

— Ты знаешь эту сучку? — спрашивает он, указывая на ту сторону комнаты, где Мэнди пытается подняться на ноги.

— Да, — кусаюсь я, но не продвигаюсь дальше, когда вижу, что мужчина делает свой ход.

Я не сводил глаз с мужчины, все еще голого и бешено плюющегося, поэтому, когда он пытается напасть на меня, нетрудно заблокировать его усилия. Мой кулак, соприкасающийся с его щекой, издает тошнотворный стук, и я слышу, как от силы моего удара ломается кость. Я бросаю на Брекса быстрый взгляд, чтобы увидеть, как он разбирается с Мэнди.

— Она продолжит дышать, пока у меня не найдутся слова, брат, — плюю я через плечо. Он дергает подбородком, прежде чем вытащить ее из комнаты за волосы.

Переключив все свое внимание обратно на другого мужчину, я наблюдаю, как он слегка спотыкается, но делает движение, чтобы снова подойти ко мне. На этот раз я не теряю ни секунды. Два быстрых удара в живот заставляют его перевернуться. Еще один резкий удар в висок заставляет его слегка пошатнуться. И когда я, наконец, беру его голову в свои руки и опускаю ее на свое поднятое колено, он рассыпается. Кровь течет у него из носа, рта и ушей.

Когда он, наконец, падает на пол, я отступаю назад и врезаю ногой в ботинке ему в живот.

— Где мой сын, придурок? — Я рычу ему в лицо.

Я не получаю ответа, поэтому опускаюсь на колени рядом с его распростертым телом и спрашиваю еще раз:

— Где, черт возьми, мой сын?

— Пошел... ты, — стонет он.

Неправильный ответ.

Я полностью теряю чувство реальности, когда мое зрение становится красным, и начинаю его метелить. Только когда кровь полностью покрывает мои руки, и я тяжело дышу,

я, наконец, могу отстраниться, падая задницей на залитый кровью пол.

Я слегка подпрыгиваю, когда угрожающее рычание Брекса наполнило комнату.

— Брат, хватит. Иди, я разберусь. Я окрашу все в красный, Кейдж. Иди.

— Я не могу найти своего мальчика, — говорю я, поднимая глаза и встречаясь взглядом с Брексом. Под яростью, которая охватывает его лицо, я вижу сострадание и печаль по отношению ко мне. — Мой мальчик, Брекс.

— Черт, Грег, возьми себя в руки. Обыщи весь дом, каждый закоулок и каждую гребаную щель. — Его резкий тон заставляет меня выпрямиться, и я неуклюже поднимаюсь на ноги, стряхивая отчаяние, которое начало овладевать моим организмом.

Я встаю со своего места на полу и стягиваю рубашку через голову, чтобы начисто вытереть руки. Ни за что, блядь, я ни к чему не притронусь в этой комнате.

Кроме мусора, усеивающего пол и все доступные поверхности, в комнате почти ничего нет. Разворачиваясь и собираясь уходить, но впервые замечаю комнату в стороне. Мои ноги движутся к двери еще до того, как я осознаю, что мне пришла в голову эта мысль. В спешке я чуть не спотыкаюсь о тело, которое Брекс в спешке вытаскивает из комнаты.

Дотягиваюсь до ручки и обнаруживаю, что она заперта, и во мне немного загорается надежда. Я не могу придумать никакой другой причины, по которой в этом куске дерьма была бы только одна запертая дверь.

— КОЭН, — кричу я и колочу в дверь. — Коэн, детка, ты там? — Несколько минут я слушаю тишину, моя надежда медленно умирает. — Коэн... Сынок, пожалуйста, будь там.

Я готовлюсь выбить дверь, когда слышу слабое сопение и единственное слово, которое может вернуть мое сердце к жизни.

— П-папочка?

— Брекс! — кричу я. — Я нашел его.

Я пытаюсь выломать дверь плечом, но она не поддается. Непреодолимая потребность держать Коэна в своих объятиях, убедиться, что с ним все в порядке, — вот что движет мной сейчас.

— Коэн, мне нужно, чтобы ты отошел от двери. Хорошо, приятель? — Когда я слышу его тихий ответ, я отступаю назад и со всей силы пинаю дверь, наблюдая, как она разлетается в щепки и распахивается. Сразу же мои глаза начинают скользить по маленькой, черной как смоль комнате. Прежде чем я успеваю осмотреть всю комнату, Коэн бросается в мои объятия. Я беру его на руки и кладу его голову себе на плечо, впервые с тех пор, как нам позвонили, чувствуя, что все будет хорошо.

— Коэн, мне нужно, чтобы ты крепко зажмурил глаза, пока я не скажу открыть их, хорошо? Здесь есть несколько очень плохих ниндзя, с которыми сражается один из моих друзей, и я не хочу, чтобы ты видел это. Ты понимаешь? — Я чувствую, как он кивает головой мне на плече, его крошечное тело сотрясается от рыданий, а его слезы пропитывают мою футболку. — Теперь ты у папочки, Коэн.

Я, не теряя времени, обхожу дом, бросаю быстрый взгляд на Брекса и вижу, что он занят выполнением своего обещания. Я сомневаюсь, что в этой комнате останется хоть дюйм, который не был бы выкрашен в красный цвет, когда он закончит.

Всего через несколько часов мы расположились в номере мотеля с тараканьим ведром, чтобы я мог помыть и накормить Коэна. Брекс сбегал в магазин за углом, чтобы заготовить закуски для Коэна, пока я буду его купать и переодевать. К счастью, в своей спешке,

чтобы успеть в Вегас, я предусмотрительно взял с собой смену одежды для нас обоих.

Коэн потерял сознание у меня на руках вскоре после того, как проглотил все пакеты с закусками, которые принес Брекс. Он без сознания, но в безопасности. В. Моих. Объятиях.

Даже с Коэном здесь я не смогу спокойно отдыхать, не зная, что произошло, не зная, что угроза исчезла навсегда. Я поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с Брексом. Он ждет этого; он слишком хорошо меня знает и знает, что я попрошу.

— Ну?

Он смотрит мне в глаза несколько секунд. Я могу сказать, что он пытается решить, как много мне рассказать. Что бы он ни увидел на моем лице, он решился.

— Сучка номер один примотана скотчем к стулу, медленно истекает кровью, брат. Долгая, медленная смерть. Сука номер два... ну, она устроила драку, череп проломлен. Сучка номер три примотана скотчем к другому стулу; она ни за что не освободится, пока ее не заберет мой связной. Она умоляла меня отпустить ее, умоляла об этом дерьме. Эта пизда так зациклена на тебе, братан. Одержима до невозможности. Ты был не в том настроении, чтобы решить это, брат. Ты же не хочешь, чтобы эта сука снова оказалась рядом с твоей семьей. Я решил это. Тот придурок? Ну, давай просто скажем, что он не встанет со своего стула, потому что я вонзил шипы в его коленные чашечки, перерезал ему горло и выпустил всю кровь. Ты сказал покрасить это дерьмо в красный цвет, Кейдж. Я покрасил. — Его глаза выглядят усталыми, но могу сказать, что он все еще находится под кайфом от адреналина.

Должно быть, тяжело это слышать, но эти люди не заслуживают того, чтобы ходить по этой земле. Я пообещал себе, что больше никому не позволю угрожать моей семье, и даже в этой битве добра и зла я чувствую, что поступил правильно.

— Что с ней будет? — Спрашиваю я. Мой желудок сжимается при одной мысли о том, что она может доставить еще больше неприятностей.

— Она не будет проблемой. У моего связного есть планы на нее. Она больше никогда, блядь, не тронет твою семью. — Ты ни с кем не дружишь так долго, как мы, не умея читать между строк. Он знает, что меня гложет.

Я киваю головой и снова смотрю вниз на Коэна.

— Я не знаю, как отблагодарить тебя за твою помощь, Брекс. Правда не знаю. Рядом с Мелиссой этот маленький мальчик значит для меня весь мир, и ты помог вернуть его. Если тебе что-то понадобится, что угодно, звони, ладно?

— Будет сделано, брат. Договорились. — Он кивает мне, его взгляд еще раз падает на Коэна, прежде чем оттолкнуться от стены, к которой он прислонился. Ему требуется несколько секунд, чтобы вытащить что-то из своей сумки, а затем он подходит к кровати. Он бросает ключи и новый номерной знак на кровать, в последний раз встречается со мной взглядом и выходит за дверь. На данный момент слова не нужны. Он знает, что мое уважение к нему глубоко, и я знаю, что такому человеку, как Брексон, моя благодарность не нужна, но известна.

Пришло время забрать моего мальчика домой, забрать мою девушку и собрать осколки из-за этого гребаного бардака.

Глава 27

Грег

Я не трачу впустую время на то, чтобы поменять номера и отправиться домой. Коэн просыпается несколько раз, и каждый раз заканчивается его криком, прежде чем он просыпается. Затем, когда он оглядывается и видит мое лицо, им овладевает спокойствие. У

меня разрывается сердце при мысли о том, через что ему пришлось пройти, но я должен считать, что нам в какой-то степени повезло, что все ненамного хуже.

Примерно через пять часов нашей поездки я звоню, чтобы отметить. Иззи говорит, что им пришлось снова дать ей успокоительное, когда она поняла, что меня нет. Она надеется, что, когда она сообщит ей новость о том, что я возвращаюсь с Коэном, она сможет вернуть себе некоторое чувство реальности. Прямо сейчас она слишком глубоко погрузилась в свое горе. Убивает сознание того, что она сидит в холодной больничной палате напуганная, с разбитым сердцем одна.

Когда я, наконец, больше не могу бодрствовать, я останавливаюсь где-то в центре Техаса. Я выдохся, это становится проблемой для нашей безопасности, если я не выплыву. Коэн, должно быть, ощущает себя так же, потому что он просыпается всего на несколько часов, прежде чем снова заснуть.

Я поселяю нас в безымянном мотеле на несколько часов. Подхватывая Коэна и запирая фургон, мы пробираемся внутрь. Я запираю дверь и переносу его на кровать, даже не потрудившись откинуть простыни. Ложась и прижимая его поближе к своему телу, я обнимаю его, и через несколько секунд вырубаюсь.

Когда я просыпаюсь несколько часов спустя, мой разум затуманен, и мне требуется несколько минут, чтобы вспомнить, где я нахожусь и почему я здесь. Когда я не чувствую Коэна, я в панике вскакиваю с кровати.

Оглядывая комнату, я задерживаю дыхание, когда вижу, что он сидит на краю кровати и счастливо смотрит телевизор.

— Коэн, — говорю я на долгом выдохе.

— У тебя забавное лицо, папочка. — И вот так просто я пришел в себя. Опускаясь перед ним на колени, я крепко прижимаю его к себе и просто держу, благодаря каждого Бога, о котором могу думать, что с ним все в порядке. — От твоего лица у меня чешется шея. — Он хихикает.

— Извини, малыш, не было времени побриться, — шучу я, прежде чем потереться подбородком о его маленькую шейку.

После того, как мы заканчиваем смеяться, я притягиваю его обратно и осматриваю с головы до ног.

— Ты в порядке? Я знаю, это, должно быть, было страшно. Ты такой храбрый маленький мальчик.

Он смотрит на меня несколько минут, его лицо сморщивается, прежде чем расслабиться, и, как ни в чем не бывало, он улыбается.

— Глупыш, я знал, что ты придешь. У тебя есть сверхспособности, помнишь? — Конечно, сверхспособности.

— Это верно. Я всегда приду за тобой. — Я провожу рукой по его волосам и целую его в лоб, прежде чем подняться во весь рост. — Все в порядке, мой лучший друг. Они есть у всех великих супергероев. Твоя задача — помочь мне доставить наш волшебный фургон домой как можно быстрее. Думаешь, сможешь с этим справиться?

Он спрыгивает с кровати и начинает оживленно бегать вокруг, рассказывая мне, как мы собираемся добраться домой еще до того, как закончится Губка Боб.

Он потерял меня в Губке Бобе, но я могу смириться с этим.

Следующие пятнадцать часов нашей поездки выматывают. Коэн беспокойный, каждый раз, когда он засыпает, просыпается с криком. Я начинаю беспокоиться о том, что могло

произойти до того, как я приехал. Когда я пытаюсь поговорить с ним об этом, он говорит, что вонючие люди заставили его залезть в ванну и сказали, что если он будет издавать хоть какой-нибудь шум, они причинят боль его тете. После этого мы не говорим об этом, но я делаю мысленную заметку спросить у Иззи имя врача, который помог ей после стычки с бывшим мужем.

Когда мы наконец пересекаем границу Джорджии, меня не было больше трех дней. Три дня, когда мне нужно было быть дома. Три дня, которые моя девушка страдала без меня.

После последнего сообщения от Иззи мне стало немного легче. Она сказала, что она с Мелиссой в нашем доме, и у нее дела идут намного лучше. У нее все еще бывают моменты, когда она срывается, но по большей части она кажется странно взволнованной и совершенно очевидно ждет нашего возвращения.

Когда мы наконец въехали в город, было уже ближе к вечеру. Я попросил Мэддокса и Купа встретить меня у городской черты с моим грузовиком, чтобы они могли избавиться от фургона, пока я буду добираться домой к Мелиссе. Ни за что на свете я не стану рисковать, подгоняя фургон прямо к двери. Мне и так будет трудно объяснить, как получилось, что я появился с ребенком, которого все ищут.

Мои колеса еще не успели доехать до конца подъездной дорожки, как я увидел ее. Вылетев через парадную дверь, она бежит по двору так быстро, как только может, чтобы добраться до грузовика. В ту секунду, когда она открыла входную дверь, я останавливаю грузовик и выхожу, так что, когда она добралась до меня, врезавшись в мое тело с достаточной силой, чтобы почти сбить меня с ног, я был готов.

Я всегда буду готов.

Она не говорит; она просто держит меня с силой, сокрушающей кости. Через минуту, когда она обнимает меня и выплескивает все свое горе, она отстраняется и смотрит мне в глаза. Уверен, что мои такие же красные и влажные, как у нее. Не нужно сейчас сдерживаться. Давление, стресс, беспокойство и разбитое сердце последних нескольких дней просто спадают с меня. Адреналин, на котором я держался, исчезает в ту секунду, когда я беру ее в свои объятия.

— С ним действительно все в порядке? — спрашивает она, проводя своими маленькими ручками по моим щекам, бороде и вниз по груди, как будто оценивает меня на предмет каких-то травм.

— Он действительно в порядке, красавица. У него проблемы со сном, если он не держит меня за руку или я не держу его, но с ним действительно все в порядке.

— А ты? — Ее руки все еще блуждают по моему телу. Когда она добирается до моих рук и видит повреждения на костяшках, она не спрашивает. Она просто подносит мои руки к своим губам и снова начинает плакать.

— Мелисса, посмотри на меня. — Я жду, пока она успокоится и поднимет свои глаза на мои. — Мне нужно, чтобы ты собралась, собрала ту силу, которая, я знаю, у тебя есть, и помогла мне. Я тоже хочу развалиться на части, детка, но прямо сейчас нам нужно собраться ради нашего мальчика, хорошо?

Она делает несколько глубоких вдохов и кивает головой. Ей приходится заметно взять себя в руки, когда мы начинаем подходить к грузовику со стороны Коэна.

— Он не спал с Миссисипи, в конце концов вырубился где-то в середине Алабамы, но с ним все в порядке. — Мы вытаскиваем его. Целого и невредимого.

Его губы слегка морщатся во сне, но каждые несколько секунд они изгибаются в

улыбке. Его светло-каштановые волосы в беспорядке, а на его одежде различные пятна от еды на каждом дюйме ткани. Но сейчас, прямо сейчас, он не мог выглядеть идеальнее.

Этой ночью мне приходится сообщать, что Коэн дома. Чертовски хорошо, что у меня такие близкие отношения почти со всеми полицейскими, детективами и частными детективами в этом районе. Они не задают много вопросов, когда я говорю им, что это я нашел его. Ну, один из них задал, но Мэддокс вмешался, и, покачав головой, полицейский-новичок закрыл рот. Ребенок в безопасности, и именно к этому все сводится. Один из них остановил меня, когда уходил, чтобы спросить, стоит ли ему еще искать Сьюзан Вагнер и ее напарника. Я не сказал ни слова, но он был бы чертовым идиотом, если бы не заметил моего взгляда.

Я вкратце рассказываю ребятам о том, что произошло, и предоставляю им самим заполнять пробелы. Когда я уезжал в Вегас, Мэддокс делал то, что у него получается лучше всего. Он сидел в своей комнате, полной компьютеров, и искал, пока не нашел след.

Когда Мэнди начала понимать, что я действительно порвал с ней, она стала одержима идеей разлучить нас с Мелиссой. Она поставила перед собой задачу узнать о нас все, что могла. Было нетрудно заметить, что она преследовала Мелиссу в течение нескольких месяцев. Когда Куп пришел в ее квартиру, у нее были стены, увешанные фотографиями. Мелиссы, меня, Коэна, но большинство, где нас было трое. Единственная разница заключалась в том, что она накрыла своим лицом лицо Мелиссы. Она создала всю эту фантастическую жизнь, в которой мы собирались жить долго и счастливо с нашим маленьким мальчиком.

Отвращение даже близко не идет к тому, что я чувствую по этому поводу. Мы все согласились, что лучше никому об этом не говорить.

Нам до сих пор не ясно, как это произошло, но она связалась со Сьюзен и наняла человека, которого мы позже опознали как Бруно Кларка, чтобы похитить Коэна. После этого у них, похоже, не было определенного плана, потому что тропа закончилась в Вегасе.

Когда я узнал, насколько Мэнди была больна, я был рад, что она гнила где-то глубоко в недрах Вегаса. Я боролся с тем, что не знал наверняка, что с ней случилось. В конце концов, мне пришлось позвонить Брексу. Его ответом было оставить все как есть и просто знать, что эта сука больше не тронет мою семью. Она ушла, и я чертовски уверен, что было лучше, если бы я не знал, где она оказалась. Уверен, это был сущий ад на земле.

Первые несколько ночей дома даются нелегко. Мы садимся и объясняем Коэну, что у его бабушки появились крылья, и теперь она собирается сидеть на облаках и присматривать за ним. Он справляется с этим так же хорошо, как и трехлетний ребенок, но позже в тот же день, когда он устает, он снова начинает звать бабушку. Мелиссе приходится выйти из комнаты, потому что она не хочет, чтобы он видел ее срыв, но я знаю, что ей тяжело.

После очередного разговора об ангелах и небесах он, кажется, понимает немного лучше. В ту ночь он засыпает между нами.

Следующая ночь проходит немного легче, но он все еще не может встать с нашей кровати.

Только через неделю после похорон он наконец-то смог спать в своей собственной постели.

Мелиссе становится лучше. У нее есть свои моменты, но она обычно оправдывается,

когда они случаются. Несколько раз я заставлял ее в душе или сидящей глубоко в шкафу, погруженной в себя, но мне удавалось разговаривать с ней.

Суть в том, что никто в моем доме не справляется с ситуацией должным образом. Только по прошествии еще одной недели я вспоминаю о психотерапевте Иззи. Она специализируется на горе и ПТСР и помогла и Иззи, и мне после того, как я чуть не расстался с жизнью, пытаюсь спасти ее. Не нужно никаких уговоров, чтобы привлечь Мелиссу. Она знает, что мы не исцелимся, пока не поговорим с кем-нибудь, не выразим свою потерю, свои страхи и все остальное, что висит над нами.

Это первый день, когда я вижу, как в ее глаза возвращается хоть какая-то жизнь. Именно тогда я знаю, что у нас все будет хорошо, что мы пройдем через это.

Мелисса

Я мало что помню из дней, последовавших за убийством моей матери. Я помню, как несколько раз просыпалась и видела Иззи или одного из парней. Я помню, как плакала по Коэну и по Грегу, но по большей части последующие дни были пустыми. Я не хочу вспоминать те дни, когда боль была такой острой, что я боялась, что она поглотит меня. Я не хотела вспоминать страх, который поглотил меня, когда я подумала, что никогда больше не увижу Коэна, никогда не смогу слушать, как он твердит о ниндзя или сосисках. И я не хочу думать о том, что я чувствовала, когда думала, что тоже потеряю Грега.

Я помню, каково это было, когда я смотрела, как его грузовик въезжает на подъездную дорожку, и увидела его лицо и тень моего спящего маленького мальчика на заднем сиденье. Я действительно помню реакцию моего тела с головы до ног, когда Грег вышел из грузовика, и я упала в его объятия.

Когда Иззи сказала мне, что они с Коэном едут домой, я без сомнения поняла, что нет ничего такого, чего бы этот человек не сделал, если бы чувствовал, что так будет лучше для его семьи.

Мы не говорим о деталях его поездки для возвращения Коэна. Я не хочу знать. О чем мы сейчас говорим, так это о том, как нам повезло. Нам был дан шанс, который мало у кого в нашем положении когда-либо был. Второй шанс на жизнь.

Глава 28

Мелисса

Прошло два месяца с тех пор, как мы потеряли мою маму и чуть не потеряли Коэна. Сегодня мы собираемся отпраздновать мой двадцать девятый День Рождения. Мы ничего не планировали, но это просто еще один способ вернуться к нормальной жизни.

Коэн почти вернулся к тому маленькому мальчику, которым он был до происшествия. У него все еще есть дни, когда он зовет мою маму, но теперь, когда его время заполнено постоянным общением с Грегом, он, наконец, движется дальше.

— Мелисса? — Последние пятнадцать минут я была в ванной, готовилась. Ему повезло, что мне не требуются годы, чтобы подготовиться, но мои парни готовы кушать, поэтому они торопят меня.

— Здесь! — Я кричу в дверь, прежде чем вернуться к зеркалу, чтобы закончить наносить тушь.

— Ты почти готова? — спрашивает он и наклоняется, чтобы поцеловать меня в висок. — Коэн готов, накидка и все такое.

Конечно, это так. В один прекрасный день он, возможно, снимет эту штуку, но прямо сейчас ее с таким же успехом можно отрезать только хирургическим путем.

— Почти. — Я закрываю тушь и поворачиваюсь, хватая его за рубашку и притягивая к себе. Когда мои губы встречаются с его, я провожу руками по его твердой груди, прежде чем запустить пальцы в его волосы. Он одобрительно мурлычет мне в рот, и так мы забываем об окружающем мире.

Когда он хватается меня за задницу и притягивает к своему телу, я знаю, что случайно разбудила зверя. Отстраняясь, бросаю на него взгляд, полный сожаления, прежде чем сказать:

— Извини, я действительно просто хотела поцеловать тебя перед выходом.

— Рад оказать тебе услугу, красавица, но давай убедимся, что в следующий раз, когда ты захочешь такого поцелуя, мы не собираемся встречаться с друзьями, чтобы поужинать. Сидеть часами и мучиться — хреново, когда мой член вот-вот задушат штаны. — Я начинаю смеяться и поворачиваюсь, чтобы уйти в спальню, чуть не сбивая Коэна с ног в процессе.

— Папа? Что такое член и почему твои штаны причиняют ему боль? — Я оборачиваюсь и смотрю на Грега. Его лицо вытягивается от удивления, а щеки краснеют. Кто бы мог подумать, что мужчину действительно можно шокировать.

— Эм, Коэн, помнишь тот день, когда я сказал тебе, что есть некоторые вопросы, которые ты не можешь задавать, пока тебе не исполнится десять? — Он ждет, пока маленькая головка Коэна кивнет, прежде чем продолжить: — Ну, это один из тех вопросов, которые ты не можешь задать снова до тех пор, хорошо?

— Все в порядке, папочка. Я просто спрошу Мэддокса Локка! — С тех пор как Коэн вернулся из Вегаса, Грегу невыносима мысль о том, чтобы отдать его в садик. Он просто чувствует, что это слишком рано. Итак, Коэн стал новым членом команды безопасности Корпуса. Поскольку эти люди имеют тенденцию обращаться к фамилиям, отчествам, обоим, а иногда и ни к одному из них, Коэн был слегка смущен тем, как ему следует их называть. В конце концов он решил называть их так, как ему заблагорассудится. Не у всех были и имя, и фамилия. Казалось, он приберег это только для своих любимых.

Бек теперь Беккет. Мэддокс — это Мэддокс Локк, а мой личный фаворит, Свей — Дилберт.

— Хорошая идея. Спроси его. — Грег быстро выпроваживает Коэна из комнаты, чтобы я могла продолжить готовиться. Я все еще смеюсь, когда спускаюсь вниз, чтобы встретиться со своими мальчиками.

Дорога до ресторана не займет много времени. Мы решили встретиться в одном из местных итальянских заведений, которые нам всем нравятся, и, как обычно, мы приезжаем последними. Возможно, в один прекрасный день мы будем первыми. А может и нет.

Когда мы входим, я сразу же становлюсь изможденной. Я получаю улыбку от Грега, прежде чем он берет Коэна за руку и ведет его к столу. Когда Иззи, Ди и Эмми наконец затащили меня в туалет, посыпались вопросы.

— Что за черт? — вылетает у Иззи.

— Было бы здорово, если бы мне позвонили! Я что, слишком много прошу? — бормочет Ди.

— Он тебя обрюхатил? — Удивительно, но это исходит от Эмми.

Мы все смотрим на нее, и я смеюсь, когда ее щеки цвета слоновой кости мгновенно краснеют.

— Что? — шепчет она. — Вы все тоже об этом думали.

Я откровенно смеюсь над этим комментарием. По правде говоря, я знала, что это то,

что должно было произойти. Мы с Грегом уже говорили о том, что произошло бы, если бы мы это сделали. Обратная реакция, с которой нам, вернее, мне, придется иметь дело. Похоже, он был прав. Моим подругам не нравится мысль о том, что они пропустили нашу свадьбу. Но, я знаю, это нечто большее. Иззи и Грег — как семья, поэтому то, что мы исчезаем и сбегает в горы на свадьбу никого не пригласив, ну, это не устраивает Иззи.

— Мне жаль? — Говорю я. — На самом деле это не так, но ты можешь поверить в это, если тебе от этого станет лучше. — Они все смеются, но я могу сказать, что Иззи все еще немного недовольна.

— Я хотела присутствовать. Я так рада за вас двоих, но хотела бы видеть, как он женится. — Я понимаю ее. И Грег тоже. Но это касается нас, и это то, что действительно имело значение.

— Я знаю, Из. Я тоже, но нам это было нужно. Для нас это было что-то особенное. Это была всего лишь небольшая церемония с нами и Коэном, а позже у нас был особый день, чтобы сделать то, что понравилось бы нашим сестрам и моей матери. — И мы это сделали. Мы делали такие мелочи, как сбрасывали перья с одной из гор, на которые поднимались, наблюдая, как они улетают. Мы даже нашли колодец желаний. Однажды эти мелочи будут что-то значить для Коэна.

— Так это значит, что ты не залетела? — с надеждой спрашивает Ди.

— Нет, я не залетела. — Я смеюсь, когда ее лицо вытягивается. — Не сейчас, но мы ничего не делаем, чтобы предотвратить это. Если это случается, то ладно. Это просто одна из тех вещей, над которыми мы потеряли контроль, и теперь мы просто живем своей жизнью.

— Что ж, я рада за тебя, — говорит Эмми и обнимает меня своими маленькими ручками.

— Я тоже. Правда я была немного расстроена, но все равно рада. — Иззи улыбается, и ее зеленые глаза блестят от непролитых слез. — Ты теперь вроде как моя сестра. — Она делает шаг вперед и обнимает меня. Я не думала об этом с такой точки зрения, но она права. Я думаю, и не в первый раз за последние несколько месяцев, насколько мне повезло.

— В чем твоя проблема? — Я слышу, как Эмми спрашивает Ди. — Ты так разочарована тем, что она не залетела?

Она смотрит на нас некоторое время, не торопясь, чтобы посмотреть нам всем в глаза. Сумасшедшая цыпочка действительно разочарована и делает дерьмовую работу, скрывая это.

— Что? Ну и что с того, что я немного расстроена. Я с нетерпением ждала появления здесь еще одного ребенка, теперь, когда Нейт — настоящий «альфа-мальш».

— Что, черт возьми, такое «альфа-мальш»? — спрашивает Иззи, смеясь.

— Э-э, правда? Он постоянно говорит «мое». Но говорит ли он это о нормальных вещах, на которые мог бы претендовать годовалый ребенок? Нееет, не ребенок Аксея Рида. Его мальш претендует на сиськи, Иззи. На днях я взяла его с собой в торговый центр, и когда мы зашли в Victoria's Secret, чтобы купить новые мужские трусы, потому что, эй, они были в продаже, так почему бы и нет? В общем, мы заходим, и он начинает показывать на каждый манекен, на грудь каждой продавщицы. Потом, когда я переодеваюсь, он стягивает с меня топ и кричит «мое». У тебя проблемы с мальчиком, если он уже гоняется за сиськами.

Прежде чем она заканчивает свой рассказ хотя бы наполовину, мы все вытираем слезы и смеемся, как сумасшедшие. Господи, иногда то, что слетает с ее губ, просто невероятно.

— Ты когда-нибудь думала, что, может быть, он просто был голоден? — спрашивает

Иззи. Как будто сама мысль о том, что ее ребенок, которого кормят грудью, голоден, даже не прошло Ди в голову.

— Нет. Не подумала, потому что просто странно, что ты все еще кормишь грудью, а у твоего ребенка уже зубы. Что, если он откусит твой сосок?

— Ты серьезно? — говорит Эмми в шоке.

— Черт возьми, да. Когда у меня будут дети, они ни за что не приблизятся к моим девочкам с зубами. Ни за что.

— Ты смешна, это полезно для него. И серьезно, Ди, он кусал. Ты действительно думаешь, что пару укусов повредят эту молочную машину? — Я могу сказать, что Иззи начинает расстраиваться. Это спор, который мы ведем постоянно, «мы» — это Ди против нас. Ее просто невозможно переубедить во всей этой истории с зубами и сосками.

— Боже! Ты можешь не называть их молочными машинами? — Ди визжит.

— Знаешь, Ди, я не понимаю, из-за чего ты так волнуешься. Мне нравится, когда Грег пускает в ход свои зубы. — Я смеюсь, когда у нее отвисает челюсть. В наши дни ее действительно слишком легко шокировать. Я почти уверена, что в последний раз, когда она занималась сексом, президентом был Буш-старший.

— Мне не нужно знать это о Греге. — Она смотрит на Иззи, которая все еще смеется. — Почему ты смеешься? Это отвратительно?

Иззи успокаивается и смотрит на Ди с весельем, танцующим в ее ярких глазах.

— Тогда, я думаю, ты не захочешь услышать, как она рассказала о том, когда она впервые обнаружила, что у него не один, не два, а три пирсинга на члене! — Она снова начинает смеяться, когда Ди начинает давиться и выходит из туалета.

— Жестоко, но чертовски весело. — Несколько секунд я смеюсь вместе с Иззи. Когда мы обе в состоянии остановиться, я смотрю на нее и слегка улыбаюсь. — Ты правда в порядке? Я знаю, ты хотела быть там с нами, но на самом деле это было просто то, что нам нужно было сделать, только нам троим.

— На секунду мои чувства были задеты, но потом Аксель объяснил мне. Я понимаю, правда понимаю. — Мы обнимаемся на секунду, прежде чем она отстраняется и хватает меня за руку. — По крайней мере, он сделал что-то правильно.

Здесь она тоже не ошибается. Пока она и Эмми по очереди хвалят кольцо, которое он выбрал для меня, я получаю секунду, чтобы еще раз все обдумать.

Мое сердце переполняется, когда я думаю о том, что значит носить эти кольца. Мой муж. Это так ново и, честно говоря, еще не прижилось. Не уверена, что это продлится еще какое-то время, но мысль о том, что мужчина, которого я так решительно стремилась избегать, теперь мой муж, а вскоре и приемный отец Коэна, заставляет мое сердце биться быстрее.

Когда мы возвращаемся к столу, Грег встает и отодвигает для меня стул. Как раз в тот момент, когда я готовлюсь поздороваться с Беком, сидящим справа от меня, Грег наклоняется и шепчет мне на ухо.

— Ты знаешь, почему Ди вышла перед вами тремя, несущими какую-то чушь о том, что он отвратителен? — Я смотрю через стол на Ди. Она все еще смотрит на Грега так, как будто он является носителем всех существующих неизлечимых болезней, и у меня снова начинается истерика.

— Прекрати это, Ди! — кричу я через стол.

Она несколько раз качает головой и оглядывается на Грега:

— Просто есть некоторые вещи, которые я не хочу знать о тебе. Три? Правда?

Грег обнимает меня за плечи и притягивает ближе к себе. Я чувствую, как его смех вибрирует по его дрожащему телу, когда он смеется над Ди. Обнимая меня сильными руками моего мужа, Коэна у него на коленях и все наши друзья, окружающие нас, я в миллионный раз благодарю свою сестру за то, что она всегда напоминает мне о том, что нужно жить.

Мы решаем уйти с ужина немного пораньше. Когда Иззи спрашивает, может ли Коэн переночевать у них дома, очень взволнованный трехлетний ребенок визжит «да» через стол, и Грег, не теряя времени, оплачивает счет и вытаскивает меня из ресторана.

— Ты ведешь себя как зверь, Грег. — Я смеюсь, изо всех сил стараясь не отставать от его огромных шагов.

— Я же говорил тебе, что у каждой красавицы свое чудовище, а твоему только что была гарантирована целая ночь непрерывного секса со своей женой. Так что давай двигаться, женщина. — Когда я все еще не могу поспевать за его шагами к грузовику, он разворачивается, и прежде чем у меня появляется шанс возразить, толкает меня плечом в живот, и я нависаю над его спиной.

— Грег! — В этот момент я даже не могу изобразить возмущение.

Это мой мужчина, и мне это чертовски нравится.

Когда мы добираемся до грузовика, он почти швыряет меня на сиденье. Он действительно находит время, чтобы наклониться и впиться в мои губы всепоглощающим поцелуем, полным обещания того, что должно произойти. Когда он отстраняется, я хнычу, а он смеется.

— Да, теперь ты чувствуешь меня.

— Чудовище.

Поездка на машине домой наполнена жаром. Не из-за температуры, а потому, что мы оба знаем, что можем сделать два шага в дом, если повезет, прежде чем погрузимся друг в друга.

С тех пор как Коэн стал жить с нами постоянно, нам пришлось творчески подходить к нашей сексуальной жизни. Время, когда он затолкал меня в кладовую и дал мне самые горячие пять минут между приготовлением консервов, — одно из моих любимых. Коэн нас не видел. Я убеждена, что этот парень пришел со встроенным блокиратором секса. Во всяком случае, присутствие маленького парня рядом только усиливает наше влечение друг к другу, когда мы можем украдкой провести время вместе.

С другой стороны, с Грегом Кейджом каждый раз как первый.

Когда мы въезжаем в район, машем Стэну рукой и направляемся к дому, я расстегиваю ремень и готовлюсь к тому, что будет дальше. Предсказуемый, как всегда, он подъезжает прямо к входной двери, вылезает и крадется к моей двери. По крайней мере, на этот раз он берет меня в свои объятия по-свадебному, направляясь к двери. Я протягиваю руку и справляюсь с замками, и через две секунды мы оказываемся у двери, она закрыта и заперта на ключ, а моя спина прижата к холодной стали.

— Не могу дождаться, красавица, — сказал он мне в губы. — Мне нужно чувствовать тебя. Нужно любить тебя.

— Не хочу ждать, — отвечаю я и начинаю помогать ему снимать одежду. Мы спотыкаемся и падаем на пол. Прежде чем мы переходим к делу, он перекатывается, так что

его тело принимает на себя основную тяжесть удара.

Мы превращаемся в размытое пятно из одежды и конечностей, когда спешим соединиться. Иногда я чувствую, что такие моменты, как этот, — это наш способ напомнить друг другу, что мы оба живы, что мы оба прошли через это и все еще здесь, живем своей жизнью и сильно любим.

— Люблю тебя, — говорю я ему, наклоняясь вперед и глядя вниз на наши тела, чтобы наблюдать, как он вводит свой член в мою киску. Я хватаю его за мышцы груди и начинаю двигаться против него. Мой любимый пирсинг обеспечивает идеальное трение о мой клитор.

Я чувствую, как его руки начинают скользить вверх по моей груди, прежде чем он обхватывает мои груди и начинает перекатывать и пощипывать мои соски. Моя голова откидывается на плечи, и я начинаю двигаться быстрее, наслаждаясь одним из редких случаев, когда он позволяет мне оставаться сверху.

После того, как я начинаю немного колебаться в своих движениях, он хватается за бедра и начинает поднимать меня вверх и опускать мое тело вниз, встречая мой толчок за толчком и скольжение за скольжением. Наши стоны танцуют вместе, и когда я чувствую, что начинаю распадаться, я слегка наклоняюсь вперед, ожидая, когда он приподнимется и встретится с моими губами.

И прямо там, сплетя конечности и сомкнув наши губы, мы оба достигаем освобождения одновременно. Полностью освобожденные. Разум, тело и душа.

Живем той жизнью, которая нам выпала на долю. Красавица и ее чудовище.

Эпилог

— Я не была здесь несколько месяцев. Я могла бы винить погоду, но зима закончилась несколько недель назад. Я могла бы обвинить работу, но вы обе знали бы, что я бы солгала сквозь зубы. Могла бы винить в этом множество вещей, но единственная правда в том, что я боялась. Одно дело прийти с мальчиками. Когда они рядом, я не могу сломаться и могу притвориться, что вы обе все еще здесь. — Я глубоко вздыхаю и ложусь на прохладную траву. — На этот раз я должна была прийти одна. Я хотела быть той, кто скажет вам обоим. Я хотела, чтобы вы двое были первыми, кому я расскажу. Я еще даже не сказала Грегу или Коэну, хотя у меня такое чувство, что когда я это сделаю, они будут праздновать так громко, что вы все равно их услышите.

Я с улыбкой смотрю в безоблачное небо и продолжаю рассказывать о причине своего приезда:

— Это заняло всего шесть месяцев, но документы об усыновлении пришли сегодня. Мы с Грегом официально являемся законными родителями Коэна. Коэн думает, что это круто, что у него новое имя. Коэн Кейдж. Он говорит, что это лучшее имя для супергероя. — Я смеюсь несколько раз, прежде чем успокаиваюсь.

— Я бы хотела, чтобы вы все еще были здесь. Я всегда думала об этом моменте, и каждый раз я хотела бы, чтобы вы обе были здесь, со мной. Но точно так же, как мы говорим Коэну, я знаю, что вы все еще там, наверху, и рады за меня.

Мне требуется несколько минут, прежде чем я могу говорить, несмотря на комок в горле.

— Я сегодня ходила к врачу, — шепчу я. — Я надеюсь, что это девочка, Фиа. Помнишь все те времена, когда мы говорили о том, как было бы замечательно сначала родить сына, а потом дочь, чтобы у них всегда была защита? Я не могу дождаться, когда увижу, когда Коэн

станет братом. — Я лежу там еще несколько мгновений с улыбкой на лице и вспоминаю все те времена, когда мы планировали наше будущее. Становится легче, когда я скучаю по своей семье, но боль никогда не прекращается.

— Я скучаю по вам, ребята. Я просто хотела, чтобы вы знали, чтобы вы были первыми, кто узнает, что с Коэном все в порядке и что довольно скоро наша семья пополнится. Я так сильно хочу, чтобы вы были здесь и поделиться этим с вами. Я люблю тебя, мама. Я люблю тебя, Фиа.

Я поднимаюсь на ноги и бросаю еще один взгляд на два надгробия, которые отмечают мою семью.

Я люблю вас двоих очень сильно.

Когда еду домой с кладбища, я чувствую, как тяжесть горя спадает с моего сердца, и оно взмывает в небо впервые с тех пор, как я потеряла Фиа.

Когда я въезжаю на подъездную дорожку и вижу своего мужа и нашего сына на траве, я знаю, что, несмотря на душевную боль, мы оба научились летать.

Мы жили.

И теперь мы можем научить наших детей делать то же самое.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ